

Е. Фуксъ.

АНЕКДОТЫ
КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,
ГРАФА
СУВОРОВА РЫМНИКСКАГО.

изданіе

А. Радонежскаго.

Прибыль отъ продажи поступить на памятникъ Суворову.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФИЯ
1900

✓ $\frac{110}{1100}$

Е. Фуксъ

АНЕКДОТЫ

КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,

Г Р А Ф А

СУВОРОВА РЫМНИКСКАГО.

—
ИЗДАНИЕ

8 3314

А. Радонежскаго.

—
Прибыль отъ продажи поступить на памятникъ Суворову.

—
С - ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1900

А. А. Суворовъ Рижанъ
1799 г

СОДЕРЖАНИЕ	
ПРЕДИСЛОВІЕ.....	4
ДРУГУ.....	5
АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ.....	8

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Фуксъ Егоръ Борисовичъ служилъ при Безбородко по дипломатической перепискѣ. Съ 1798 года состоялъ правителемъ дѣлъ у Суворова во время итальянскаго похода, а въ 1812 г. въ томъ же званіи у Кутузова.

Сочиненія, написанныя Фуксомъ: «Исторія Австрійско-Россійской кампаніи 1799 г.». (изд. 1826 — 1830 г.), «ИСТОРИЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА, князя Италійскаго Графа Суворова Рымникскаго» (1811 г.), «Собраніе разныхъ сочиненій» (1827 г.). «Анекдоты Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго. С.-Петербург 1827 г».

По отзыву составителя прекрасной книги: «Генералиссимусъ Князь Суворовъ» А. Петрушевскаго, «Анекдоты Фукса представляютъ наборъ анекдотическихъ подробностей о Суворовѣ, безъ всякой системы и порядка между коими встрѣчаются и небывальщины»¹.

Тѣмъ не менѣе я считаю благовременнымъ издать книжку Фукса въ ея первоначальномъ видѣ съ соблюденіемъ особенностей его правописанія, такъ какъ оной нѣтъ въ продажѣ и она стала рѣдкостью. Между тѣмъ каждое слово о Суворовѣ очевидца и ближайшаго сотрудника его, безъ сомнѣнія, драгоцѣнно.

Всѣ, писавшіе о Суворовѣ послѣ Фукса — Михайловскій-Данилевскій, Милютинъ, Полевой, самъ г. Петрушевскій и др. пользовались сичиненіями Фукса.

Правда, многіе изъ анекдотовъ, собранныхъ Фуксомъ, общеизвѣстны, но въ нихъ столько юмора, что и, по нѣсколько разъ перечитывая ихъ, испытываешь истинное наслажденіе. Но кто впервые прочтетъ «Анекдоты Фукса», найдетъ для себя много новаго, въ высшей степени любопытнаго. Суворовъ обладалъ природнымъ юморомъ. «Проказничая, Суворовъ, — пишетъ Фуксъ, — былъ всегда серьезенъ, никогда не улыбался, какъ будто-бы все это въ порядкѣ вещей. Многіе рассказы производятъ въ читателѣ неудержимый смѣхъ, какъ напр: объѣдъ данный Суворовымъ Потемкину и его свитѣ, или — церемоніѣ возложенія на камердинера Прошку двухъ медалей, пожалованныхъ ему королемъ Сардинскимъ съ надписью на латинскомъ языкѣ: «ЗА СБЕРЕЖЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ СУВорова», При рескриптѣ съ такимъ адресомъ «Господину Прошкѣ, камердинеру Его Сіятельства князя Суворова и др.

Кромѣ анекдотическихъ рассказовъ въ книжкѣ Фукса приведено множество, высказанныхъ Суворовымъ, взглядовъ, своеобразныхъ, глубокихъ, остроумныхъ, о религіи, политикѣ, военномъ дѣлѣ, исторіи, поэзіи, музыкѣ, живописи.

Въ представленіи нашего общества Суворовъ рисуется или какъ полководецъ, или чудакъ. Книжка Фукса даетъ много матеріала для изученія Суворова и какъ человѣка, и какъ русскаго гражданина.

Извѣстно, что Суворовъ не терпѣлъ ни портретовъ своихъ, ни зеркалъ: «Не хочу видѣть еще такую рожу, какъ моя». Даже Императрица Екатерина снисходила этой странности и приказывала, во время пріема Суворова, завѣшивать во дворцѣ зеркала.

«Анекдоты Фукса» — это живой портретъ Суворова, вѣрное зеркало, гдѣ отразился духовный обликъ великаго человѣка, русскаго богатыря не только на полѣ брани, но и на поприщѣ, науки и нравственности.

А. Р.

¹ «Генералиссимусъ Кн. Суворовъ». А. Петрушевскаго. Т. 3. Приложение.

Другу.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ анекдоты мои о Суворовѣ. Многіе пишутъ я еще при жизни его: многіе растеряли въ походахъ; многими, о которыхъ вспомнилъ, пополнилъ недостающіе. Боюсь, что, можетъ быть, забылъ помѣстить какой-нибудь достопамятный, который лучше всѣхъ этихъ ознаменовалъ бы и душу и умъ его. Но если вспомню, то присоединю непременно. Исполнивъ обѣтъ, данный моему великому благодѣтелю, кончивъ Исторію Россійско-Австрійской кампаніи, я теперь отдыхаю и пишу, что вспомню. Чувствую, и вы со мною согласитесь, что всѣ, разбросанныя въ анекдотахъ сихъ, черты не составляютъ еще полнаго, похожаго его портрета. Всѣ великіе полководцы, древнѣйшихъ и новѣйшихъ вѣковъ, имѣли свои особенности, безъ которыхъ не отличались бы отъ толпы: но они слѣдовали свѣтскимъ приличіямъ. Нашъ же, какъ, будто выирыгнувъ изъ сей сферы, и представляетъ собою необыкновенное, единственное явленіе и на военномъ поприщѣ, гдѣ онъ непобѣдимъ, и въ кабинетѣ своемъ, гдѣ непостижимъ. Румянцевыхъ, Кутузовыхъ, Тюреневъ и другихъ мы знаемъ: ибо они дѣйствовали, обращались съ людьми по-людски, говорили нашимъ языкомъ: тонкости и тайны ихъ раскрылись. Но Суворовъ, по словамъ Клинтонъ, остается іероглифомъ и въ потомствѣ. Спросите всѣхъ, оставшихся еще въ живыхъ стариковъ, которые знали его лично, и вы услышите сужденія объ немъ противорѣчащія: одни будутъ его возносить до небесъ; другіе же, а особливо видѣвшіе его однажды, находили его человѣкомъ разстроеннаго разсудка. Не сердитесь на послѣднихъ: — я въ началѣ принадлежалъ къ ихъ числу. Признаюсь, что первое мое свиданіе съ нимъ произвело во мнѣ впечатлѣніе, весьма невыгодное. Меня представилъ Генераль отъ Инфантеріи А. Г. Розенбергъ. Суворовъ выбѣжалъ въ рубашкѣ, утирая лицо тряпицею. «Кто это такой?» спросилъ онъ его. Тотъ отвѣчалъ: «Это Статскій Совѣтникъ Фуксъ». — «Ахъ, помилуй Богъ, какой ты худошавый, тебѣ надобно со мною ѣздить верхомъ». Вотъ для меня новая забота! отъ роду верхомъ я не ѣздилъ. — Послѣ спросилъ опять Розенберга: «А этотъ кто?» Ответъ: Статскій Совѣтникъ Башловскій. — «Ахъ, какъ ты толстъ, «сказалъ онъ ему «я къ тебѣ залезу въ брюхо погрѣться, когда озябну». Такое вступленіе въ новое знакомство мнѣ очень не понравилось, и я ушелъ отъ его обѣда. За столомъ спрашивалъ онъ, куда дѣвался худошавый Бригадиръ? и ему отвѣчали, что занемогъ коликою. — Отъ многихъ старался я узнавать о первыхъ впечатлѣніяхъ, которыя производилъ его пріемъ; и всѣ согласовались съ моими чувствами. Чтобы и вы со мною согласились, позвольте мнѣ васъ ему представить. Переселимся мысленно въ вѣкъ его и сыграемъ комедію: но невымышленную. Зная васъ, ваше воспитаніе, вашу образованность, ваше уваженіе къ вельможамъ, вы бы конечно пожелали увидѣть того знаменитаго Россіянина, героя всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и будущихъ. Вы, можетъ быть, невольно приготовились бы сказать ему что-нибудь лестное; но, вдругъ, гдѣ вы? — въ избѣ, или простой горницѣ; старикъ, въ солдатской курткѣ или въ рубашкѣ, безъ докладовъ выбѣгаетъ, обнимаетъ васъ, начинаетъ вамъ рассказывать странности, небылицы, прыгаетъ, вертится, дѣлаетъ вамъ вопросы, ни съ чѣмъ несообразные. Вы трепещете, чтобы не проговориться, не попасть въ немогузайки; и кто же этотъ чудакъ? Суворовъ! — Навѣрно сказали бы вы мне то же, что одинъ добрый и достойный пріятель мой, котораго я уговорилъ представиться ему, и которому онъ сказалъ, увидя большой его носъ: «Поцѣловалъ бы тебя въ губы, но носъ мѣшаетъ». Пріятель мой симъ оскорбился, и сказалъ мнѣ съ досадою: «Что вамъ вздумалось привести меня въ домъ сумасшедшихъ». Хотѣлъ-было тотчасъ уйти. — Такъ и Лейбъ-Медикъ, Вейкартъ, послѣ перваго пріема, хотѣлъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. И онъ обидѣлся отзывомъ Суворова, что Наумъ, его фельдшеръ, первый врачъ въ Европѣ. А такъ какъ у Вейкарта выговоръ нѣмецкій ему не понравился, то велѣлъ ему говорить по-Русски, и отвѣчать даже на этомъ языкѣ, если бы Суворовъ и забывшись сталъ съ нимъ говорить по-Нѣмецки. Вейкартъ съ трудностію изъяснялся по-Русски. Подивитесь же теперь! Пріятель мой сдѣлался въ продолженіе времени преданнѣйшимъ человѣкомъ Суворова; а Вейкарта застаю я въ Вильнѣ на колѣнахъ предъ Распятіемъ молящагося съ пролитіемъ слезъ. Я испугался и спросилъ его, не получилъ ли онъ изъ Петербурга непріятныхъ о семействѣ своемъ извѣстій? «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ «вижу, что медицина наша ограничена; я прибѣгаю и молю всѣхъ благъ Подателя, да вразумитъ меня изцѣлить нашего отца». — Такъ всѣ окружавшіе его, послѣ первыхъ тяжкихъ испытаній, дрались его приверженцами. — Что подумали бы вы на сей аудіенціи, увидя Генералиссимуса, то подбѣгающаго къ вамъ, то отбѣгающаго, начинающаго въ одномъ углу дѣлать сравненіе древнихъ Грековъ съ Римлянами: вдругъ слышите вы рассказы о бывшей пляскѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; отсюда переходъ къ Римнику, повѣствованіе о сраженіи, котораго вы не понимаете. Но довольно вы устали; выходите изъ сего сумбурнаго міра, и спрашиваете меня, где же Суворовъ? — Онъ въ своемъ кабинетѣ тамъ все, что вы видѣли и слышали здѣсь, прекращается. Тамъ однажды я некстати расшутился, и онъ мнѣ сказалъ: «Зачѣмъ не сберегъ ты лучше эти матеріалы для стола; теперь пора рабочая». Тамъ диктуетъ онъ диспозицію къ сраженію, взвѣшиваетъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначаетъ позиціи своимъ войскамъ, предписываетъ имъ, дѣйствія новыя, чертитъ самъ планы, или поправляетъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генераль-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цаха, которые за то не сердятся, но

изумляются и благодарят его. Румянцевы, Конде, Тюрены и весь Ареопаг великих полководцев, кажется, в нем воскресают. Это не лесть: неумолкающий гром шестидесяти победоносных сражений возвещает то вселенной! Вы увидели бы редкий феномен: человек в двух лицах; переменяли бы прежнее одностороннее свое об нем осуждение и умолкли. Но после сего молчания угадываю уже ваш вопрос: «Зачем же такому великому мужу показываться чудачком?» Вот этого-то вопроса я и трепетал. — Скажу вам, что знаю; наперед чувствую, что не удовлетворю вполне вашему любопытству. Старик рассказывал мне, что он начал так странничать с Полковничьяго чина, когда с полком своим осадил и взял приступом монастырь. Нам остается только удивляться, как через столь долгое время, по конец жизни своей, носил он сию личину странностей! Он, по-видимому, не хотел сложить ее с себя, чтобы не перестать быть Суворовым. Расскажу вам, что мне говорил на этот счет один престарелый, тридцати пятилетний спутник Суворова. Вот его слова: «Он решился быть единственным, ни на кого не походить. Для сего пробовал он прежде обширное поле истории всех вех; вы видите, с каким вниманием читает, слушает, твердит он биографии всех великих мужей, хвалит приметы их величия; но, для своей славы, прокладывает новую, дотоле неизвестную тропу. Он знает, что наружность его не позволяет ему когда-либо сравниться с особенною сановитостью и даром слова Румянцева; что, дабы уподобиться в великолесью и в огромных замыслах Потемкина, нужны были бы несметные миллионы злата. «Повесьте мне», продолжал Вилим Христофорович Дерфельден, «сей мнимый враг зеркала, заметя в оном невидную свою наружность, начертил тогда же план той роли, которую теперь играет. Мы все видим неумолимое его стремление быть героем и казаться чудачком. И мы не можем довольно возблагодарить Промыслу, вознесшему на отечественный Престол наш образец во благости царей — ЕКАТЕРИНУ. Она в странностях Суворова, нетерпимых во всякой службе под другим Правлением, видела зарю будущей своей славы». — Слова сии — плоды тридцатипятилетних наблюдений! Присоединю здесь нечто на счет пользы, от странностей его происходившей. Я видел нередко, как приходили к нему Союзные Генералы с жалобами или объяснениями по недоразумениям, столь часто между союзниками возникающим и угрожавшим тогда неприятными последствиями, даже разрывом. Но одно его неожиданное острое слово, шуточный какой-нибудь рассказ о постороннем предмете проказливые скачки — потушали вдруг пламя раздора в самом его начале. Они забывали иногда, за чем приходили. — Ценою многочисленных побед, беспредельной доверенности к нему войска и опытного знания сердца человеческого, приобрел он сие преимущество издвигаться над всеми, когда мы думали, что мы над ним смеемся. Он, был оригинал, и оригинал, неподражаемый. — Не могу не упомянуть здесь о следующем, ему пересказанном анекдоте, что когда один Генерал, желавший идти по следам его, закричал однажды войску словами и голосом Суворова: «Здравствуй, ребята, чудобогатыри, друзья мои, и пр. и пр.», то все солдаты расхохотались и произнесли в один голос: «Что этот старик к нам привязался?» Все его восклицания действия над ними не произвели. Восторг, с каким выслушал Суворов сей анекдот, обнаружил слишком торжество его в неподражаемой его оригинальности. Из многих, здесь помещенных анекдотов увидите вы, что он не хотел походить на тех военачальников, о которых говорят только в продолжение их начальствования. Нет, он хотел и вне круга сей деятельности быть предметом беспрестанных разговоров, своих воинов, жить в сердцах их, быть, как я уже сказал, книгою в их избах, забавлять собою и удивлять, и с особенностью характера своего стоять наравне с воинским своим гением. Играть такую роль, ни от кого позаимствованную, а самим собою для себя сотворенную, выдерживать ее во всех превратностях долговременной жизни своей, преобразить ее во вторую себя натуру — есть, в нравственном мире явление чудесное! И сему то жертвовал он своим умом, своими нравственными и физическими силами, своим покоем, так сказать: всем бытием своим! — и для чего?... чтобы быть человеком необыкновенным, единственным; чтобы сиять в Истории благотворным для человечества феноменом. Разкройте сии анекдоты, обрисовывающие раскиданные отрывки его уначертания, и вы встретите в них следы стремления его к сей единой цели. — В одном анекдоте говорит Суворов, что Александр не сжег Афин для того, чтобы в тамошних гостинницах рассказывали о его гадствах. «Пусть», присоединяет он «и о моих солдатских проказах говорят в артелях». Сие-то лучше всего отпечатывает порывы его к бессмертию. — И этого Россиянина, за то, что он был знаменитый Россиянин, пестрили, марали, чернили пристрастный, злобою упитанный перья некоторых историков Германии и Франции. Но известный на Германском горизонте писатель, Сеуме, побуждаемый благородством чувств и справедливости, отважился быть его защитником; за то иностранные журналы возстали на него и обвиняли его в пристрастии — так укоренилось предубеждение против Суворова! — Г. Сеуме был Российской службы Офицером, за неявку в срок в полк свой выключен, возвратился в Германию и сдвинулся известным своими сочинениями, а больше описанием странствования своего пешком в Сиракузы. В оном говорит он о Суворове; и я с удовольствием выписываю вам здесь в перевод слова сего чужеземца, для которого истина священна.

Вотъ какъ онъ говоритъ: «Городъ Айроло, на Альпійскихъ горахъ, былъ моимъ вторымъ ночлегомъ. Здѣсь поместился я въ домъ, въ которомъ говорили по-Нѣмецки, по-Италіянски и по-Французски. Хозяинъ дома составлялъ съ своимъ семействомъ пріятный кругъ, гдѣ я тотчасъ, водворился. Суворовъ стоялъ у него нѣсколько времени на квартирѣ и оба мы имѣли тотчасъ пунктъ прикосновенности. Онъ былъ преисполненъ энтузіазма къ старику Генералу и хвалилъ особенно его любезность и снисходительность, что можетъ быть многимъ покажется страннымъ и подозрительнымъ. Но я не вижу, зачѣмъ бы хозяину въ Айролѣ, на выстѣ Сеи-Готара, говорить о томъ, чего онъ не видалъ. Суворовъ былъ не одинъ Генералъ, который во время войны сдѣлалъ ему честь жить у него въ домѣ: онъ описывалъ другихъ, какъ онъ ихъ находилъ. Многіе изъ нихъ известны всѣмъ. Я имѣлъ уже двусмысленное счастье слыть приверженцемъ старому Суворову, а я старался только спасать истинный его характеръ и истолковывать нѣкоторые феномены, которые ставили ему въ вину. Левъ умеръ; и всѣ на него бросаются. Знаю, что вся жизнь его была цѣпь особенностей. Но если послушаешь его недоброхотовъ, то онъ вздорный, безхарактерный старикъ; а такимъ онъ, право, никогда не былъ. Странность была вообще его отпечатокъ. Политическія тогдашнія отношенія показываютъ, въ какомъ мучительномъ положеніи находился Суворовъ; онъ говорилъ объ ошибкахъ смѣло, безъ пощады и лицепріятія; былъ старъ и боленъ, и предвидѣлъ конецъ своей жизни. Неудовольствіе его въ таковыхъ обстоятельствахъ не могло уменьшиться. Проступки нѣкоторыхъ его подчиненныхъ приписывались ему въ вину. Какъ правдивый мужъ, знающій себѣ цену, но съ желѣзною грудію солдата, имѣлъ онъ особенности, которыя казались инымъ проказами. Онъ былъ строгъ къ себѣ и въ требованіяхъ отъ другихъ. Рассказывали объ немъ въ одномъ иностранномъ городѣ, какъ о постыдномъ скрягѣ; но это грубая ложь: ибо въ характерѣ его столь же мало скупости, сколько и хвастливой расточительности. — Я совершенно удостовѣренъ, что Суворовъ былъ, честный человѣкъ, а не жестокосердый. Ты знаешь, что я ему ничѣмъ не обязанъ, а потому и не можешь находить въ моихъ отзывахъ объ немъ ничего инаго, кромѣ честнаго моего мнѣнія. Если вѣрить Англичанамъ, которые личнымъ своимъ характеромъ заслуживаютъ довѣріе, то Сѣверный Суворовъ, если и все справедливо, что объ немъ рассказывать, пребудетъ навсегда образцомъ чловѣколюбія предъ героемъ нашего времени, Бонапартомъ, который въ восточныхъ своихъ походахъ разстрѣливалъ картечами по тысячамъ плѣнныхъ.

Здѣсь, на высой Сен-Готара, утверждаютъ, что если бы Суворовъ имѣлъ время перебросить, хотя 6000 съ горы въ Цюрихъ, то сраженіе было бы столь же ужасно для Французовъ, сколько для Русскихъ. Всѣ Французы, съ которыми я объ этомъ говорилъ, подтверждаютъ то же самое, и говорятъ, что удаленіе Ерц-Герцога, вовлеченнаго въ сѣти фальшиваго маневра на Нижнемъ Рейнѣ, было причиною ихъ удачи. Кончимъ словами Тасса: что тотъ сказалъ о Виргиліи, то скажемъ о Суворовѣ: «Пойдемъ ему во слѣдъ, не съ тѣмъ, чтобы съ нимъ равняться, или его превзойти: но чтобы, останавливаясь на каждой тропинкѣ его, любоваться и удивляться». — Прощайте. Вотъ вамъ въ анекдотахъ Суворовъ, какимъ я его зналъ.

АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ.

Не извѣстно, по какимъ обстоятельствамъ при ЕКАТЕРИНѢ Суворовъ не былъ однажды внесенъ въ списокъ дѣйствующихъ Генераловъ. Это его весьма огорчало. Приѣхавъ въ Петербургъ является онъ къ ИМПЕРИТРИЦѢ; бросается къ Ея ногамъ, и лежитъ неподвижно простертымъ. ИМПЕРИТРИЦА подаетъ ему руку, чтобы его поднять. Онъ тотчасъ вспрыгнулъ, поцѣловалъ Ея десницу, и воскликнулъ: «Кто теперь противъ меня? Сама МОНАРХИНЯ меня возстановляетъ!» — Въ тотъ же день было катанье по Царскосельскому пруду на яликахъ. Суворовъ имѣлъ счастье быть гребцомъ ЕКАТЕРИНЫ. Когда подѣхалъ къ берегу, то сдѣлалъ изъ судна такой отважный скачекъ, что Государыня испугалась. Онъ просилъ у Нея извиненія, что, считаясь Инвалидомъ, возилъ Ея ВЕЛИЧЕСТВО неисправно. «Нѣтъ!» отвечала Она «кто дѣлаетъ такіе прыжки. Salto mortale, тотъ не Инвалидъ». — и въ тотъ же день внесенъ онъ въ военный списокъ Генераловъ, и получилъ начальство.

* *
*

Въ Туринѣ явились три депутата изъ Лукки, съ прошеніемъ о принятіи несчастнаго сего Герцогства подъ покровительство Россійскаго оружія. Они были приглашены къ столу Фельдмаршала. Въ продолженіи обѣда, онъ подробно спрашивалъ о мѣстоположеніи, торговлѣ и о многихъ статистическихъ подробностяхъ ихъ отечества. Замѣчалъ онъ между прочимъ, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сія знаменитая нѣкогда Римская провинція переходила изъ рукъ въ руки отъ одного владѣльца къ другому съ молотка, и показалъ необыкновенныя историческія свои о томъ краѣ знанія. Въ заключеніе спросилъ: «Что есть въ Луккѣ самое достопамятнѣйшее?» Одинъ изъ депутатовъ отвѣчалъ: «Тереза Бандентини, знаменитѣйшая во всей Италіи Improvisatrice, Членъ разныхъ Академій, краса и гордость нашей родины. Она поручила намъ просить у Героя Суворова его біографіи; ибо намѣревается воспѣть его побѣды». — Александръ Васильевичъ нѣсколько задумался, и произнесъ: «Зачѣмъ избрала она себѣ предметомъ такой оригиналь?» Депутатъ подхватилъ: «Лишь оригинальности піитическаго Генія нашей Бандентини приличествуетъ воспѣть такого великаго оригинала». — Мнѣ велѣно было сообщить все, что я имѣлъ и зналъ. Она написала превосходнѣйшую на побѣды Суворова въ Италіи оду, напечатанную въ Луккѣ. Въ семь твореній вдохновенія ея блистаютъ сила воображенія, истина и гармонія выраженія.

* *
*

Графъ Сентъ-Андре, почтенный Сардинскій Генераль, преданный Суворову, сказалъ ему однажды въ разговорѣ: «Ваше Сіятельство имѣете враговъ, но не соперниковъ».

* *
*

Однажды Князь наединѣ со мною въ кабинетѣ, по окончаніи дѣлъ, спросилъ меня: «Будешь ли писать въ исторіи моей и анекдоты обо мнѣ?» Я отвѣчалъ: «Непременно, если буду живъ». — «Напрасно, напрасно»: возразилъ, онъ «я небогатъ анекдотами, а странностями, проказами; я чудакъ, мальчишка, и пр. и пр.». Опять просилъ я Его Сіятельство, предоставить судить о себѣ другимъ. «Да какая польза отъ анекдотовъ?» былъ его вопросъ. Отвѣтъ мой: «Величайшая. По мнѣнію моему, чтеніе анекдотовъ изъ Плутарха образовало наиболѣе военныхъ людей. Это черты, изъ которыхъ составляется портретъ, образецъ соревнованію. И не рѣдко одинъ анекдотъ, лучше всякаго пера исторіи, изображаетъ намъ характеръ и геній Героя. Прочитавъ въ Светой анекдоты изъ частной жизни Цезарей, мы лучше обнимаемъ Тацита, Тита Ливія, Салюстія и всю Римскую Исторію. Самъ Цезарь собиралъ острые слова, апофтегмы Цицерона, а Цензоръ, Катонъ, достопамятныя сказанія знаменитыхъ своихъ соотечественниковъ. И если позволите мнѣ». — «Продолжай, продолжай:» вскрикнулъ онъ «ты говоришь какъ книга». — «Позвольте мнѣ сказать: Архенгольцъ, въ Исторіи семилѣтней войны выставилъ Фридриха Марсомъ, а Битингъ въ анекдотахъ — человѣкомъ въ кабинетѣ и частной его жизни, и изъ сей совокупности выходитъ Фридрихъ великимъ. Безъ Голикова и Штелина, не знали бы мы нашего ПЕТРА ВЕЛИКАГО, какъ мы теперь Его знаемъ. Такъ изъ анекдотовъ моихъ узнаютъ и того, передъ которымъ я

имѣю счастье теперь стоять». Онъ тотчасъ вскочилъ, благословилъ меня, и сказалъ: «Ступай; пора тебѣ отдыхать, ты усталъ». — Но на лицѣ его читалъ я удовольствію.

* *

*

Когда Австрійскій Генераль, Графъ Беллтегардъ, и Великобританскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ. Лордъ Минто, приѣхали въ Прагу, въ Богеміи, уговаривать возвращавшагося уже съ арміею въ Россію Суворова о начатіи новыхъ военныхъ дѣйствій: то онъ, согласно съ полученными отъ Двора своего предписаніями, отъ того уклонился; но продиктовалъ слѣдующую на Французскомъ языкѣ замѣтку: «Si l'on fait encore la guerre à la France, qn' on la fasse bien; si on la fait mal, ce sera un poison mortel. Il vaut mille fois mieux ne pas l'entreprendre, telle qu' elle a déjà eu lieu. Tout homme qui a étudié le génie de la révolution, seroit criminel de le taire. La première grande guerre qu'on fera à la France, sera aussi la dernière: т. е. Если начать еще разъ войну съ Франціею, то надобно ее вести хорошо; если поведутъ ее худо, то это будетъ смертельный ядъ. Тысяча разъ лучше ее не предпринимать по-прежнему. Всякій, вникнувшій въ духъ революціи, былъ бы преступникомъ, если бы о семъ умолчилъ. Первая большая война съ Франціею будетъ, и послѣднею».

* *

*

Князь Алексалдръ Васильевичъ любил, скорые отвѣты безъ остановки. Онъ хогѣлъ въ семъ роде испытанія быть Лафаторомъ: узнавать, какъ тотъ — характеръ человѣка по фізіономіи, такъ онъ — по отвѣту. Многіе очень ошибались, думая, что, отвѣчая ему скоро и нелѣпо, ему угождали. Правда, онъ замолчить, но оцѣнить пустослова. Приведу здѣсь одинъ примѣръ: Однажды еще наканунѣ поднесенъ, былъ рапортъ о присоединеніи къ нашей арміи 3500 Сардинскихъ войскъ. Не смотря на то, что онъ сіе зналъ, подходилъ къ каждому съ вопросомъ о числѣ ихъ. Всякій отвѣчалъ наобумъ. Иной 5000, другоѣ 200, а нѣкто 20000. «Ахъ, помилуй Богъ, какъ ты щедръ!» вскрикнулъ и отскочилъ отъ него. Но одинъ Генераль объявилъ истинное число. Тотчасъ шепнулъ онъ мнѣ, чтобы пригласить его къ столу. За завтракомъ онъ потчивалъ, его изъ своихъ рукъ рѣдкою, что у него почиталось особеннымъ отличіемъ. За обѣдомъ бесѣдовалъ съ нимъ и обратилъ разговоръ на необходимую обязанность военнаго начальника знать число своего войска. «Румянцевъ», заключилъ онъ, «зналъ не только число своего войска, но и имена солдатъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ Кагульскаго сраженія узналъ онъ въ городѣ Орлѣ сторожа, служившаго на той славной битвѣ рядовымъ; остановилъ его, назвалъ по имени и поцѣловалъ».

* *

*

Когда, предъ вступленіемъ нашимъ въ Швейцарію, прибылъ въ армію Генераль-Маіоръ, Графъ, Николай Михайловичъ Каменскій, то онъ пожаловалъ ко мнѣ и просилъ меня представить его Фельдмаршалу. Мы пошли къ нему. Дорогою замѣтилъ я въ Графѣ смущеніе; онъ не скрылъ отъ меня своего опасенія, что, можетъ быть, по извѣстнымъ всѣмъ бывшимъ между Александромъ Васильевичемъ и отцемъ его непріятностямъ, не удостоится онъ благосклоннаго приѣма. Я засмѣялся, сказавъ ему: «Худо, Графъ, знаете, вы Суворова: но вы тотчасъ разувѣритесь». Едва лишь произнесъ я имя Графа Каченскаго, какъ онъ уже обнялъ и разцѣловалъ его, съ сими словами: «Какъ! сынъ друга моего будетъ со мною пожинать лавры, какъ я некогда съ отцемъ его!» — Прочитавъ письмо отъ его родителя прослезился и произнесъ: «Когда ты къ батюшкѣ будешь писаешь, то принеси письмо, я припишу». Мы пошли къ обѣднѣ. Вдругъ съ крылоса подбѣжалъ Графъ къ Николаю Михайловичу, съ вопросомъ: «поетъ ли его батюшка?» на отвѣтъ, что поетъ, отвѣчалъ онъ: «Знаю, но безъ ноть, а я по нотамъ» — и побѣжалъ къ пѣвчимъ. — По переходѣ чрезъ Альпійскія горы, когда Графъ Каменскій отличился уже своимъ безстрашіемъ, находясь денно и ночно посреди ужасовъ и отъ непріятелей, и отъ стихій, безотлучно впереди своего полка; и пуля пролетѣла сквозь его шляпу: поднесъ онъ Генералиссимусу открытое письмо свое къ отцу. Тута приписалъ Суворокъ между прочимъ: «Юный сынъ вашъ, старый Генераль». Воспоминаніе о семъ драгоцѣнно моему сердцу: ибо на Альпійскихъ, горахъ связанъ былъ между знаменитымъ, навѣки незабвеннымъ симъ защитникомъ, Отечества, и мною тотъ крѣпкій узелъ дружества, который не ослабнулъ и поконецъ его жизни.

* *

*

В готъ день, когда въ городѣ Нейтитченѣ завѣщаль мнѣ Князь у гробницы Лаудона, сдѣлать на своей надписи: здѣсь лежитъ Суворовъ. бесѣдовалъ онъ много о смерти и эпитафіяхъ; также, что онъ желалъ бы положить кости свои въ Отечество. «Не помнишь ли», обратясь ко мнѣ, спросилъ: «какой памятникъ былъ воздвигнутъ Еврипиду?» Къ счастью, читаль я о томъ недавно и началъ: «Царь Македонскій, Архелай, воздвигнулъ Еврипиду памятникъ, съ надписью: никогда память твоя, Еврипидъ, не угаснешь. Но блистательнѣйшій кенотавъ, въ Аѣинахъ былъ сей: *Вся Греція памятникъ Еврипиду. Земля Македонская покрываетъ токмо его кости*». — Онъ произнесъ: «Спасибо тебѣ, что ты помнишь. Еврипидъ былъ въ мірѣ одинъ, и памятникъ ему — единственный!»

* *

*

Болѣнь и болѣнь, то есть, съ удареніемъ надъ послѣднимъ слогомъ *лѣнь*, различалъ Князь. Просто болѣнь, значило у него истинно изнемогшаго, который слегъ въ постель; но боленъ съ удареніемъ надъ *лѣнь*, былъ по его мнѣнію тотъ, которому нездоровится, которому не такъ-то по себѣ, который прихворнулъ; проклятая мигрень! — И этого онъ не терпѣлъ. Всегда спрашивалъ о какомъ нибудь больномъ: «Что онъ: болѣнь, или болѣнь?» Разумѣется, чтобъ не разсердить его, отвѣтъ былъ, всегда чистымъ языкомъ: болѣнь, безъ непріятнаго ударенія. И тутъ повторялъ онъ свой рецептъ изъ словеснаго поученія солдатамъ: «Бойся Богадѣльни: — Нѣмецкія лекарственницы издалека тухлая, безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ. Помните, господа! полевой Лечебникъ Штабъ-Лекаря Бѣлопольскаго. Богадѣльни первый день мягкая постель, второй день Французская похлебка, третій день, ея братецъ, домвище къ себѣ и тащить! Одинъ умираетъ, а десять товарищей хлебуютъ его смертный дыхъ».

* *

*

Если Князь познакомится покороче съ иностранцемъ, то любилъ называть его по имени и отчеству. Въ бытность въ Финляндіи, имѣлъ онъ подъ начальствомъ своимъ Инженернаго Генераль-Маіора, Прево-де-Люмьяна, которому велѣлъ называться Иваномъ Ивановичемъ; и тотъ поконецъ жизни своей слылъ сими именами, хотя ни онъ, ни отецъ его Иванами не бывали.

* *

*

Слова: не могу знать, не умѣю доложить, или сказать, полагаю, можетъ быть, мнѣ кажется, я думаю, и все подобное, неопредѣлительное, могли его разсердить до чрезвычайности. Одинъ, принадлежавшій къ Дипломатическому Корпусу, имѣлъ несчастье употреблять сіи слова и никакъ не могъ отвыкнуть. Онъ однажды довелъ Князя до того, что тотъ велѣлъ растворить окошки и двери и принесть ладону, чтобы выкурить и очистить воздухъ отъ заразительнаго немогузнайства, и тутъ кричалъ онъ: «Проклятая немогузнайка намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, двулочка, вѣжливка, безтолковка, недомолвка, ускромейка. Стыдно сказать, отъ немогузнайки много, много бѣды!» Подобная схватка была у него въ Молдавіи и съ Генераломъ Деводантомъ, который никакъ не хотѣлъ, говорить знаю о такихъ вѣщахъ, которыя ему были неизвѣстны. Споръ у него съ Створовымъ дошелъ до того, что онъ оставъ обѣдъ и, вскочивъ изъ окошка, убѣжалъ къ себѣ на квартиру. Вслѣдъ за нимъ гнался Александръ Васильевичъ, догналъ его, примирился, и сдѣлался другомъ. Деволантъ былъ Голландецъ. Суворовъ послѣ того говаривалъ: „Теперь вижу я, почему Испанскій, Непобѣдимымъ названный, флотъ Филиппа, не могъ устоять предъ такимъ упорно грубымъ народомъ, какъ Голландскій. И Петръ Великій ощутилъ то».

* *

*

Лордъ Клинтонъ, отличнаго ума Великобританецъ, обѣдалъ у Суворова. Въ тотъ день обѣдъ начался въ 9 часовъ пополудни. Повару приказано изготавить блюда къ этому времени, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что Англичане обѣдаютъ поздно. Графъ, какъ говорится, былъ совершенно въ своей тарелкѣ. Бесѣдовалъ весьма пріятно и поучительно о важныхъ военныхъ Историческихъ предметахъ, и восхитилъ Клинтона. На другой день посѣтилъ сей меня и принесъ показать письмо къ другу своему въ Лондонъ. Такъ какъ я по-Англійски не знаю, то просилъ его перевести. Онъ кое-какъ передалъ мнѣ на Французскій языкъ, и я съ дозволенія его положилъ на бумагу. Вотъ содержаніе онаго: «Сей часъ выхожу я изъ ученѣйшей Военной Академіи, гдѣ были разсужденія о Военномъ Искусствѣ, о Аннибалѣ, Цезарѣ, замѣчанія на ошибки Тюреня, Принца Евгеша, о нашемъ Малбурокѣ, о штыкѣ, и пр. и пр. — Вы вѣрно хотите знать, гдѣ эта Академія и кто Професторы? угадайте!... я обѣдалъ, у Суворова: — не помню, ѣлъ ли что, но помню съ восторгомъ каждое его слови. Это нашъ, Гарики, но на театрѣ великихъ происшествій; это тактически Рембрантъ: какъ тотъ въ живописи, такъ сей на войнѣ — волшебники! Боюсь только, чтобы онъ не занемогъ нашимъ сплиномъ: но отъ богатства побѣдъ. И этотъ умнѣйшій мужъ вздумалъ меня увѣрять, что онъ ничего не знаетъ, ничему не учился, безъ воспитанія, и что его по справедливости называютъ Вандаломъ. Наконецъ остановилъ, я его сими словами: «Если вамъ удастся обманывать насъ, вашихъ современниковъ: то не удастся обмануть потомковъ; впрочемъ, и въ самомъ потомствѣ останетесь вы Иероглифомъ». Онъ замолчал, началъ корчить лице, кривляться, дѣлать невѣроятныя гримасы, и прочъ». — Я отважился прочесть Графу сію выписку, и онъ отвѣчалъ: «Ахъ! помилуй Богъ, кто бы подумалъ, что и добрый Клинтонъ былъ у меня шпиономъ? Самъ виноватъ, слишкомъ раскрылся: не было пуговицъ».

* *

*

Портретъ Суворова написанъ былъ Миллеромъ. Онъ готовился уже отвезти въ Дрезденъ: но былъ въ недоумѣніи, показать ли его тому оригиналу, который никогда не хотѣлъ видѣть себя и въ зеркалѣ, или, какъ Г. Миллеръ изъяснялся, не хотѣлъ, видѣть и въ копій другаго Суворова. Я присовѣтывалъ ему пойти со мною и показать ему. Мы пришли. Князь, едва взглянувъ, спросилъ: «Полезны ли вамъ были психологическія мои разсужденія о самомъ себѣ?» — «Очень!» отвѣчалъ тотъ «для начертанія характеровъ пригодно все, и даже мелочи. Толпою незамѣчаемыя черты дѣлаются для артиста, изобразителя души въ тѣлѣ, весьма важными. Счастливо перенесенныя на холстъ, онѣ даютъ портрету всю фізіономію. До сего невдохновенный художникъ никогда не достигаетъ. Рубенсъ, по справедливости провозглашенный Княземъ Нидерландской Школы, изобразилъ смѣющееся дитя. Одинъ мигъ волшебной его кисти — и дитя, къ изумленію всѣхъ предстоящихъ, плачетъ. Я не Рубенсъ! но онъ бы первый разъ позавидовалъ теперь моему счастью!» — Графъ поцѣловалъ его отъ души и велѣлъ мнѣ записать: «Рубенсъ, Миллеръ! — слава творческому Генію Живописи». — «Эти слова», сказалъ Миллеръ въ изступленіи, «изъ устъ Суворова, даютъ безсмертіе!»

* *

*

Разговорились за обѣдомъ о трудностяхъ узнавать людей. «Да правда», сказалъ Князь Александръ Васильевичъ, «только ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ предоставлена была великая тайна выбирать людей: взглянулъ на солдата Румянцева, и онъ офицеръ, посолъ, вельможа; а тотъ за сіе огблагодарилъ Россіи сыномъ своимъ, Задунайскимъ. Мои мысли: вывѣска дураковъ — гордость; людей посредственнаго ума — подлость; а человѣка истинныхъ достоинствъ — возвышенность чувствъ, прикрытая скромностію».

* *

*

По возвращеніи моемъ изъ Венеціи, отдалъ я Фельдмаршалу въ его кабинетѣ отчетъ въ моихъ порученіяхъ. За обѣдомъ разспрашивалъ онъ меня о многихъ подробностяхъ сего чудеснаго,

единственного въ свѣтъ, какъ будто изъ волнъ морскихъ возникающаго, града. Я рассказывалъ ему все, что въ теченіи трехъ дней могъ замѣтить любопытнаго. Онъ вздохнулъ, вспомнивъ о прежнемъ величіи сей Царицы морей, о блескѣ ея торговли; но благодарилъ Бога, что адская политическая инквизиція поглощена ея же волнами. Между многими рассказами упомянулъ я, какъ тамъ въ трактире (Caza di Pedrillo), за общимъ обѣденнымъ столомъ, поразилъ меня сосѣдъ сими словами: «Chez nous a Petersbourg, т. е. у насъ въ Петербургѣ». Не полагая никакъ увидѣть здѣсь Русского, я вскрикнулъ съ изступленіемъ по-Русски: «Какъ! вы были въ Петербургѣ?» Отвѣтъ его: «Я тамъ родился». — «Этого довольно: продолжалъ я «теперь знаю, хотя вы мнѣ и не были знакомы, что вы гуляли тамъ со мною по гранитной набережной, въ лѣтнемъ саду, по островамъ, пили со мною Невскую воду, слышали со мною тотъ же колокольный звонъ, тотъ же барабанъ и, объѣхавъ, какъ и я, множество городовъ, скажите также со мною вмѣстѣ: «Нѣтъ краше матушки Москвы и Петербурга!» Недождавшись ответа, бросился я его обнимать; искренность взаимныхъ чувствъ нашихъ насъ тотчасъ сблизила, и теперь оба мы перестали жить въ Венеціи. — Графъ тутъ съ удовольствіемъ вспомнилъ, какъ въ молодыхъ лѣтахъ, бывъ отправленъ въ Берлинъ курьеромъ, встрѣтилъ онъ также въ Пруссіи Русскаго солдата. «Братски, съ искреннимъ патриотизмомъ», говорилъ онъ, «расцѣлювадь я его; разстояніе состоянія между нами исчезло. Я прижалъ къ груди земляка. Если бы Силла и Марій встрѣтились нечаянно на Алеутскихъ островахъ, соперничество между ними пресѣклось бы; Патрицій обнялъ бы Плебеянина, и Римъ не увидѣлъ бы кровавой рѣки».

* *

*

Когда Фельдмаршалъ, по взятіи Австрійскимъ Генераломъ Кеймомъ Турина, возносилъ его хвалами и пилъ за его здоровье, одинъ его землякъ, изъ знатнѣйшей древнѣйшей фамиліи, сказалъ: «Знаете ли, что Кеймъ изъ самаго низкаго состоянія и изъ простыхъ солдатъ дослужился до Генерала?» — «Да», отвѣчалъ Александръ Васильевичъ, «его не осѣняетъ огромное родословное древо; но я почелъ бы себѣ особенною великою честію имѣть его послѣ сего подвига своимъ, покрайней мѣрѣ, хотя кузиномъ».

* *

*

Случился у Суворова споръ о лѣтахъ двухъ Генераловъ. Одному было дѣйствительно пятьдесятъ лѣтъ, а другому сорокъ. Но Александръ Васильевичъ началъ увѣрять, что сорокалѣтній старѣ пятидесятилѣтняго. «Послѣдній», говорилъ онъ, «большую часть жизни своей проспалъ; а первый работалъ на службѣ денно и ночью. Итогъ выйдетъ, что чуть ли сорока-лѣтній не вдвое старѣ пятидесятилѣтняго». «По этому расчету», сказалъ Маркизъ Шателеръ. «Вашему Сіятельству давно, давно уже минуло за сто и болѣе лѣтъ». — «Ахъ, нѣтъ!» отвѣчалъ Суворовъ, «раскройте Исторію, и вы увидите меня тамъ мальчишкою». — «Истинно великіе хотятъ, всегда казаться малыми; но громкая труба молвы заглушаетъ ихъ скромность», возразилъ Шателеръ. Суворовъ зажмурился, закрылъ свои уши и убѣжалъ.

* *

*

Непонятно, какъ человѣкъ, привыкшій по утрамъ окачиваться холодною водою, выпарившись въ банѣ, бросаться въ рѣку или въ снѣгъ, неносившій никогда шубы, кромѣ мундира, куртки и изодранной родительской шинели, — могъ въ горницѣ переносить ужасную теплоту. Въ этомъ походилъ Князь Александръ Васильевичъ на нашихъ крестьянъ въ избахъ. Подобно имъ, любилъ и онъ быть въ полномъ неглиже. Я, а со мною и многіе, страдали въ его теплицѣ. Не рѣдко потъ съ меня такъ и катился на бумагу при докладахъ.

Однажды закапалъ я донесеніе, хотя по содержанію своему не очень ему пріятное. «Вотъ, Ваше Сіятельство, я не виноватъ», сказалъ я ему, «а ваша Этна», указавъ на печь. — «Ничего, ничего», отвѣчалъ онъ: «въ Петербургѣ скажутъ, или что ты до поту лица работаешь, или что я окропилъ сію бумагу слезою. Ты потливъ, а я слезливъ». — Также и Австрійскій Генераль-Квартирмейстеръ Цахъ распалился до того, что, работая съ нимъ въ кабинетѣ, снялъ съ себя галстухъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросился его цѣловать, съ сими словами: «Люблю, кто со мною обходится безъ фасоновъ». — «Помилуйте», вскрикнулъ тотъ, «здѣсь можно сгорѣть». — Отвѣтъ: «Что делать? Ремесло наше такое, чтобъ быть всегда близъ огня; а потому я и здѣсь отъ него не отвикаю».

* *

*

Государыня ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА, узнавъ, что Суворовъ ѣздитъ и ходитъ, въ ужасные трескучіе морозы въ одномъ мундирѣ, изволила, для сбереженія его здоровья, подарить ему пребогатую черную соболью шубу. Онъ принялъ сей даръ МОНАРШАГО благопризрѣнія съ должнымъ благоговѣніемъ; возилъ съ собою въ каретѣ, держа со всякою бережливостію на колѣнахъ; но никогда не дерзалъ возлагать на грѣшное свое тѣло, какъ онъ отзывался о себѣ по Христіанскому смиренію.

* *

*

При вступленіи войскъ нашихъ въ Варшаву, данъ былъ приказъ: «У Генерала Н. Н... взять позлащенную его карету, въ которой вѣдетъ Суворовъ въ городъ. Хозяину сидѣть насупротивъ, смотрѣть вправо и молчать, ибо Суворовъ будетъ въ размышленіи» (Надобно знать, что хозяинъ кареты слылъ говорунѣмъ).

* *

*

Нѣкто вздумалъ назвать Суворова поэтомъ. «Нѣтъ! извини», возразилъ онъ, «поэзія — вдохновеніе; а я складаваю только — вирши».

* *

*

Говорили объ одномъ военачальникѣ, котораго бездѣйствіе походило на трусость. Графъ тутъ сказалъ: «Нѣтъ, онъ храбръ; но бережетъ себя, хочетъ дожить до моихъ лѣтъ».

* *

*

Генераль-Квартирмейстеръ Цахъ, говоря о Карле XII, назвалъ его Донкиштомъ. «Правда», сказалъ Графъ, «но мы, любезный Цахъ, донкишотствуемъ всѣ (mir alle donquischotienen), и надъ нашими глупостями, горбогатырствомъ, платоническою любовью, сраженіями съ вѣтрными мельницами, также бы смѣялись, если бы у насъ были Сервантесы. Я, читая сію книгу, смѣялся отъ души; но пожалѣлъ о бѣдняжкѣ, когда фантазмагорія кукольной его комедіи начала потухать предъ распаленнымъ его воображеніемъ, и онъ наконецъ покался, хотя и съ горестію, что былъ дуракъ. Это болѣзнь старости, и я чувствую ея приближеніе». — Цахъ при семъ случай разсказалъ анекдотъ, что когда у знаменитѣйшаго ученостію Медика, Сиденгама, при кончинѣ его, просилъ другой Докторъ совѣта, какою книгою ему при леченіи руководствоваться, отвѣтствовалъ онъ: «Читаите Донкишота».

* *

*

Изъ всѣхъ отраслей военного искусства, преимущественно любилъ Князь Александръ Васильевичъ Инженерную науку. Посему, Великая ЕКАТЕРИНА и поручила ему построеніе и поправленіе крѣпостей въ Финляндіи. Вобана зналъ онъ почти наизусть, и вотъ причина, какъ онъ говорилъ: «Покойный батюшка перевелъ его, по Высочайшему повелѣнію Государя ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО, съ Французскаго на Россійскій языкъ, и при ежедневномъ, чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода, изволилъ самъ меня руководствовать къ познанію сей, для военного человѣка столь, нужной и полезной науки». Книга сія сдѣлалась теперь очень рѣдкою: я видѣлъ ее въ рукописи; заглавіе ея:

Прямый

способъ укрѣпленія городовъ,

Изданный

Отъ славнаго Инженера

Вобана,

На Французскомъ языкѣ.

Переведенъ на Россійскій языкъ.

1724 года.

Переводчикъ, говоря въ предисловіи о важности и пользѣ сея книги, заключаетъ слѣдующими словами: «Сихъ убо ради винъ, ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, ИМПЕРАТОРЪ и Отецъ Отечества, егда воспрія сію книгу, на Французскомъ языкѣ изданную, многополезную и другимъ несравненную, возымѣлъ намѣреніе, да сея пользы Россійскій свѣтъ не лишень будетъ, повелѣ изъ Французскаго языка на Россійскій преложити, яже и преложена есть Василиємъ Суворовымъ».

* *
*

Нѣжность въ обращеніи Генералиссимуса съ плѣнными Генералами была примѣрная. Возвращая Генерала Серрюрье, нынѣшняго Маршала Франціи, изъ плѣна въ Парижъ, наговорилъ онъ ему множество вѣжливостей. Тотъ, описывая въ журналахъ свое съ Генералиссимусомъ въ Миланѣ свиданіе, отзывался объ немъ съ восторгомъ. Узнавъ также, что Генераль Лекурбъ былъ женатъ, вручилъ онъ ему при отпускѣ его изъ плѣна на Альпійскихъ горахъ цвѣтокъ, прося его поднести оный, отъ имени его, супругѣ своей. Цвѣтокъ давно увялъ; но чувство благодарности за таковое вниманіе въ благородномъ сердцѣ не старѣетъ и не истлѣваетъ. Лекурбъ показывалъ въ 1813 году оный, какъ нѣчто священное, Генераль-Маіору Э. Э. Шуберту, бывшему при арміи нашей во Франціи Полковникомъ по Квартирмейстерской части.

* *
*

Странности, особенности, или такъ называемыя причуды, дѣлали Князя загадкою, которая не разрѣшена еще и понынѣ. Безпрестанно спрашивали и спрашиваютъ меня: зачѣмъ наложилъ онъ на себя такую личину? И отвѣтъ мой былъ тотъ, какой и теперь: «не знаю». Всегда поражало, изумляло меня, какъ человѣкъ наединѣ умнѣйшій, ученѣйшій, лишь только за порогъ изъ своего кабинета, показывается шуткомъ, проказникомъ, или, если смѣю сказать, какимъ-то проказеннымъ. Онъ игралъ съ людьми комедію и на сценѣ рѣзвился, а зрители рукоплескали. Однажды, вышедъ изъ терпѣнія, отважился я спросить его, что все это значитъ? «Ничего», отвѣчалъ онъ, «это моя манера. Слышалъ ли ты о славномъ комикѣ Карлонѣ: онъ на Парижскомъ театрѣ игралъ арлекина, какъ будто рожденъ арлекиномъ; а за кулисами и въ частной жизни былъ пресерьіозный и строгихъ правилъ человѣкъ: ну, словомъ, Катопись!» — И чтобы пресѣчь разговоръ, приказалъ мнѣ итти съ порученіями къ Генералу отъ Кавалеріи Вилиму Христофоровичу Дерфельдену.

* *
*

Въ, Варшавѣ поутру явилось къ побѣдителю многочисленное собраніе. Одна знатная, Польская, рѣдкой красоты дама, отлично уважаемая, стояла въ толпѣ. Онъ тотчасъ бросился къ ней, съ симъ восклицаніемъ: «Что вижу я? о чудо изъ чудесъ! на прекраснѣйшемъ небѣ два солнца!» Протянулъ два

пальца къ ея глазамъ, и ну ее цѣловать. Послѣ сего, на парадахъ, на балахъ, вездѣ казалась она ему, и возносила его. — Александръ Васильвичъ доказаль симъ, что онъ зналъ дамское сердце, и зналъ, кому сдѣлать такое привѣтствіе.

* *

*

Дюкъ де-Полиніякъ приходитъ въ Варшавѣ къ Суворову и велить тотчасъ о себѣ доложить. Занятый дѣлами, Фельдмаршалъ, желая дать ему почувствовать такую нетерпѣливость, не выходитъ болѣе часа изъ своего кабинета. Вдругъ выбѣгаетъ съ крикомъ, нагнувшись, придерживая свой животъ: «О проклятая колика! она съ часъ задержала васъ. Какъ мнѣ это больно». И началъ съ нимъ разговаривать при многочисленномъ собраніи. Въ продолженіе разговоровъ, Полиніякъ плюнулъ въ платокъ. Тутъ отскочилъ отъ него Графъ; началъ кричать, харкать, плевать на полъ. Прошка тотчасъ подаль чистый платокъ Дюку, а заплеванный взялъ въ мытье. Подполковникъ Тищенко окуриваль его кадильницею съ ладопомъ со всѣхъ сторонъ. Равнодушная при сей церемоніи неподвижность Полиніяка столько понравилась Графу, что они послѣ сблизилась.

* *

*

Подымаясь на Сей-Готаръ съ послѣднимъ напряженіемъ силъ, увидѣли мы вдругъ возвышающееся на ледовитой, снѣжной вершинѣ ужасной горы сей зданіе. Сердце у каждого изъ насъ встрепнулось отъ радости. Мы какъ будто увидѣли предѣлъ нашему, уже истощающемуся, утомленію. Здѣсь тотъ Капуцинскій Монастырь, гдѣ иноки, посвятившіе себя Богу, даютъ убѣжище странникамъ, отыскивають въ пропасть, съ помощью чутя приученныхъ своихъ собакъ, замерзшихъ, отогрѣвають и оттаиваютъ тѣла ихъ, и не рѣдко возвращаютъ имъ жизнь. Мы были встрѣчены Настоятелемъ и братією сей, толикими Богоугодными делами освященной обители, въ церковномъ ихъ облаченіи. Настоятель, семидесятилѣтній маститый старецъ, украшенный сѣдинами и длинною бородою, съ огненными блестящими очами и благоговѣніе вдыхающимъ челомъ, приглашалъ престарѣлаго, изнемогаго нашего вожда въ келью для отдохновенія. «Нѣтъ! Святой отецъ», воскликнулъ онъ, «я и веѣ сіи мои дѣти, подвижающіеся за алтарь Господень, томимся голодомъ; но веи насъ во Храмъ, да воспоемъ хвалу Спасшему насъ! а потомъ уже въ трапезу». — Молебствіе началось; и кто изъ насъ не пролилъ съ итцемъ нашимъ, преклонившимъ колѣна, чистыхъ слезъ благоговѣйнаго глубочайшаго благодаренія Тому Неисповѣдимому, Котораго десница вознесла насъ изъ пропастей на сей верхъ столба — небеснаго, лучезарнаго балдахина своего. — Въ трапезѣ, блюда съ картофелемъ и горохомъ и кака-то рыба пресытили насъ лучше всѣхъ пряностей обѣихъ Индіѣ. И какое зрѣлище!.. два старца. Суворовъ и Пріоръ, сблизилась сердцами, какъ будто бы они вмѣстѣ состарѣлись и посѣдѣли, безпрестанно другъ друга обнимали. Кроткій Священнослужитель разговариваль съ нимъ то по-нѣмецки, то по-французски и по-италіянски. Вдругъ пришла Александру Васильевичу мысль заставить меня говорить по-латыни. Кое-какъ жалкимъ слогомъ на семь мертвомъ языкѣ проговорилъ я нѣсколько словъ: а чтобы скрыть свои недостатки, вздумаль отыгратъ стихомъ изъ Энеиды, казавшимся мнѣ приличнымъ нашему положенію. Память мнѣ неизмѣнила — вотъ онъ:

Per varios casus, per tot discrimina rerum

Tendimus in Latium, sedes ubi fata quietas ostendunt.

т. е.

Мы сквозъ грозу толикихъ напастей тропу пробиваемъ

Въ Лаціумъ, гдѣ намъ судьбы покойную жизнь указуютъ.

Гдѣ я остановился, тамъ ученый мужъ началъ продолжать нѣсколько стиховъ и показаль, что онъ юность свою, болѣе нежели я мою, согрѣваль подъ Пѣитическимъ, яркимъ солнцемъ Виргилія. — Въ продолженіе разныхъ разговоровъ, рассказываль Пріоръ, что по лѣтописямъ монастырскимъ, Русскіе, почти полтора столѣтія назадъ, посѣтили Сен-Готаръ². «И такъ», отвѣчаль Графъ, «мы ступали по

² См. IV-ю часть Древней Россійской Вивлюфики, главу VI: Статейный списокъ посольства Дворянина и Боровскаго Намѣстника, Василія Лихачева, во Флоренціи, Въ 7167 (1659) году. Въ любопытномъ, журналѣ сего, отправленного Царемъ Алексіемъ ихайловичемъ, посольства, сказано между прочимъ слѣдующее: «Марта во 2-й день станъ былъ въ гостинницѣ въ селѣ Ролѣ (Ролѣ), въ Швейцарской землѣ; а ѣхали между превеликихъ высокихъ горъ, и доѣхали до высока снѣжнаго горы Сантутары. (Сен-Готаръ). Тутъ жили три дни по великое заговѣнье; а жили для того, что дѣлали чрезъ тѣ горы дорогу; а по нашъ прїѣздъ чрезъ ту гору Сангутаръ, никто не бываль».

слѣдамъ давно въ Бозѣ усопшихъ пращѣдовъ нашихъ. Не осталось ли здѣсь изъ нихъ умершаго; мы бы воспѣли ему вѣчную память». — «Нѣтъ», отвѣчалъ Пріоръ. — Къ концу обѣда началъ Александръ Васильевичъ возносить похвалами челоуѣколюбивые подвиги сихъ монашествующихъ, и сожалѣть, что они безпрестанно подвергаются несчетнымъ трудностямъ и опасностямъ.

«Не жалѣйте о насъ, благодѣтельный Герой», прервалъ рѣчь его Пріоръ. «Нерѣдко стаканъ воды жаждущему, кусокъ хлѣба голодному, утѣшительное слово горящему, нѣсколько капель лекарства больному, пріобрѣтали намъ довѣренность и любовь спасеннаго, и дѣлали насъ его благодѣтелями. А съ чѣмъ сравнится душевная радость, какую мы ощущаемъ, когда видимъ, мало-помалу оттаивающаго, оживающаго замерзшаго. Тогда всѣ трудности, всѣ опасности забыты. Мы повергаемся предъ Престоломъ Творца, сподобившаго насъ быть орудіемъ Своей благодати — воскрешать. Тогда и эти самыя обнаженныя скалы, и бурныя стихіи, и вся мертвѣющая здѣсь природа являются намъ безстрашными, прелестными». — Тутъ, съ пзліяніемъ сердечныхъ чувствъ, воскликнулъ Суворовъ: «Нѣтъ, вы истинно великіе Христіанскіе Герои, нещадающіе живота для спасенія страждущаго челоуѣчества. Вашему сердобольному благопризрѣнію ввѣряю я своихъ братьевъ, погибшихъ въ вашихъ пропастьяхъ. Вы, вознесясь надъ земнымъ, близки и душою вашею, и обителью къ небесамъ. Богъ да хранить васъ!» — Войско, отдохнувъ укрѣпивъ себя пищею, низверглось съ молитвою въ новыя зіяющія пучины.

Князь Александръ Васильевичъ не могъ увидѣть бѣднаго или нищаго, чтобы не сдѣлать ему подаенія. А такъ какъ у него никогда не было при себѣ денегъ, и счетовъ своимъ приходамъ и расходамъ онъ во всю жизнь не читалъ: то весьма часто занималъ у предстоявшихъ. Однажды, въ продолженіи обѣда, вошелъ нечаянно въ горницу девяностолѣтній нищій, приходившій ежедневно къ хозяйкѣ дома за подаеніемъ. Увидя многочисленное собраніе, онъ испугался, и хотѣлъ-было уйти. Но Князь вскочилъ самъ, усадилъ его и угаищвалъ. Тотчасъ занялъ нѣсколько червонцевъ, велѣлъ сдѣлать складчину. Русскіе щедры: — старецъ со слезами признательности удалился. Тутъ съ чувствительностію произнесъ онъ: «Добрые друзья мои! кто теперь благополучнѣе, сей ли старецъ, получившій отъ насъ дары, или мы, подкрѣпившіе болѣзненную его дряхлость? Тогда только, когда челоуѣкъ простираетъ на помощь ближнему руку, уподобляется онъ Творцу. «Дивлюсь» продолжалъ онъ «вездѣ благоаорныя заведенія; а нищета не уменьшается». Но когда у него въ другой разъ просилъ милостыни здоровый, то онъ велѣлъ купичъ ему топоръ, сказавъ: «Руби дрова: не умрешь съ голоду».

* *

*

При вступленіи войскъ нашихъ въ Италію, Итальянцы не выходили никогда изъ домовъ своихъ безъ кинжаловъ, спрятанныхъ подъ плащами, и тотчасъ при малѣйшемъ оскорбленіи, закалывали на улицахъ. Фельдмаршалъ прекратилъ зло сіе немедленно, опредѣливъ строжайшее наказаніе тому, у кого найдено будетъ какое-либо смертоносное орудіе. «Мечъ», сказалъ онъ «обнажается со славою на защиту отечества; въ рукѣ убійцы или дуэлиста онъ — позорное орудіе трусости».

* *

*

Суворовъ, ничѣмъ, такъ, не гордился, какъ тѣмъ, что во всю жизнь свою разбивалъ вездѣ непріятеля многочисленнѣйшаго, меньшими силами, и всегда говаривалъ: «Въ Александрѣ великое было то, что онъ, малою силою истребилъ милліоны Персовъ». За то не сердился такъ много, какъ когда въ періодическихъ сочиненіяхъ ложно увеличивали его войско, а непріятельское уменьшали и въ, семъ не прощаль онъ и Дюмасу, Издателю *Precis des evenements militaires*. Тотчасъ продиктовывалъ съ жаромъ въ замѣтку возраженіе для помѣщенія въ газетахъ. «У этого наемника Историка два зеркала: одно увеличительное для своихъ, а уменьшительное для насъ. Но потомство разобьетъ въ дребезги оба, и выставитъ свое, въ которомъ мы не будемъ казаться Пигмеями».

* *

*

Въ Прагѣ, въ Богеміи, прихожу я послѣ обѣда къ Гелералиссимусу съ бумагами, и слышу, что онъ очень громко съ кѣмъ-то разговариваетъ по-нѣмецки. Чтобы не нарушить бесѣды, подождать я съ часъ; наконецъ вхожу, и вижу его бесѣдующаго съ раненымъ, сидящимъ, Австрійскимъ солдатомъ. Онъ

разцѣловаль его и отпустиль. «Это», обратясь ко мнѣ: «Гусситъ, или теперъ называющійся Богемскій Братъ. Давно желаль я подробнѣ узнать о сей сектѣ. — Онъ пересказываль мнѣ словесныя преданія о сожженномъ въ Костницѣ, по приговору тамошняго Собора, основателѣ ихъ ученія, Іоаннѣ Гусѣ, и о многихъ любопытныхъ, обстоягльствахъ и гоненіяхъ, которыя они потерпѣли за свою вѣру. — Я благодарю теперъ Бога, что никогда такая реформаціонная горячка не посѣщала нашего Отечества: всегда Религія была у насъ во всей чистотѣ, и кто не знаетъ, что Сынъ Божій никогда не повелѣваль мсчемъ, или огнемъ, насильственно крестить жидовъ, или язычниковъ? — И въ, Турціи, въ праздномъ моемъ уединеніи, заставляль я толковать себѣ Алкоранъ, и увидѣль, что Магометъ, пекся не о царствіи небесномъ, а о земномъ. Намъ предоставлено увидѣть новый, также ужасный, феноменъ: политическій фанатизмъ!!! но на чужбинѣ, прибавь. Мы теперъ отъезжаемъ въ отчизну. Спокойствіе — удушье. Такъ тишина, на морѣ бываетъ предвѣстницею бурнаго урагала. Такъ, тлѣющій подъ пепломъ уголь угрожаетъ сокрушить все пламенемъ. Запиши послѣднее для Графа Ѳедора Васильевича Ростопчина. Такъ предугадываль онъ бѣдствія, постигшія Германію отъ воѣнъ съ Францією!

* *

*

Когда его въ Линдавѣ поздравляли съ переходомъ чрезъ Альпійскія горы, отвѣтствовалъ онъ: «Богъ помогъ намъ одолѣть ихъ, и пройти сквозь громовыя тучи. Но поможетъ ли намъ отвести громовыя удары, устремленные на Престолы?.. Его Святая воля!»

* *

*

Сказали Графу въ Италіи объ одномъ достойномъ Офицерѣ, помѣшавшемся въ умѣ. Онъ сему не повѣрилъ и началъ спорить. Послѣ открылось, что онъ разумѣль другого, и тогда сказалъ: «Ну, теперъ вижу, что ошибся; а готовъ бы былъ спорить до завтра, — и вотъ причина: тотъ, котораго я разумѣль, не имѣеть у себя того, что сей потерять. — Жаль! но время ли теперъ сходить съ ума, когда и вся война — хаосъ?»

* *

*

Одинъ Докторъ совѣтоваль Князю съѣздить на теплыя воды. «Помилуй Богъ! Что тебѣ вздумалось? Туда посылай здоровыхъ богачей, прихрамывающихъ игроковъ, интригантовъ и всякую сволочь. Тамъ пусть они купаются въ грязи, — а я истинно болѣнъ. Мнѣ нужна молитва, въ деревнѣ: изба, баня, каша и квасъ».

* *

*

Разсматривая причуды простолюдиновъ, которыя Князь себѣ присвоиваль, нельзя не согласиться, что онъ сіе дѣлаль, чтобы, уподобляясь простымъ солдатамъ, выигрывать ихъ любовь; въ чемъ онъ и успѣваль. Какъ можно повѣрить, чтобы человѣкъ, съ его просвѣщеніемъ, образованностію, начитанностію, съ необыкновеннымъ его умомъ, могъ искренно требовать такихъ странностей, какъ напримѣръ: чтобы никто изъ солонки у него за столомъ не бралъ соли ножомъ; а, Боже избави! если бы кто подвинулъ солонку къ своему сосѣду, или ему ее подаль; каждый долженъ былъ отсыпывать себе на скатерть соли, сколько ему угодно, — и многихъ тому подобныхъ. Развязку сему вижу я, кажется, въ одномъ его разговорѣ: «Александръ Македонскій не сжегъ», говорилъ онъ: «Аѳинъ для того, чтобы въ тамошнихъ гостинницахъ говорили о его гаерствахъ; пусть же и въ солдатскихъ артеляхъ смѣются надъ моими солдатскими проказами!» — И подлинно, какихъ небылицъ объ немъ тамъ не услышишь!

* *

*

Доложили Князю, что пришел портной для снятія съ него мѣрки мундиру Сардинскаго Генералиссимуса. Онъ тотчасъ спросилъ: «Какой онъ націи? Если онъ Французъ, то я буду говорить, какъ съ игольнымъ артистомъ; если Нѣмецъ, то какъ съ Кандидатомъ, Магистромъ, или Докторомъ Мундирологическаго Факультета; если Италіянецъ, то какъ съ маэстро или виртуозо на ножницахъ». Когда узналъ, что Италіянецъ, то сказалъ: «Тѣмъ лучше; я не видалъ Италіянца, хорошо одѣтаго: онъ сошьетъ мнѣ просторный мундиръ, и мнѣ будетъ въ немъ раздолье». — Мундиръ сей былъ великолѣпнѣйшій, синій, по всѣмъ швамъ золотое шитье.

* *

*

Князь отмѣнно чтилъ память Великаго Преобразователя Россіи, ПЕТРА ПЕРВАГО. Говоря однажды съ восторгомъ о неутомимо-дѣятельной Его жизни, о многихъ Его твореніяхъ по военной, сухопутной, морской и гражданской частямъ, спросилъ, кто изъ насъ былъ на Ладожскомъ каналѣ? На отвѣтъ, что никто не былъ, сказалъ онъ: «О! такъ вы не видали Его монумента. Я счастливѣ васъ: я на мѣстѣ удивлялся сему редкому, чудесному смертному: какъ такія сверхъчеловѣческія силы вмѣщались въ головѣ необразованной, по словамъ Беллетристовъ, ученымъ воспитаніемъ. Здѣсь Полтавскій Герой благотворною десницею мирно соединяетъ двѣ отдаленныя, бурныя рѣки. Природа пугается Его; гласу Его повинуются вода; течетъ, куда Онъ указываетъ, и несетъ на себѣ въ Столицу сокровища благодатной Россіи. Вотъ куда надобно съѣздить Державину: Водопадъ — чудо природы, — здѣсь чудо искусства!»

* *

*

Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ Растопчинъ былъ обожателемъ Суворова, что доказываетъ его съ нимъ переписка, въ изданной мною Исторіи помѣщенная; и въ письмахъ своихъ ко мнѣ отзывался онъ всегда объ немъ съ величайшимъ восторгомъ. Въ одномъ пишетъ онъ ко мнѣ: «Участь ваша завидна; вы служите при вликомъ человѣкѣ. Румянцовъ былъ Герой своего вѣка, Суворовъ Герой всѣхъ вѣковъ». Я прочиталъ сіе Князю. — «Нѣтъ! отвечай ему», сказалъ онъ: «Суворовъ, ученикъ Румянцева».

* *

*

Графъ любилъ, чтобы cadaго начальника подчиненные называли по-Русски, по имени и отчеству. Присланнаго отъ Адмирала Ушакова иностраннаго Офицера, съ извѣстіемъ о взятіи Корфу, спросилъ онъ: «Здоровъ ли, другъ мой Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ?» Нѣмецъ сталъ въ тупикъ, не зналъ: о комъ спрашиваютъ. Ему шепнули, что объ Ушаковѣ. — «Ахъ! да», опомнился онъ, «господинъ Адмиралъ Фонъ Ушаковъ здоровъ». — Фельдмаршалъ сказалъ ему съ гнѣвомъ: «Возьми къ себѣ свое Фонъ; раздавай, кому хочешь; а побѣдителя Турецкаго флота на Черномъ морѣ, потрясшаго Дарданеллы и покорившаго Корфу, называй Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Ушаковъ».

* *

*

Говорили объ одномъ хитромъ, пронырливомъ Министрѣ. «Ну, такъ что же?» сказалъ Князь: «я его не боюсь. О хамелеонѣ знаютъ, что онъ хамелеонъ: принимаетъ на себя всѣ цвѣта, кроме бѣлаго».

* *

*

Князь никогда не отказывался отъ рекомендательныхъ писемъ для достойныхъ людей. Одно поднесъ я къ подписанію. Онъ подписалъ охотно и съ удовольствіемъ, и возвращая, сказалъ: «Я написалъ бы иначе, а вотъ какъ: лицо его, вѣвѣска доброй души его, есть лучшая рекомендація». — Онъ душевно любилъ тогдашняго Полковника, С. С. Кушника, и имѣлъ къ способностямъ его особенную

довѣренность. Также не отпустилъ онъ изъ арміи въ Петербургъ безъ рекомендательнаго письма къ Государю ИМПЕРАТОРУ, достойнаго Полковника М. С. Вистицкаго.

* *

*

Въ Піаченцѣ одинъ Маркизь, хозяинъ дома, въ которомъ помѣстился Графъ, былъ истинный чудакъ. Въ шитомъ розоваго цвѣта кафтанѣ, съ громкимъ хохотомъ не говорилъ, а кричалъ онъ безпрестанно о погодѣ, и повертывался, чтобы показать свой Камергерскій ключъ. Графъ, желая отъ него отдѣлаться, началъ передъ обѣдомъ читать: *Отче Нашъ...*, а чудакъ, не понимая, сталъ аплодировать и кричать: «браво! браво!» — Суворовъ остановился въ молитвѣ, обратился къ нему и сказалъ: «Молчаніе, я молюсь Богу». — Кое-какъ мы его выжили. За столомъ просилъ Фельдмаршалъ: «Ради Бога, спасите меня отъ этого гостя, который хуже Татарина. Онъ измучилъ меня метеорологическими своими разговорами, показывалъ мнѣ ключъ, который не отпираетъ и не запираетъ, и вѣрно изъ неблагороднаго металла, прикрытый золотомъ, какъ и онъ — шитымъ своимъ кафтаномъ».

* *

*

При подписаніи письма къ Адмиралу Ѳедору Ѳедоровичу Ушакову въ Корфу, приписалъ Графъ что-то премелко, чего я не могъ разобратъ. «Не надсѣдайся», сказалъ онъ мнѣ «это на Турецкомъ языкѣ поклонъ Турецкому Адмиралу». Послѣ при свиданіи, увѣрялъ меня Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что Турокъ, прочитавъ сіи строки, восхищался, и не хотѣлъ вѣрить, что ихъ написалъ такъ правильно Русскій.

* *

*

Князь Александръ Васильевичъ любилъ иногда нюхать табакъ изъ малой своей золотой табакерки, увѣряя, что сіе облегчаетъ головную его боль. Иногда, посыпавъ табакомъ какой-нибудь душистый цвѣтокъ, снюхивалъ съ него, и съ восторгомъ говорилъ: «Вотъ роскошь!» Но куренія табака не жаловалъ. «Можетъ ли быть», говорилъ онъ; «что неблагопристойнѣе, какъ когда подъ носъ тебѣ подставляютъ трубку, и окуриваютъ тебя зловоннымъ ѳиміамомъ?» — Однажды увидѣлъ онъ курящаго гусара. Ему хотѣли было запретить; но онъ крикнулъ: «Не трогайте его: онъ человѣкъ съ талантомъ: выкуриваетъ трубку мастерски. Онъ на войнѣ видитъ дымъ баталіоннаго огня». — И поскакалъ отъ него прочь.

* *

*

Разговаривая о музыкѣ, одинъ Генералъ дѣлалъ свои замѣчанія, что надлежало бы уменьшить число музыкантовъ, и умножить ими ряды. «Нѣтъ», отвѣчалъ Князь: «музыка нужна и полезна, и надобно, чтобы она была самая громкая. Она веселитъ сердце воина; равняетъ его шагъ: по ней мы танцуемъ и на самомъ, сраженіи. Старикъ съ большею бодростію бросается на смерть; молокососъ, отирая со рта молоко маменьки, бѣжитъ за нимъ. Музыка удваиваетъ, утроиваетъ армію. Съ Крестомъ въ рукѣ Священника, съ распущенными знаменами и съ громогласною музыкою взялъ я Измаиль!»

* *

*

По прибытіи въ армію Фельдмаршала, узналъ онъ, что Французскій Главнокомандующій, Шереръ, сдалъ свое начальство Генералу Моро, и удалился въ Парижъ. «И здѣсь вижу я», сказалъ онъ: «перстъ Провидѣнія. Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитимъ у Моро, бѣдутъ лучше цвѣсти и зеленѣть».

* *

*

Отличительное въ Князѣ было то, что, проказничая, если смѣю сказать, былъ онъ всегда серіозенъ, и никогда не улыбнется, какъ будто бы все это въ порядке вещей. Въ Праге, напимѣрь, пустился онъ въ танцы; люди въ право, а онъ въ лѣво: такую затѣялъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда. По окончаніи танцовъ, подбѣжалъ онъ ко мнѣ, и съ важностію сказалъ: «Видѣлъ ли ты, какъ я возстановилъ дорядокъ; забыли курсъ, шенъ, шассе». — «Какъ же! видѣлъ», отвѣчалъ я: «какъ вы возстановили шассе». — И онъ побѣжалъ отъ меня.

* *

*

На возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію, на святкахъ, въ Прагѣ, провелъ Князь время очень весело. Онъ завелъ у себя на банкетахъ святочные игры: фанты, жмурки, жгуты, пляски и проч. Мило было смотреть, какъ престарѣлый, съдой Военачальникъ бѣгалъ, плясалъ, мѣшался въ толпѣ своихъ подчиненныхъ и съ, какою точностію исполнялъ то, что ему назначалось дѣлать, когда его фантъ былъ вынуть. Всѣ знатнѣйшія Богемскія дамы, Австрійскій Генераль Графъ Беллегардъ, Англійскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ. Лордъ Минто, и множество иностранныхъ, путались въ нашихъ простанародныхъ играхъ. Мы всѣ восхищались, были въ то время, какъ будто на родинѣ. Но это была послѣдняя пѣснь лебедя на водахъ Меандра: въ Краковѣ ожидали его немощи и тѣлесныя, и душевныя, ускорившія кончину знаменитой его жизни.

* *

*

Знаменитость подвиговъ Героевъ вѣковъ Греческихъ и Римскихъ одушевляла Военачальника нашего къ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя украшали его жизнь. Бесѣдовать о ихъ славѣ была его страсть. Вычерпну только каплю изъ Океана. Одаренный счастливою, необыкновенною памятью, онъ часто пробѣгалъ мысленно галлереею сихъ великихъ безсмертныхъ и предъ каждымъ, изливалъ свои мысли. Такъ, остановясь на Эпаминондѣ произиесъ: «Чту его за его смѣлость и твердость». «Хорошо», сказалъ онъ, когда его осудили на казнь: «я заслужилъ смерть: но изсѣките на кямнѣ моемъ: *Θιвяνε κἀνέκρινε τὸν Ἐπαμεινώνδα διὰ τοῦτο, ὅτι αὐτὸν ἐδίδασκεν αὐτοὺς τοὺς Σπάρτανες καὶ δώρεον ἔδωκεν εἰς τὴν ἐλευθερίαν τῆς Ἑλλάδος, καὶ ἐκείνους ἐκείνους ἐκείνους*». «Онъ, достойно подражанія, не лгалъ ни въ безделице, ни въ делѣ, ни въ шуткахъ, и заслужилъ отъ Историковъ³ своихъ хвалу, что никакой порокъ не запятналъ его».

* *

*

По прибытіи въ армію Генераль-Лейтенанта Ребиндера, назначеннаго Комендантомъ въ Мальту, Фельдмаршалъ встрѣтилъ его сими словами: «Здравствуй, другъ Ребиндеръ; ты поплывешь на тотъ островъ, гдѣ нѣкогда Калипса хотѣла хитраго Улисса уловить въ свои сѣти. За тебя я также не боюсь: у тебя не устоитъ и желѣзная клѣтка. (Ребиндеръ былъ необыкновенный силачъ). Ты, нашъ Галіаѳъ, будешь стоять съ храбрыми своими рыцарями на той неприступной Средиземнаго моря скалѣ, которая нѣсколько вѣковъ издѣвалась надъ Турецкимъ колосомъ и была щитомъ Христіанству. Но прежде оставайся съ нами; сперва побьемъ здѣсь безбожныхъ». — Генераль Ребиндеръ отличился въ Италіи и Швейцаріи, какъ-то извѣстно изъ реляцій и изъ моей Исторіи.

* *

*

³ См. Корнелія Непота.

Съ дамами былъ Князь забавно учтивъ. Онъ слѣдовалъ наставленію Лорда Честерфильда сыну своему: хвалить прелести каждой дамы безъ изыятія. И онъ, бесѣдуя съ ними, уменьшалъ всегда ихъ годы. Такъ, когда въ Миланѣ одна тридцатилѣтняя Дюшесеа представила ему двѣнадцатилѣтнюю свою дочь, притворился онъ, будто не вѣритъ. «Помилуйте, Сударыня», сказалъ онъ: «вы еще сами молоденькая, прелестная девушка». Когда онъ узналъ отъ нее, что она съ мужемъ въ разводѣ, то вскрикнулъ: «Я еще не видалъ въ свѣтѣ чудовища; пожалуйста покажите мнѣ его».

* *

*

Генераль отъ Кавалеріи В. Х. Дерфельденъ, тридцати пяти лѣтній знаменитый Суворова сопутникъ, бесѣдуя съ нимъ, описывалъ ему прелести и роскоши Италіанской природы живыми красками: «Правда, другъ мой», отвѣчалъ Графъ: «климатъ прелестенъ, но развратъ страшенъ!» и тотчасъ продиктовалъ слѣдующую замѣтку: «Подъ всякимъ другимъ умѣреннымъ небосклономъ, воздержаніе есть добродѣтель; но оно чудо изъ чудесъ здѣсь, гдѣ дышатъ воздухомъ между огне-изрыгающею Этною и знойными, горячими ея окрестностями, которыя Сиваксъ, въ Адиссоновомъ Брутѣ, изображаетъ съ такою силою; здѣсь, подъ такимъ огненнымъ небеснымъ поясомъ, гдѣ солнце раскаливаетъ скалы въ известь, и гдѣ не кровь, а купоросъ и кипучая сѣра стремительно разливается по жиламъ: здѣсь, гдѣ природа заманиваетъ къ нѣгѣ въ очаровательномъ саду своемъ; здѣсь, сыны Сѣвера, крѣпитесь, мужайтесь, одолѣвайте климатъ и помните Аннибалово войско въ Капуѣ!»

* *

*

Я поднесъ Графу отъ одного Генерала просительное письмо, объ опредѣленіи его въ армію, написанное прекраснымъ, отличнымъ слогомъ, такъ что не могъ ему сего не замѣтить. «Да, хорошо написано», сказалъ онъ: «но мнѣ нужны воины, а не Министръ. Мой Багратіонъ такъ не напишетъ; за то имѣетъ присутствіе духа, расторопность, отважность и счастье. Умъ его образованъ болѣе опытами, нежели теорією. Въ бесѣдѣ съ нимъ его не увидишь. Но онъ исполняетъ всѣ мои приказы съ точностію и успѣхомъ. Вотъ для меня и довольно».

* *

*

Одинъ Принцъ обѣдалъ у Генералиссимуса и удивилъ его, и насъ всѣхъ, своимъ аппетитомъ. Всякое блюдо, такъ сказать, имъ пожиралось и исчезало. Князь смотрѣлъ съ изумленіемъ. На другой день не могъ онъ, позабыть сего посѣщенія и сказалъ: «Ну, спасибо Его Свѣтлости; онъ первый изволилъ отдать справедливость искусству повара моего, Мишки: ѣлъ, какъ будто у него нѣтъ желудка. Онъ не подходитъ подъ Указъ ПЕТРА ПЕРВАГО объ отпускѣ прожорамъ двухъ пайковъ, для него мало и четырехъ». Черезъ нѣсколько дней вздумали подшутить и сказать Князю, что Принцъ опять угрожаетъ столъ его своимъ посѣщеніемъ. «Напрасно Свѣтлѣйшій изволитъ беспокоиться, — я его видѣлъ. Съ нимъ надобно выкинуть пословицу нашу: не будь гостю запасенъ, а будь ему радъ».

* *

*

Князь всегда говаривалъ, что у него семь ранъ: две, полученныя на войнѣ, а пять — при Дворѣ, или политическія. И сіи пять, по его словамъ, были гораздо мучительнѣе первыхъ.

* *

*

Всѣ начальствовавшіе арміями получали при ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ въ мирное время Генераль-Губернаторскія мѣста, какъ-то: Графъ Румянцевъ-Задунайскій, Князь Потемкинъ-Таврическій,

Графъ Салтыковъ и другіе. Въ разсужденіи Суворова, вѣрно было его спросить, какія Губерніи онъ пожелаетъ. Отвѣтъ его былъ слѣдующій: «Я знаю, что Матушка-Царица слишкомъ любитъ Своихъ добрыхъ подданныхъ, чтобы мною наказать какую-либо свою провинцію. Я размѣряю силы свои съ бременемъ, какое могу поднять. Для другаго не въ могоу Фельдмаршалскій мундиръ». — Послѣ сего отзыва былъ онъ пожалованъ Подполковникомъ Лейбъ-Гардіи Преображенскаго полка, и сіе отличіе принялъ съ благовѣйною признательностію.

* *

*

Графъ приказывалъ мне читать Сюлли записки. Я увѣрялъ его, что читалъ ихъ и дѣлалъ даже выписки по повелѣнію Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, по бытности моей при особенной Дипломатической Ея перепискѣ, подъ начальствомъ Князя Безбородко. «Этого мало», говорилъ онъ: «мы будемъ читать опять, твердить наизусть вѣкъ Генриха. Сцена перемѣнилась. Новые актеры, новые ужасы. Но Франція существуетъ». Я досталъ книгу сію въ Туринѣ; онъ ее взялъ, читалъ, и вдругъ ночью присылаетъ за мною, съ повелѣніемъ, сказать мне, что имѣетъ сообщить нѣчто мудрое. Я являюсь: онъ меня сажаетъ; перо, чернила и лоскутокъ бумаги на столѣ. «Переведи поскорѣ сію безцѣнную статью великаго друга и наставника Царей, Сюлли», — указавъ мнѣ мѣсто. Я принялся за переводъ. Такъ какъ у меня лоскутокъ тотъ сохранился, то для любопытства помѣщаю его здѣсь. «Причины паденія и ослабленія Монархій», говоритъ Сюлли въ запискахъ своихъ: «суть: непомѣрные налоги, особливо единоторжіе хлѣбомъ; незаботливость о торговлѣ, хлѣбопашествѣ, художествахъ и ремеслахъ; слишкомъ великое число чиновниковъ и издержки на содержаніе ихъ: неограниченная власть тѣхъ, которые занимаютъ мѣста въ государствахъ; значительные расходы; медленность и неправосудіе въ судопроизводствахъ; праздность и расточительность, со всѣми принадлежащими къ нимъ развратомъ и порчею нравовъ; запутанности въ соотношеніяхъ присутственныхъ мѣстъ между собою; передѣлка монеты; неблагоразумныя и незаконныя войны; слѣпая довѣренность къ недостойнымъ лицамъ; предубѣжденія въ пользу нѣкоторыхъ только сословій и ремеселъ; корыстолюбіе Министровъ и ихъ любимцевъ; презрѣніе къ ученымъ; терпимость худыхъ обычаевъ; нарушеніе хорошихъ законовъ; упорная привязанность, къ маловажнымъ или вреднымъ обыкновениямъ; множество другъ другу противорѣчащихъ постановленій и бесполезныхъ узаконеній». Кончивъ, отпустилъ онъ меня, съ извиненіемъ, что исторгъ меня изъ объятій Морфея. Я поклонился, ибо это не въ первый разъ.

* *

*

На походѣ нашемъ къ Турину, выѣхавъ оттуда на встрѣчу Суворову бывший той Столицы Королевскій Генераль-Губернаторъ, Графъ Сент-Андре, мужъ, почтенный сѣдинами и опытами долговременнаго служенія Сардинскому Престолу. Александръ Васильевичъ обрадовался такому полезному пріобрѣтенію; тотчасъ выѣхавъ къ нему, съ сими словами: «Я отдаюся вамъ; будьте моимъ, менторомъ. Покажите мнѣ Италію, сіе наслѣдіе славы двухъ, столѣтій, которой потомки должны итти по неизгладимымъ никогда слѣдамъ, ихъ Героевъ предковъ. Я вижу шестнадцать милліоновъ жителей, раздѣленныхъ между собою различными законами, обычаями, закоренѣлою народною ненавистью. Да будетъ между ими политическое единство! да будутъ они планетами одного Россійскаго и Австрійскаго солнца, одинъ духъ, одинъ штыкъ! Вотъ нашъ Геркулесовъ подвигъ: non plus ultra». — Графъ Сент-Андре долго не могъ опомниться. Наконецъ произнесъ: «Послѣ всего того, что я слышу, я вашъ плѣнникъ, вашъ рабъ. Приказывайте мнѣ, великій человѣкъ!» — Достойный старецъ признавался, что онъ воображалъ увидѣть совсѣмъ другаго Суворова. Тотчасъ оба они подружились и составили дальновидные планы. Но политическіе виды оные испровергли и дали тогдашнимъ дѣламъ совсѣмъ другое направленіе.

* *

*

Старожилы въ Новой Ладогѣ помнятъ и разсказываютъ, что Князь Александръ Васильевичъ, находясь тамъ Полковникомъ Астраханскаго полка, учредилъ училище для солдатскихъ детей, на своемъ иждивеніи выстроилъ для онаго домъ, былъ самъ учителемъ Ариѳметики, и сочинялъ учебныя книги, какъ-то: молитвенникъ, краткій Катехизисъ и начальныя правила Ариѳметики. Рукописный

молитвенникъ мнѣ показывали. Можно себѣ представить, какою любовію платили ему отцы за воспитаніе дѣтей своихъ.

* *

*

Изъ Петербурга получилъ я въ Богеміи, на возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію, сочиненіе: *Изображеніе Князя Италійскаго*. Сочинитель, подписавшійся: *Истинно Русскій*, просилъ меня убѣдительноше поднести оное нашему Герою. Долго выжидалъ я удобнаго для сего времени и наконецъ успѣлъ въ Прагѣ. Надобно было видѣть, какія движенія дѣлалъ Князь, когда я читалъ: то вскочить со стула, то повернется назадъ, то вскрикнетъ: ахъ! охъ! ай! ай! разбой! караулъ! и т. п. По окончаніи, просилъ онъ всѣхъ не вѣрить этой лести: но мы всѣ увѣрили его, что сіе изображеніе есть чистое изліяніе Русскаго сердца. Вотъ оно:

Изображеніе Князя Италійскаго.

Духъ истиннаго любуудрія наставилъ его съ юныхъ самыхъ лѣтъ пренебрегать мнѣніемъ людей, и довольствоваться заключеніемъ потомства. Предавшійся военной славѣ, онъ посвятилъ ей все; богатство, покой, забавы, любовь и даже родственническое чувствіе.

Душа, обуреваемая славолубіемъ, могла ли вмѣстить какой-нибудь родъ нѣжности? Однако же извѣстно, что онъ былъ вѣрный другъ.

Суворовъ похожъ единственно самъ на себя: непоколебимъ съ сердитымъ нравомъ; веселъ даже въ глубокихъ размышленіяхъ; непреклоненъ въ исполненіи слова, даннаго даже врагу; безъ малѣйшаго чувства къ пустымъ насмѣшкамъ, которыхъ онъ видно съ умысломъ не чуждается, дабы занять вздоромъ вниманіе зависти и тѣмъ отдалить ея пронырства.

Отъ взятія Глогау въ семилѣтнюю войну и разбитія Ламота Курбьера, зари его подвиговъ, онъ безпрестанно гремялъ, до разсыпанія имъ Царства Польскаго.

За тѣмъ Суворовъ-Рымникскій замолкъ; но сей безвременный покой не долженъ продолжиться. Покой всеобщій разрушается. Самъ адъ дохнулъ на Сѣверъ.

Уже пожаръ мятежей все обращаетъ въ пепелъ и грозитъ Столицѣ слабосильныхъ Кесарей.

Напрасно всѣ почти Скипетры стали на уперти врагу: все вездѣ унываетъ!

Единъ Царь бодретвуетъ на пятой долѣ міра; единъ, спокойно обозря всѣ концы Своего достоянія, со властію сказалъ: «Да узрятъ Мой флагъ вокругъ Европы; а ты, Суворовъ, вонми прошенію Князя Князей Германскихъ и ступай за Вѣру и человѣчество, за Мою и твою славу!»

И Суворовъ двинулся, какъ другой Цинцинатъ, и явился въ Италію, какъ нѣкое Божество, съ горстію соотчичей; но съ колоссомъ своихъ мыслей и дарованій.

Минчіо, Адигъ, Требія, Нови, Сен-Готаръ, Тейфельсбфикъ, Гларисъ; ты, храбрый и злосчастный Макдональ; вы, столь прежде славные, Моро, Жуберъ, Массена. Довольно васъ именовать. Блаженъ, кто на Суворова не идетъ!

Суворовъ достигъ предмета, и теперь сталъ превыше всѣхъ жребій и времени.

Желалъ ли онъ почестей? — онъ почти обремененъ ими. Хотѣлъ ли одной славы? — онъ въ ней погруженъ. И проч.

* *

*

Замѣтя отличную расторопность и храбрость въ одномъ унтеръ-офицерѣ Союзныхъ войскъ, велѣлъ Фельдмаршалъ тотчасъ представить его въ Офицеры. Но что же? — получается въ отвѣтъ на нѣсколькихъ бюльшихъ листахъ нота, въ которой излагаются причины невозможности удовлетворить сему желенію, въ разсужденіи того, что означенный унтеръ-офицеръ не изъ дворянъ и не выслужилъ срочныхъ лѣтъ. Въ подкрѣпленіе сего приведены были законы, воспреещающіе таковое производство. Оскорбленный Графъ вырываетъ у меня бумагу и бросаетъ ее на полъ, съ симъ, восклицаніемъ: «Боже мой! я начальникъ арміи и не могу быть ея отцемъ и благодѣтелемъ. Дарованіе въ человѣкѣ есть брилліантъ въ корѣ. Отыскавъ его, надобно тотчасъ очистить и показать его блескъ. Талантъ, изъ толпы выхваченный, преимуществуетъ предъ многими другими. Онъ всѣмъ обязанъ не породѣ, не искусству, не случаю и не старшинству, но самому себѣ. Старшинство есть большею частію удѣлъ посредственныхъ людей, которые не дослуживаются, а доживаютъ до чиновъ. О, немогузнайка — нихтбештимзагенъ! Нѣтъ,

родимая Россія сколько изъ унтеровъ возлелѣла ты Героевъ!» — Весь этотъ день былъ Графъ скученъ и сердитъ.

* *

*

Отъ Фельдмаршала было приказаніе представлять ему лично каждого солдата, который отличится или храбростію, или какимъ-нибудь рѣдкимъ поступкомъ, и часто такихъ обнималъ, цѣловалъ и потчивалъ изъ своихъ рукъ водкою. Въ сраженіи при Требіи, полку Ферстера солдатъ Митрофановъ взялъ съ своимъ товарищемъ трехъ Французовъ въ плѣнъ. Они отдали свои кошельки, часы и все, что имѣли. Митрофановъ принялъ и возвратилъ имъ нѣсколько денегъ на кормъ. Подбѣжавшіе наши солдаты хотѣли-было ихъ въ ярости изрубить, но Митрофановъ не допустилъ, сказавъ: «нѣтъ, ребята; я далъ имъ пардонъ. Пусть и Французъ знаетъ, что Русское слово твердо». Послѣ еъ товарищами раздѣлили добычу. — Митрофановъ былъ тотчасъ представленъ и на вопросъ Суворова: «кто тебя научилъ быть такъ добрымъ?» отвѣчалъ: «Русская азбука: С. Т. (слово, твердо), и словесное Вашего Сіятельства намъ поученіе. Солдатъ — Христіанинъ, а не разбойникъ». Съ восторгомъ обнялъ его Фельдмаршалъ и тутъ же на мѣстѣ произвелъ въ унтеры.

* *

*

Когда Фельдмаршалу доложили, что Союзное войско ропчетъ на вводимый въ ихъ службу новый порядокъ, отвѣчаль онъ: «На это смотрѣть не должно. Филиппъ, Король Испанскій, велѣлъ выносить изъ Мадрита всякую нечистоту, отъ которой едва не сдѣлалась зараза. Вся Столица противу сего возопила; но Король сказалъ: «Это младенцы, которые плачутъ, когда ихъ обманываютъ; за то послѣ спать они крѣпкимъ сномъ». — И Меласъ умолкъ.

* *

*

Фельдмаршалъ ѣдетъ верхомъ въ Италію мимо Церкви. Архіепископъ, въ облаченіи со крестомъ, возгласилъ: «Sta Sol! остановись солнце! И солнце ста и не иде на западъ». Онъ тотчасъ соскочилъ съ лошади и бросился цѣловать крестъ; престарѣлый, лѣтами согбенный Архіепископъ продолжалъ: «Я остановилъ тебя, спаситель алтарей нашихъ, на пути Христіанской славы твоей словомъ Иисуса Навина; а теперь произреку тебѣ: и ты предъидеши предъ лицомъ Господнимъ уготовати пути Его и дать разумъ спасенія Его людямъ». — Внезапность сего явленія столь потрясла все бытіе Суворова, что, проливая слезы, обнялъ, разцѣловалъ онъ Архипастыря; но не могъ произнести ни слова. — И о семъ благочестивомъ мужѣ не постыдился ненавистники славы Россіи разглашать, яко бы онъ показывалъ свою жестокость и надъ Священнослужителями!⁴

* *

*

Князь не хотѣлъ никогда имѣть подъ ружьемъ более ста тысячъ войска. Онъ почиталъ сіе достаточнымъ для вторженія въ Парижъ; но жаловался, что теперь у него только горсть людей. «Нѣтъ!» возразилъ нѣкто: «ваша армія величайшая. Вы забыли громаду мыслей и силъ Суворова! забыли, какъ его превыспренность преобразуетъ годы въ мѣсяцы, а мѣсяцы во дни». — «Уймешься ли ты», сказалъ онъ: «а то я убѣгу». — «Бегите», отвѣчалъ тотъ: «мы видѣли вашъ побѣгъ на Минчію, Адиджъ, Требію, Нови, Сен-Готаръ, Тейфельсбрикъ, Гларисъ». — «Чудесная память!» — вскрикнулъ Генералиссимусъ и завелъ другой разговоръ.

⁴ Въ разныхъ иностранныхъ газетахъ распространяли, будто Суворовъ приказывалъ при себѣ наказывать жестоко Римско-Католическихъ духовныхъ. — Но когда? гдѣ? и при комъ?

* *

*

По распечатаніи одного пакета на имя генералиссимуса, нашелъ я на него пасквиль, въ которомъ онъ разруганъ. Называютъ его варваромъ. Вандамомъ, одѣтымъ въ окровавленную львиную кожу, и пр. и пр. Долго колебался я, донести ли о семъ Князю? Наконецъ рѣшился и прочиталъ ему. Онъ разхохотался и сказалъ: «Охъ! какое слабое орудіе Якобинизма. Не можно ли напечатать эту бранную бумагу? — она посмѣшила бы публику». И при семъ случаѣ показаль, что онъ превыше всѣхъ насмѣшекъ и ругательствъ, ибо велѣлъ ее читать всѣмъ.

* *

*

Не могу не повторить здѣсь анекдота, который такъ живо изображаетъ доброту души Суворова. Во время двухлѣтняго его въ Херсонѣ пребыванія, познакомился онъ на вечеринкѣ съ сестрою знаменитаго нашего адмирала Круза. Онъ узнаеть, что мужъ ея, Капитанъ перваго ранга Вальрандъ, разжалованный вечно въ матросы, проживаль съ нею здѣсь. Тронутый несчастнымъ положеніемъ сей благовоспитанной дамы, приглашалъ онъ ее всегда къ себѣ на банкеты и танцеваль съ нею. Въ день отъѣзда своего въ армію, садясь въ кибитку, сказалъ онъ ей: «Молись Богу: Онъ услышитъ молитву твою!» — И, по взятіи Варшавы, пишетъ въ Петербургъ: «Знаю, что Матушка-Царица меня наградить. Но величайшая для меня награда — помилованіе Вальранда». — И Вальрандъ опять капитанъ перваго ранга и умеръ генераль-маіоромъ. Я молчу. Какими словами возносить такую добродѣтель!..

* *

*

У Графа было обыкновеніе, что когда начнутъ его хвалить, то онъ, почитая хвалу за лесть, закроеть глаза, запрыгаетъ и убѣжить. Но ученый и достойный австрійскій генераль-квартирмейстеръ Цахъ, съ которымъ любилъ онъ бесѣдовать о военномъ искусствѣ и котораго называль онъ Генераломъ *sans facons*, схватя его однажды, не выпустилъ изъ горницы. Разговорились, что каждый народъ храбръ и имѣлъ свои эпохи славы. «Правда», — сказалъ Александръ Васильевичъ: «такими были греки подъ предводительствомъ Ѳемистокловъ и Аристидовъ, римляне при Сципіонахъ и Цезаряхъ, гунны при Аттилѣ, турки при Магометѣ и Баязетѣ, французы при Конде и Тюренѣ, австрійцы съ Валенштейномъ и Евгениемъ, пруссаки при Фридрихѣ, англичане подъ начальствомъ Малборука». — «А русскіе и мы», — прервалъ Цахъ его рѣчь: «подъ начальствомъ Суворова?» Графъ замѣшался, вскрикнулъ: «Какъ! и Катонъ, мой Цахъ, начинаетъ мнѣ лстыть?» и хотѣлъ-было бѣжать. — «Никакъ!» отвѣчалъ тотъ съ германскою важностью, не выпуская его изъ рукъ: «Зачѣмъ ретируетесь вы отъ истины, доказанной современною нашею исторіею? Скажу болѣе и лстыть не буду: всякій, вами наименованный народъ, подъ жезломъ вашимъ, былъ бы побѣдоносецъ, потому что вы — герой всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ!» Графъ долженъ былъ устыться.

* *

*

У фельдмаршала случилось много знатныхъ эмигрантовъ, которые взапуски говорили о своихъ пожертвованіяхъ въ пользу несчастнаго короля. Онъ прослезился при воспоминаніи о добродѣтельномъ Государѣ, падшемъ отъ злодѣйской руки своихъ подданныхъ, и сказалъ: «Жаль, что во Франціи не было дворянства. Этотъ щитъ Престола защитилъ въ Стрѣлецкій бунтъ нашего Помазанника Божія». И всѣ вдругъ умолкли.

* *

*

Когда отъ Кардинала Руффо, главнокомандующаго Христіанскою арміею въ Нижней Италіи получено было извѣстіе, что при содѣйствіи Россійскихъ военныхъ силъ, подъ начальствомъ капитана втораго ранга Сорокина, взять Неаполь: то фельдмаршалъ воскликнулъ: «Итакъ, вотъ и другая Парѣнопейская республика исчезла съ лица земли, и она лежитъ теперь во гробѣ съ сиреною Парѣнопеею, въ честь которой получила сіе названіе. Гдѣ же то древо вольности, которое французы обѣщали водрузить на пламенномъ Везувіи? О, хвастунишки!» — Кардиналъ въ письмѣ своемъ, приписывалъ сей успѣхъ единственно побѣдамъ Суворова: ибо онѣ отвлекли всѣ силы Макдонольда къ Требии, и сей долженъ быть оставить въ Неаполитанскихъ областяхъ только малочисленные гарнизоны. Выписку изъ описанія о бывшемъ въ Неаполѣ ужасномъ кровопролитіи, отъ самовидца присланную, читалъ я въ слухъ. Фельдмаршалъ содрогался. Вотъ она: «По вступленіи войскъ въ Неаполь, калабрійцы буйствовали съ непримѣною кровожадностью: убивали безъ пощады всѣхъ, кто только носилъ имя Якобинца, и невинно и произвольно; грабили дома; неистовствовали съ несчастными женами и безвинными дѣтьми. Болѣе двухъ тысячъ домовъ были разорены. Христіанская армія въ ужасахъ превзошла революціонную. Во многихъ улицахъ жарили плѣнныхъ, подымали ихъ на штыки. Были чудовища, которыя сосали кровь изъ убитенныхъ. Съ великимъ трудомъ удержалъ Руффо отъ пожара хлѣбные магазины, въ которыхъ спрятались до 600 патріотовъ. Русскіе смотрѣли съ омерзѣніемъ на таковыя безчеловѣчія. Они не оставались хладнокровными зрителями: бросились, исторгали невинныя жертвы изъ рукъ убійцъ и симъ героизмомъ въ человѣколюбіи покрыли себя славою, которая въ лѣтописяхъ здѣшнихъ пребудетъ вѣчною». — Тутъ Фельдмаршалъ всталъ, перекрестился и сказалъ: «Трусые всегда жестокосерды». — По полученіи извѣстія объ удаленіи изъ Неаполитанскаго Королевства французовъ, Кардиналъ Руффо простеръ свои завоеванія, дабы приблизиться къ центру революціи. Онъ сосредоточилъ войско, изъ 30 т. состоящее; выступилъ съ онымъ изъ Калабріи и занялъ важный приморскій городъ Салерно, который отстоитъ только въ семи миляхъ отъ Неаполя. Въ то самое время отрядилъ Адмиралъ Ф. Ф. Ушаковъ изъ Корфу Капитана Сорокина, съ 5 фрегатами, 1 корветтою и 4-мя канонерскими лодками, въ Адріатическое море. Сія флотилія въ короткое время овладѣла приморскими городами: Бриндизи, Бари и Манфредонію; высадила на берегъ 500 человѣкъ войска, которое, подъ предводительствомъ Капитана Бели-Фоджа, повсюду разрушали республиканскіе знаки; истребляли Якобинцевъ и, по приведеніи чрезъ нѣсколько дней всей Андалузіи въ повиновеніе Королю, соединились съ Руффо и вступили въ Неаполь.

* *

*

Когда Князю предлагали взять къ себѣ въ главную квартиру другаго Священника, проповѣдника, гораздо ученѣйшаго, то онъ не согласился на сіе, сказавъ: «Нѣтъ! пусть остается при мнѣ старый. Иной проповѣдуетъ съ горячимъ языкомъ, но съ холоднымъ сердцемъ».

* *

*

Получено извѣстіе о паденіи при Дворѣ одного Министра. «Я этого ждалъ, сказалъ Князь Александръ Васильевичъ и, взявъ перо, написалъ слѣдующее: «Фортуна воздвигаетъ колоссъ, подножіе котораго изъ глины. Она отвела ему у себя уголокъ только для постоя, а не въ вѣчное потомственное владѣніе. Я зналъ, что своенравная сія хозяйка, сперва его приголубитъ, а после прогонитъ. Бѣда безъ Фортуны, но горе безъ таланта! Изгнаніе Аристиды, присужденное Остракизмомъ, дало добродѣтели его тѣмъ большую знаменитость. Вотъ разница между Аристидомъ и нашимъ Антишамбристомъ».

* *

*

Одинъ полковникъ, разсуждая о предстоявшихъ военныхъ предпріятіяхъ, осмѣлился предложить Фельдмаршалу планъ отдѣльнымъ операціямъ своего полка. «Воюй, Полковникъ; твой успѣхъ будетъ эпизодомъ въ исторіи. Но планъ Главнокомандующаго есть Исторія его жизни, и — славы всего его войска».

* *

*

Въ пылу Новійскаго сраженія доносятъ Фельдмаршалу, что въ сію минуту убитъ Маіоръ Корфъ, котораго онъ зналъ и любилъ еще въ Польскую войну. Онъ перекрестился, прослезился и воскликнулъ: «Вѣчная память достойному, храброму Корфу! Завидна смерть на полѣ брани за Отечество. Будемъ молиться за упокой души его; но да не прогнѣвимъ ропотомъ Бога, сотворшаго насъ смертными. Его Святая воля!» — Далъ шпоры лошади и полетѣлъ за побѣдою.

* *

*

Какъ врагъ десантовъ, Князь Александръ Васильевичъ рассказывалъ, что еще въ деревнѣ своей, Канчанскѣ, смѣялся онъ надъ предполагаемою Бонапартомъ высадкою въ Англію — «Я», говорилъ онъ, «называлъ ее тогда же второю послѣ Гибралтара репетиціею трагико-комической военной драмы, которая никогда не будетъ разыграна. Въ Гибралтарѣ Криллонъ далъ безсмертную знаменитость Элліоту: а съ собою увезъ срамъ и позоръ. Отсюда же уплылъ Бонапарте въ Египетъ. Такъ оканчиваются десанты!»

* *

*

Князь Багратіонъ рассказывалъ за столомъ у Генералиссимуса объ одномъ старомъ, заслуженномъ, рѣдкаго поведенія полку его солдатъ, который принесъ ему пять червонныхъ, съ сими словами: «Эти деньги достались мнѣ, при раздѣлѣ добычи, отъ моихъ товарищей; но Богъ послалъ ихъ девяностолѣтнимъ родителямъ моимъ въ Нижегородской Губерніи. Сдѣлайте милость, Ваше Сіятельство, прикажите ихъ къ нимъ туда отправить по сей надписи». Что Князь тотчасъ и исполнилъ. Александръ Васильевичъ, восхитясь симъ поступкомъ, велѣлъ привести солдата и, разцѣловавъ его, произнесъ: «Спасибо тебѣ, Христіанинъ, что ты помнишь заповѣдь Божию; чтѣ отца и мать твою». Узнавъ, что онъ былъ съ нимъ въ Турецкихъ и Польскихъ походахъ, искрикнулъ Князь: «Давай мнѣ за него дюжину рекрутъ; — нѣтъ, мало, и сотни не возьму. Поздравляю тебя унтеромъ». — «Благодарю, Ваше Сіятельство», отвѣчалъ солдатъ: «я не грамотный, служилъ рядовымъ, прикажите мнѣ умереть въ рядахъ». — Суворовъ, обратясь ко всѣмъ, сказалъ: «Где это услышимъ?»

* *

*

Князь любилъ ходить часто между солдатъ, въ солдатской курткѣ, или въ изодранной своей родительской шинели, и былъ всегда досолень, когда его не узнавали. Тутъ бывали съ нимъ нерѣдко весьма забавныя встрѣчи, которыя, если описывать, то надобно писать новую книгу его анекдотовъ. Часто находили его въ арміи спавшаго на повалѣ съ солдатами. Такъ однажды закричалъ въ сдѣдъ Фельдмаршалу, бѣжавшему въ солдатской простой курткѣ, присланный отъ Генерала В. Х. Дерфельдена съ бумагами сержантъ: «Эй, старикъ, стой! Скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?» — «Чортъ его знаетъ», отвѣчалъ онъ. «Какъ!» вскрикнулъ сержантъ: «у меня отъ Генерала къ нему бумаги». — «Не отдавай», былъ второй отвѣтъ: «онъ теперь или размертвецки пьянъ, или горланить пѣтухомъ». Тутъ посланный поднялъ на него палку и вскрикнулъ: «Моли ты Бога, старичишка, за свою старость; не хочу и рукъ

марать; ты видно не Русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодетеля». Суворовъ — давай Богъ ноги. Черезъ часъ возвращается онъ домой. Сержантъ, узнавъ его, хочетъ броситься къ его ногамъ; но Графъ, обнявъ его, сказалъ: «Ты доказалъ, любовь ко мнѣ на дѣлѣ: хотѣлъ поколотить меня за меня»; — и изъ рукъ своихъ потчивалъ его водкою.

* *

*

Также и въ Финляндіи, ѣдучи на Чухонской телѣгѣ, не успѣлъ Суворовъ по тамошнимъ узкимъ дорогамъ своротить, какъ вдругъ столкнувшійся съ нимъ курьеръ ударилъ его пребольно плетью. Лежавшій съ нимъ Адъютантъ его. Курись, поднялся и хотѣлъ-было закричать, что это Главно-командующій, какъ Суворовъ, зажавъ, ему ротъ, сказалъ: «Тише! тише! курьеръ, помилуй Богъ, дѣло великое!» — По прибытіи въ Выборгъ, узнаетъ Курись, что курьеръ тотъ былъ поваръ Генераль-Поручика Германа, отправлявшійся съ курьерскою подорожною за провизіею въ Петербургъ, и донесъ о семъ Графу, который произнесъ: «Ну что же? Мы оба потеряли право на сатисфакцію, потому что оба ехали инкогнто».

* *

*

Въ, прошлую войну съ Турками Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, объѣзжая части ввѣренныхъ ему войскъ, заѣхалъ къ Полковнику Соболевскому, командовавшему тогда частью Арнаутъ, расположенныхъ въ лагерѣ при рѣкѣ, и, спрося прежде объ имени Полковника, взошелъ къ нему въ палатку и сказалъ: «Здравствуй, Иванъ Володиміровичъ! Много ли Турокъ за рекою?» Полковникъ (родомъ изъ Сербовъ) былъ приведенъ въ замѣшательство такимъ нечаяннымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что никогда еще не видывалъ Суворова, отвѣчалъ: «Не могу доложить». При семъ отзывѣ Суворовъ, закричавъ: «проклятая немогузнайка!» — приказалъ тотчасъ курить, какъ можно болѣе, въ палаткѣ и вскорѣ, сѣвъ на казацкую лошадь, поскакалъ изъ лагеря, приказавъ притомъ Полковнику Соболевскому слѣдовать за собою, а находившемуся при немъ, Полковнику Курису, велѣлъ между тѣмъ паставлять Соболевскаго. Отѣхавъ потомъ нѣкоторое разстояніе, подозвалъ къ себѣ Соболевскаго и опять спросилъ его: «Много ли Турокъ?» Сей отвѣчалъ: «Много, ваше Сіятельство». Тогда Суворовъ выговаривалъ Курису, что онъ худо наставилъ Ивана Володиміровича; велѣлъ продолжать наставленія и поѣхалъ далѣе. Дорогоу беспрестанно и громко бранилъ Соболевскаго, и иногда Куриса, за худое наставленіе. Неоднократно спрашивалъ, наставилъ ли Ивана Володиміровича? При отзывѣ сего о исполненіи, повторялъ: «еще наставляй». Послѣ чего, отѣхавъ нѣсколько верстъ, остановился возлѣ дерева и, подозвавъ къ себѣ Соболевскаго, сказалъ: «Знаешь ли, что ты надѣлалъ? Ты сказалъ, что Турокъ много; я напишу къ Князю П., чтобы присылалъ болѣе войска, потому что Иванъ Володиміровичъ говоритъ: много Турокъ; Князь напишетъ къ Матушкѣ-Царицѣ; ИМПЕРАТРИЦА принуждена будетъ дать Указъ о рекрутскомъ наборѣ, все потому, что Иванъ Володиміровичъ говоритъ: много Турокъ. Вотъ что ты надѣлалъ!» — Послѣ сего разговора приказалъ Соболевскому взлѣсть на близъ стоящее дерево, обзрѣть непріятельскій лагерь и счесть по возможности число палатокъ Турецкихъ; что тотъ и исполнилъ. Тогда Графъ Александръ Васильевичъ сказалъ: «По числу палатокъ положимъ число людей, ошибемся немногимъ: для тебя много и пяти тысячъ, а мнѣ мало и ста тысячъ», — и съ симъ уѣхалъ.

* *

*

Генераль К... представилъ Князю сомилѣтнаго сына своего, крестника Суворова, мальчика избалованнаго, прерѣзваго, который началъ прыгать и скакать по стульямъ; отецъ его унимать, а Александръ Васильевичъ уговаривать отца: «Оставь его, пусть шалить и рѣзвится. Это меня тѣшитъ. Скоро, ахъ! скоро поблекнетъ сей золотой безъ золота возрастъ, при первомъ звукѣ слова: этикетъ. Тогда прощай, невинная простота и веселость младенчества!»

* *

*

Однажды Князь, разговорясь о самомъ себѣ, спросилъ всѣхъ, у него бывшихъ: «Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворѣ надо мною смѣялись. Я бывалъ при Дворѣ, но не Придворнымъ, а Эзопомъ, Лафонтеномъ: шутками и звѣринымъ языкомъ говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при ПЕТРѢ ПЕРВОМЪ и благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся и корчился. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, угомонялъ буйныхъ враговъ отечества. Если бы я былъ Цезарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороковъ». — И обратясь ко мнѣ, прибавилъ: «Запиши это для Исторіи».

* *

*

Князь Г. А. Потемкинъ безпрестанно назывался къ Александру Васильевичу на обѣдъ. Графъ всячески отыгрывался; но наконецъ вынужденъ былъ пригласить его съ многочисленною свитою. Тотчасъ призываетъ къ себе искуснѣйшаго при Князѣ метрдотеля, Матоне, поручаетъ ему изготовить великолѣпнѣйшій столъ и не щадить денегъ; а для себя велѣлъ своему повару, Мишкѣ, приготовить два постныя блюда. Столъ былъ самый роскошный и удивилъ даже самого Потемкина. Рѣка виноградныхъ слезъ, какъ Суворовъ въ одномъ письмѣ своемъ пѣтитически отзывался, несла на себе пряности обѣихъ Индій. Но онъ, кромѣ своихъ двухъ блюдъ, подъ предлогомъ нездоровья и поста, ни до чего не касался. На другой день, когда метрдотель принесъ ему счетъ, простиравшійся за тысячу рублей, то онъ, надписавъ на ономъ: я ничего не ѣлъ, отправилъ къ Князю, который тотчасъ заплатилъ и сказалъ: «Дорого стоитъ мнѣ Суворовъ!»

* *

*

Князь, увидя нечаянно табакерку съ изображеніемъ одного лица, ему и многимъ ненавистнаго, отбросилъ ее и сказалъ: «Ахъ, какъ я испугался! Зачѣмъ не изобразилъ живописецъ его спящимъ? Въ минуты сна и тигръ бываетъ добръ и не вредить».

* *

*

Однажды Князь за обѣдомъ вдругъ дѣлаетъ себѣ вопросъ: «Что есть глазомѣръ? — быстрый обзоръ всѣхъ предстоящихъ предметовъ, для примѣрнаго опредѣленія числа и величины ихъ. На войнѣ взлѣзай на дерево, какъ я при Римникѣ. Я увидѣлъ непріятельскій лагерь, мѣстоположеніе, и поздравилъ себя на деревѣ съ побѣдою. Для этого (взглянувъ на меня) вооруженные очками глаза не годятся». Я всталъ и поклонился ему за правду. «Сиди, не беспокойся!» — сказалъ онъ.

* *

*

Когда отъ Вице-Адмирала Θ. Θ. Ушакова получено было извѣстіе о взятіи Флотомъ Корфу, вскрикнулъ Князь: «Великій ПЕТРЪ нашъ живъ!» Что Онъ, по разбитіи въ 1714 году Шведскаго Флота при Аландскихъ островахъ, произнесъ, а именно: *Природа произвела Россію только одну: она соперницы не имѣетъ!* — то и теперь мы видимъ. Ура! Русскому Флоту. — Генрихъ IV-й написалъ знаменитому Криллону: *Повѣсься, храбрый Криллонъ; мы побѣдили при Аркѣ (Arques)! а тебя тамъ не было!* Я теперь говорю самому себѣ: «Зачѣмъ не былъ я при Корфу, хотя Мичманомъ?»

* *

*

Бывъ въ городѣ Вишау свидѣтелемъ трогательной сцены, я описалъ ее, и Г. Антингъ, выпросивъ у меня, помѣстилъ анекдотъ сей въ своей Исторіи. Вотъ онъ:

Добрая, благородная душа Князя имѣла особенную привязанность къ малымъ дѣтямъ: и тотъ же самый человѣкъ, который въ день сраженія подоился перуну раздраженнаго божества, при слабомъ и несчастномъ имѣлъ всю чувствительность нѣжнѣйшаго сердца. При возвращеніи его изъ Италіи чрезъ Моравію, былъ онъ встрѣченъ въ городѣ Вишау тамошнимъ Оберъ-Амтманомъ Комиссаромъ Целинкою, Бургомистромъ Зауликомъ, и городскимъ Синдикомъ Баеромъ, при игрании на трубахъ и литаврахъ. Его Сіятельство, будучи весьма доволенъ таковою нечаянною встрѣчею, обнялъ ихъ и пригласилъ къ столу, во время коего Герой нашъ пилъ за здравіе Ихъ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВЪ, ПАВЛА I и ФРАНЦА II. — Въ продолженіе стола дѣти Оберъ-Амтмановы пришли съ другими дѣтьми и, пропѣвъ въ похвалу ему кантатъ вмѣстѣ съ инструментальною музыкою, поднесли ему разные плоды, какъ малый даръ, не имѣя лучшаго. При сей сценѣ покатались отъ радости слезы по ланитамъ достопочтеннаго и сѣдинами украшеннаго мужа, лобызавшаго съ усердіемъ многократно всѣхъ бывшихъ тутъ дѣтей. Потомъ, посадивъ за столъ вокругъ себя небольшой хоръ сихъ пѣвцовъ, самъ ихъ потчивалъ и давалъ каждому мальчику пить изъ своей рюмки. Почти полтора часа разговаривалъ онъ съ одними своими маленькими гостями, увѣщевая ихъ быть добродѣтельными и благочестивыми: онъ рассказывалъ имъ также и о собственныхъ своихъ дѣтяхъ, и, въ продолженіе разговора, очень часто показывались на глазахъ его радостныя слезы. «Сегодня», повторялъ онъ неоднократно: «самые пріятнѣйшіе у меня за столомъ гости. О, невинность! и я, любезныя мои дѣти, буду скоро на васъ походить. Вы для меня столь прелестны, что не могу съ вами разстаться». И въ самомъ дѣлѣ. Его Сіятельство просидѣлъ за столомъ цѣлый часъ болѣе обыкновеннаго.

* *

*

Въ Павіи приглашали Графа посѣтить Университетскую Библіотеку, но онъ отговорился недосугами. Обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Сходи посмотрѣть сей макулатурный магазейнъ. Сколько милліоновъ гусей должны были поставлять свои перья! Какой чернильный океанъ долженъ былъ разлиться, чтобы бѣлое сдѣлать чернымъ! Но скажи имъ, что Суворовъ въ Варшавѣ не былъ Омаромъ въ Александріи: онъ не сжегъ Библіотеки, но поднесъ сей плодъ оружія отечеству».

* *

*

Разговорясь съ Графомъ Сентъ-Андре о славномъ Тюренѣ, спросилъ его Князь: «На кого похожъ Тюрень?» — Тотъ отвѣчалъ: «На Суворова: и онъ и Суворовъ могутъ сказать: *non omnis morior*, т. е. не весь умираю». — Это такъ понравилось Александру Васильевичу, что за обѣдомъ нѣсколько разъ повторялъ онъ тихонько про себя: *non omnis morior*. Велѣлъ было мнѣ записать; но я отвѣчалъ: «Такая истина не изглаживается изъ памяти».

* *

*

Одинъ Генераль любилъ ходить въ пучкѣ, что было противно тогдашней формѣ. Князь боялся за него, чтобы онъ за то не подвергнулся непріятностямъ; но, уважая его лѣта и службу, не имѣлъ духу ему запретить. Однажды сказалъ онъ мнѣ при нѣмъ: «Узнай подъ рукою, не кроется ли въ пучкѣ или подъ пучкомъ что-нибудь важное?» И подобными разными шутками довелъ онъ его до того, что онъ началъ носить форменную косу.

* *

*

Въ упрныхъ и рѣшительныхъ сраженіяхъ бываютъ такія минуты, когда обѣ стороны, по невольному дѣйствию сердца человѣческаго, ощущаютъ слабость средствъ своихъ, безполезность напряженій и силъ истощенія. Наблюденіе сей единственной минуты доставляетъ успѣхъ и славу. Суворовъ однимъ взоромъ усматривалъ движеніе рядовъ и душъ Русскихъ воиновъ. Къ сей минутѣ нравственнаго ослабленія у него былъ всегда запасъ. Въ самомъ жару сраженія подъ неприступными высотами Нови Суворовъ увидѣлъ сіе расположеніе душъ; немедленно отдавъ приказъ къ нанесенію непріятелю послѣдняго удара и, когда всѣ войска двинулись, Герой сказалъ: «Великъ Богъ Русскій! — я побѣдилъ Моро!»

* *

*

Нѣкоторые Полководцы умѣли побѣждать, а не умѣли пользоваться побѣдою. Суворовъ и удачу враговъ употреблялъ въ пользу себѣ. Когда поданъ былъ знакъ къ переправѣ черезъ рѣку Адду, въ то самое время нѣсколько отважныхъ Русскихъ Гренадеровъ бросились на суда, неустрашимо принялись за весла и, по темнотѣ ночи, въ нѣсколько минутъ пропали изъ виду. Вскорѣ съ противнаго берега услышали безпорядочную пальбу: разные огни засверкали сквозь кустарники. Прозорливый Суворовъ тотчасъ догадался, что непріятель зажегъ передовыя суда. Опасность Русскихъ воиновъ, переплывшихъ за Адду, обратилъ онъ въ предвѣстіе побѣды. — «Съ нами Богъ!» вскричалъ Герой: «богатыри овладѣли берегомъ и зовутъ насъ. Не выдадимъ своихъ! впередъ! съ нами Богъ!»

* *

*

Суворовъ, встрѣтясь съ однимъ Генераломъ, по стремленію невольной запальчивости, сдѣлалъ ему жестокой выговоръ и вдругъ, смягча голосъ, продолжалъ: «Я говорилъ вамъ, какъ раздраженный Начальникъ, теперь буду говорить, какъ другъ и отецъ. Я знаю все: вѣроломство и измѣна предали васъ въ руки непріятелей. Богъ взыщетъ съ нихъ!.. Если можно, не вспоминайте никогда о прошедшемъ».

* *

*

По окончаніи Италійской компаніи, приказалъ мнѣ Генералиссимусъ узнать, былъ ли въ продолженіе оной кто-либо наказанъ за нарушеніе подчиненности? Когда, по полученіи справокъ, донесъ я Его Сіятельству, что ни одного не было, то онъ съ восторгомъ вскочилъ и возблагодарилъ Бога. «Теперь», сказалъ: «узнаю я наше Русское войско. Сей подчиненности обязанъ я своими победами, ибо, что есть войско безъ повиновенія и какимъ образомъ могутъ толпы вооруженныхъ людей направляемы быть безошибочно къ назначаемой цѣли безъ власти, разделенной между постепенными Начальствами? Запиши: «Ноша службы легка, когда дружно поднимаютъ ее многие. Нѣтъ! Греки и Римляне съ нами не равняются».

* *

*

Положивъ 16-го Апреля 1799 года переправиться чрезъ быструю рѣку Адду, которой крутые берега вездѣ были укрѣплены батареями, Суворовъ сказалъ: «Побѣда, слава и безопасность воиновъ нашихъ зависятъ отъ сего подвига. Медленность наша умножить силы непріятеля; быстрота и внезапность разстроятъ его и поразятъ. Ширина рѣки не сузится, высота береговъ не понизится: Русскій Богъ силенъ! Съ Нимъ перелетимъ полетомъ богатырскимъ; съ Нимъ побѣдимъ!!!.. Ура!» — и Русскіе за Аддою.

* *

*

По взятіи Милана, нѣкоторые Австрійскіе Генералы представили Суворову, что послѣ трехдневнаго съ непріятелями дѣла войска заслуживаютъ, чтобы имъ дано было, хотя малое отдохновеніе. Въ отвѣтъ на то Суворовъ отдалъ въ приказе: впередъ!

* *

*

Разсказывали про кого-то, который любилъ копировать Суворова, подражая ему въ образѣ жизни, окачиваться водою, бѣгать, прыгать и т. п. — Александръ Васильевичъ началъ: «Зачѣмъ старичекъ меня корчить? Мнѣ кажется, обезьяны для того и сотворены, чтобы насъ, одаренныхъ разумомъ, отчуждать отъ смѣшнаго обезьянства. Такъ Спартанцы испугались, увидя пьянаго Плота. Жалко подражаніе, похвально соревнованіе. Подражаніе есть, признаніе въ недостаткѣ собственныхъ своихъ способностей; соревнованіе — порывъ благородной души, которая хочетъ выказать оспариваемое у нея преимущество. Подражатель ползаетъ за своимъ оригиналомъ; соревнователь стоитъ возлѣ него и отбиваетъ у него вѣнецъ. Тотъ рабъ, сей господинъ. Пусть старинушка, передразнивая меня, смѣшитъ всѣхъ собою».

* *

*

Читали книгу, въ которой сказано, что одинъ Персидскій Шахъ, человѣкъ впрочемъ кроткаго нрава, велѣлъ повѣсить двухъ газетчиковъ за то, что они помѣстили въ своихъ листкахъ двѣ лжи: «Какъ!», вскрикнулъ Суворовъ: «только за двѣ лжи? Что если бы такой Шахъ явился у насъ; исчезли бы всѣ господа Европейскіе Журналисты! Не сносить бы головы своей и Дюмасу».

* *

*

Извѣстный въ Европѣ Пасторъ Лафатеръ прислалъ къ Суворову изъ Швейцаріи въ Италію сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: *Одно слово свободного Швейцарца къ Французской націи*. Въ ономъ описаны всѣ неистовые и злодѣйскіе поступки тогдашнихъ Французовъ. Онъ велѣлъ тотчасъ напечатать нѣсколько сотъ экземпляровъ для раздачи по Швейцаріи, когда мы туда вступимъ; а слѣдующую статью выписать для себя; «Французская нація! перестань называться великою націею. Колоссальная величина — не истинное величіе; и триста милліоновъ Китайцевъ показались бы тебѣ смѣшными, если бы нарекали себя великими. Называй себя малѣйшею изъ всѣхъ націй, или ты должна терпѣть, что всѣ великіе и малые народы тебя признаютъ такою. Французская нація! устами частнаго человѣка вопіютъ языки нѣсколькихъ сотъ тысячъ вольныхъ Швейцарцевъ ко всѣмъ народамъ: «Мы еще рабы, рабы, какими никогда не бывали». — О Лафатеръ долженъ я замѣтить, что покойный Государь ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I-й зналъ его лично и Высочайше предписалъ: взять его въ Цюрихъ подъ особое Россійское покровительство.

* *

*

Князь любилъ въ праздные часы разсказывать о прежнихъ своихъ походахъ: но всегда кратко и отрывисто. Такъ, говоря о взятіи Измаила, началъ слѣдующимъ образомъ: «Гордымъ Богъ противится. Три раза посылалъ я требовать сдачи. Что же? Получаю отъ Паши отвѣтъ: «Прежде переимѣнить Дунай свое теченіе, прежде низпадетъ небо на землю, нежели Измаиль сдастся». «Вдругъ гордыня у нашихъ ногъ. Богъ нашъ спаситель; великая Царица на Престолѣ: войско побѣдоносное. Едва успѣлъ сказать: храбрые войны! два раза подступали ваши къ крѣпости, въ третій побѣдимъ со славою: — и ужъ чудо богатыри въ крѣпости!»

* *

*

По выходѣ изъ Альпійскихъ ущелій, приближаясь къ городу Куру, увидѣли мы двухъ быковъ. Вдругъ всѣ бросились, вмигъ распластали и раскрошили ихъ, развели огонь; и каждый, начиная съ Фельдмаршала, жаридъ самъ кусокъ свой гавядины на палочкѣ, или на шпагѣ. Еще и теперь не могу забыть, какъ вкусенъ былъ тотъ кусокъ. Въ то самое время брасается къ ногамъ Суворова старикъ съ старухою въ слезахъ и жалуется на солдатъ, похитившихъ у нихъ скотъ. «Нѣтъ!» сказалъ онъ, обнявъ его: «мы не разбойники, а голодные; возьми сто червонныхъ, возьми болѣе, сколько хочешь; но не порицай въ грабительство добрыхъ защитниковъ твоей родины. Ты, вѣрно, эти двѣ недѣли былъ сытъ съ твоимъ семействомъ, а мы не знали хлѣба и умираемъ съ голоду. Богъ будетъ насъ, судить всѣхъ: Его безпредѣльное милосердіе помилуетъ насъ; но твоего жестокосердія къ ближнимъ не оставитъ безъ наказанія. Помни, старикъ, мы всѣ братья. Швейцары — добрые Христіане». Слова сіи, произнесенныя съ жаромъ чувствъ, поколебали крестьянина: онъ отказался отъ денегъ, а началъ только просить о караулѣ къ своему дому, который тотчасъ ему и данъ.

* *

*

Одинъ иностранный Генераль; за столомъ у Суворова, возносилъ его хвалами безъ умолку, такъ, что наскучилъ ему и намъ всѣмъ. Подали прежалкий круглый пирогъ, который кушалъ лишь одинъ Александръ Васильевичъ. «Знаете ли, господа», сказалъ онъ: «что ремесло льстеца не такъ-то легко. Лестъ походить на этотъ пирогъ: падобно умѣючи испечь, всѣмъ нужнымъ начинить въ меру, не пересолить и не перепечь. Люблю своего Мишку повара; онъ худой льстецъ».

* *

*

Строжайше запрещено было офицерскимъ женамъ слѣдовать за арміею. Не смотря на то, многія переодѣвались въ мужское платье, были съ мужьями своими неразлучно и прятались отъ Генералиссимуса. Однажды встрѣтился онъ съ такою переодетою и спросилъ: «Кто это такой?» Отвѣчаютъ: Капитанъ, «Храбрый ли онъ?» Отвѣтъ: храбръ. «Да», продолжалъ Князь: «знаю его. Онъ, помилуй Богъ, храбръ — въ Амазонскомъ полку».

* *

*

Въ одномъ Нѣмецкомъ, городѣ, когда Князь занимался со мною въ кабинетѣ своемъ, вбѣгаетъ къ нему престарѣлая хозяйка дома и, бросаясь къ ногамъ его, кричитъ: «Спасите, Генераль; ваши солдаты грабятъ мой садъ, ломаютъ яблони и ѣдятъ несозрѣвшія еще яблоки. Они всѣ умрутъ». — Фельдмаршалъ приказадъ тотчасъ ихъ выгнать, а потомъ, указавъ ей на меня, сказалъ: «Вотъ этотъ Генераль, которому приказано смотреть за порядкомъ, будетъ за сіе тотчасъ разжалованъ вѣчно въ салдаты». — Тутъ полились новыя слезы; добрая старушка умоляла его и помилованіи меня. Забыты яблоки. Но онъ оставался непреклоннымъ: сѣлъ и принялся опять со мною за работу. По возвращеніи моемъ въ Канцелярію, она проситъ у меня прощенія, что невинно въ первый разъ въ жизнь свою сдѣлалась виновницею несчастія ближняго. Съ великимъ только трудомъ могъ я ее успокоить.

* *

*

Государыня ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА изволила изъявить желаніе, чтобы Суворовъ вступилъ въ переписку съ Шаретомъ, Генералиссимусомъ тогдашнихъ Королевскихъ Французскихъ войскъ въ Вандеѣ. На сей конецъ поднесенъ ей былъ на усмотрѣніе прозкъ письма на Французскомъ языкѣ къ Шарету, для подписанія Суворову. Государыня, по прочтеніи, уничтожила оный,

сказавъ: «Не Намъ учить Суворова писать. У Генія свой полетъ и свое перо». И тогда удивилъ Графъ высокимъ Французскимъ своимъ краснорѣчіемъ всѣхъ иностранцевъ. Во всѣхъ газетахъ было то посланіе напечатано, какъ образцовое. На третій день моего вступленія къ нему въ должность, спросилъ онъ меня, читалъ ли я то произведеніе его. Я признался, что нѣтъ. Тутъ онъ тотчасъ вынулъ оное и велѣлъ мнѣ състь и перевести по Русски. Вотъ Французскій подлинникъ Суворова:

Souvorow à M. de Charette, Généralissime des troupes du Roi de France; à son quartier Général.

Héros de la Vendée! illustre défenseur de la foi de tes pères et du troue de tes Rois! Salut.

Que le Dieu des armées veille à jamais sur toi; qu'il guide ton bras à travers les bataillons de tes nombreux ennemis, qui, marqués du doigt de ce Dieu vengeur, tombe-ront dispersés, comme la feuille qu'un vent du nord a frappé. Et vous, immortels Vendeens fideles conservateurs de l'honneur des Francais, dignes compagnons d'armes d'un héros guidés par lui, relevez le temple du Seigneur et le trône de vos Rois...

— Que le méchant périsse... — Que sa trace s'efface... — Alors que la paix bienfaisante renaisse, et que la tige antique des lys, que la tempête avoit courbée, se relève du milieu de vous, plus brillante et plus majestueuse.

Bravp Charelle, honneur des chevaliers Francais. — L'univers est plein de ton nom. — L'Europe étonnée te con-temple, et moi, je t'admire et te felicite... Dieu te chérit, comme autrefois David, pour punir le Philistin! Adore ses décrets. — Vole, attaque, frappe, et la victoire suivra tes, pas. Tels sont les vœux d'un soldat, qui blanchi aux champs d'honneur, vit constamment la victoire couronner la con-fiance qu'il avoit placée dans le Dieu des combats, gloire a Lui; car il est la source de toute gloire. Gloire à toi; ca il te chérit. Souvorow.

Le premier Octobre 1795. A Varsovie.

Вотъ мой переводъ сего достопамятнаго письма.

Суворовъ къ Г-ну Генералиссимусу войскъ Французскаго Короля де Шаретту; изъ главной своей квартиры.

Герой Вандей! знаменитый защитникъ вѣры отцевъ твоихъ и престола твоихъ Государей! Приветствую тебя. — Господь силъ да блюдетъ тебя во всякое время; да направить десницу твою на поражение полчищъ многочисленныхъ враговъ твоихъ, кои отъ единого мановенія перста сего Бога отмстителя падутъ разсѣянные, яко листь, ветромъ сѣвера отторженный! А вы, безсмертные Вандейцы! вѣрные хранители чести Французовъ! достойные сподвижники Героя, вами предводительствующаго! возстановите Храмъ Господень и престодъ Государей вашихъ. Нечестивый да погибнетъ, и путь его да потребится! Тогда миръ благодѣющій да возродится паки, и древній стебль лиліи, преклоненный долу, до возстанетъ посреди васъ блистательнѣе и величественнѣе. Храбрый Шареттъ, честь Французскихъ рыцарей! вселенная исполнена имени твоего; изумленная Европа созерцаетъ тебя; тебѣ удивляюсь я, тебя привѣтствую. Богъ избралъ тебя, какъ нѣкогда Давида для наказанія Филистимлянъ. Благоговѣй предъ судьбами Его. Лети на брань, устремись на врага, рази, и побѣда послѣдуетъ стопамъ твоимъ! Таковы суть желанія воина, который, посѣдѣвъ на поляхъ чести, всегда зрѣлъ побѣду, увѣнчивающую упованіе его на Господа силъ! Слава Ему! ибо Онъ есть источникъ всякія славы. Слава тебѣ! ибо ты Ему любезенъ. Суворовъ. Октября 1 дня 1795 года. Въ Варшавѣ.

* *

*

Садясь обѣдать, замѣтилъ Князь, что одинъ молодой Офицеръ тѣснился състь выше старышхъ, чего онъ весьма не жаловалъ; тотчасъ началъ кричать своимъ языкомъ: «Дисциплина! субординація! высока лѣстница военного чиноначалія! Ступени широки! — кто ступилъ выше, тотъ, выше и садится! и проч.». Чтобы остановить гнѣвъ его, одинъ изъ сидящихъ увѣрилъ Графа, что этотъ молодой человѣкъ близорукъ и стихотворецъ, и хотѣлъ поближе разсмотрѣть Героя своей поэмы. «Зачѣмъ», сказала Александръ Васильевичъ: «не предувѣдомилъ ты меня? Я думалъ, что онъ маменькинъ баловень; а теперь вижу, что это l'élève poétique. Какъ намъ не служить, когда у насъ въ арміи Барды и Трубадуры сулятъ намъ безсмертіе!» Просилъ стихотворца-самозванца принести прочитать свою поэму, развеселился и принялся съ аппетитомъ за Мишкины блюда.

* *

*

Предварительно долженъ я просить у Читателей моихъ снисхожденія, если займу ихъ рассказомъ о весьма забавномъ, но маловажномъ происшествіи: о возложеніи двухъ медалей на камердинера Генералиссимуса, Прошку, который во всей арміи извѣстенъ былъ подъ симъ именемъ. Напередъ скажу также, что сей Прошка былъ человѣкъ невоздержный, ограниченнаго ума и дерзкій. Онъ, отнималъ иногда

у него тарелку съ кушаньемъ, грубилъ ему. Не смотря на то, Баринъ его, помня, что онъ какъ-то спасъ нѣкогда жизнь его, снисходилъ къ его невѣжеству и шутилъ надъ нимъ. Вдругъ сей Прошка удостоивается получить отъ Сардинскаго Короля, Карла Эммануила, двѣ медали, одну съ изображеніемъ Государя ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВАГО, а другую съ изображеніемъ Короля и съ надписью на Латинскомъ языкѣ: *за сбереженіе здоровья Суворова*. Обѣ на зеленыхъ лентахъ. На пакетѣ рескрипта, запечатанномъ большою Королевскою печатью, адресъ слѣдующій: «Господину Прошкѣ, камердинеру Его Сіятельства Князя Суворова». — Сей пакетъ внесъ Прошка своему Господину съ воемъ и прослезилъ его также. Тотчасъ за мною посылка. Я являюсь. Съ восторгомъ кричитъ Графъ: «Какъ! Его Сардинское Величество изволилъ обратить милостивѣйшее свое вниманіе и на моего Прошку! Садись и пиши церемоніаль завтрашнему возложенію двухъ медалей на грудь Прошки». Я сълъ и написалъ: «Первый пунктъ: Прошкѣ быть завтра въ трезвомъ видѣ». — «Что значить это», сказалъ Александръ Васильевичъ: «я отъ роду не видывалъ его пьянымъ?» — «Я не виноватъ», отвѣчалъ я: «если я не видадъ его трезвымъ». Въ одномъ пунктѣ сказано между прочимъ, что, по возложеніи медалей, долженъ Прошка поцѣловать руку своего барина; но Графъ требовалъ настоятельно, чтобы онъ поцѣловалъ руку Габета, уполномоченнаго Королемъ при Главной Квартирѣ Суворова. На другой день церемоніаль совершился по пяти пунктамъ въ точности, кромѣ перваго, который исполненъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Также въ концѣ Габетъ никакъ не давалъ своей руки; Графъ и Прошка за нимъ гонялись, и едва всѣ трое не упали. Забылъ я сказать, что Прошка въ сей зкаркшій Итальянскій день былъ въ бархатномъ кафтанѣ, съ большимъ привѣшаннымъ кошелькомъ, и уже не сдужилъ, а стоялъ въ отдаленности отъ графскаго стула, неподвижно за столомъ, гдѣ пили какое-то Кипрское, прокисшее вино, за его здоровье. Нельзя не подивиться, какъ Графъ при семъ забавномъ случаѣ сохранялъ пресерьезное торжественное лицо. Такъ мѣшалъ онъ дѣло съ бездѣльемъ, и — это называлъ своею рекреациею.

* *
*

Отдавая Англіѣскому курьеру письмо къ Адмиралу Нельсону, Суворовъ сказалъ: «Кланяйтесь другу моему, Нильскому Герою, сказавшему наканунѣ Абукирскаго сраженія: *Завтра я — или Лордъ, или Ангель*».⁵

* *
*

Фельдмаршалъ говаривалъ, что недурно иногда спросить и служивыхъ, съ кѣмъ они хотятъ воевать. Они знаютъ и не ошибаются въ своихъ Начальникахъ. Надобно было однажды отрядить для нападенія на непріятеля два баталіона. Онъ подослалъ спросить, за, кашицею, солдатъ одного полка, съ кѣмъ бы они хотѣли поработать. Всѣ въ одинъ голосъ назвали одного Полковника, не смотря, что тамъ были, казалось, гораздо достойнѣйшіе. Онъ тотчасъ исполнилъ ихъ желаніе, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

* *
*

Одинъ эмигрантъ насчиталъ Князю цѣлый каталогъ недавно изданнымъ книгамъ о военномъ искусствѣ и казался удивленнымъ, что онъ ихъ не читалъ. «Удивительно», сказалъ наконецъ Александръ Васильевичъ: «никогда такъ много не писали о тактикѣ, какъ въ царствованіе Людовика XV: а какую жалкую роль играла въ военной Исторіи Французская армія. Начальники, увы Субизъ и Клермонъ; — военный духъ: Росбахъ! Минденъ! Забыты вѣка Карла Великаго, Генриха IV, Людовика XIV. Военная ихъ библіотека была очень невелика. Ее украшали тогда имена: Тюреневъ, Конде, Люксанбургъ, Катина, и проч.».

* *
*

⁵ Адмиралы въ Англіи за побѣды производятся въ Лорды. Слѣдовательно побѣдитель — Лордъ, или смерть.

Разговорясь о Государѣ Петрѣ Первомъ, Суворовъ сказалъ: «Я благоговѣлъ къ Нему на Ладожскомъ каналѣ и на Полтавскомъ полѣ, гдѣ, по повелѣнію блаженной памяти Матушки ЕКАТЕРИНЫ, былъ сдѣланъ точно тотъ самый Его маневръ. По его слѣдамъ дознался я, что Онъ былъ первый Полководецъ своего вѣка: мнѣніе мое и Румянцовъ удостоилъ одобрить».

* *

*

Князь показалъ мнѣ однажды приказъ, въ которомъ прописанъ вѣгъ его титулъ, какъ-то: Его Сіятельство, Господинъ, Генералиссимусъ, такой-то арміи и разныхъ Орденовъ Кавалеръ, Князь, Графъ, и проч. и проч. Онъ все это вымаралъ, написавъ своею рукою: Суворовъ приказалъ. — «Не правда ли», спросилъ онъ меня, «что такъ лучше?» «Да», отвѣчалъ я: «довольно сказать: Цезарь приказалъ, а еще лучше: онъ приказалъ. Ибо кто не знаетъ этого онъ, которому все повинуются». — Князь взглянулъ на меня и сказалъ съ улыбкою: «Вижу, что ты двѣнадцать лѣтъ служилъ при Безбородкѣ».

* *

*

Надобно чтить превратность счастья въ плѣнномъ, была всегдашняя его аксіома, и по поводу сего никогда не любилъ онъ приниматьъ шпагу отъ попавшагося въ полонъ, а любилъ возвращать. Тотчасъ отдалъ ее Генералу Серюрье въ Миланѣ съ сими словами: «Кто ею такъ владѣетъ какъ вы, у того она не отъемлема».

* *

*

Увидя жиду, остановился Князь, сказавъ: «Вотъ и съ Еврейскимъ пятисотнымъ полкомъ сражался я подъ Прагою и положилъ всѣхъ на мѣстѣ, кромѣ осторожнаго ихъ Полковника Гишко, который весьма благоразумно оставался въ Варшавѣ и оттуда командовалъ. «Живъ ли онъ», — спросилъ онъ, — но, не дождавшись, поскакалъ. «Напрасный вопросъ — онъ животолубивъ».

* *

*

Храбраго Маіора, Барона Корфа, спросилъ Фельдмаршалъ за столомъ: «Ты съ нами былъ въ Варшавѣ? Что ты тамъ видѣлъ?» — «Ничего, отвѣчалъ онъ: «кромѣ Вашего Сіятельства, когда Магистратъ возвратилъ вамъ содержавшихся въ полону 1,376 Русскихъ, 500 Пруссакъ, 80 Австрийцевъ и въ числѣ ихъ трехъ Генераловъ нашихъ и трехъ Членовъ Дипломатическаго Корпуса. Я видѣлъ, какъ съ нихъ снимали оковы, и какъ они изливали свои чувства въ объятіяхъ своего спасителя». — Суворовъ умолкъ и умильно прослезился.

* *

*

Безкорыстіе Князя Александра Васильевича было во всю жизнь столь велико, что его по всей справедливости можно назвать Русскимъ Фабриціемъ. И объ нашемъ, какъ о томъ, сказалъ бы Царь Эпира, Пирръ: прежде совратится еѣ теченія своего солнце, нежели сей Римлянинъ съ пути честности. Онъ радовался, когда войску доставалась богатая добыча, но никогда въ раздѣлъ ея не участвовалъ, безпрестанно повторяя: «Къ чему мнѣ? я и такъ награждаюсь не по мѣрѣ заслугъ моихъ, но по величію благодати Царской». Въ Измаилѣ подвели ему рѣдкую лошадь, которой не было цѣны, и просили принять ее въ память знаменитой эпохи: но онъ отказался, сказавъ: «Нѣтъ, мнѣ она не нужна. Я прискакалъ сюда на Донскомъ конѣ, съ однимъ казакомъ; на немъ и съ нимъ ускачу». Когда ему одинъ Генералъ замѣтилъ, что теперь поскачетъ онъ съ тяжестію новыхъ лавръ, то онъ отвѣчалъ: «Донецъ всегда выносилъ меня и мое счастье». — Здѣсь слышимъ Цезаря!

* *

*

Приѣхавшій въ Главную Квартуру бывшій республиканскій Генераль Пишегрю, испрашивалъ у Фельдмаршала конференціи, но онъ отъ оной уклонился, подъ предлогомъ политическихъ препятствій. При семъ случаѣ говорилъ онъ въ кабинетѣ: «Не должно теперь слишкомъ довѣрять пылкости эмигрантовъ. Кантъ сказалъ, что каждый Французъ есть природный танцмейстеръ. Вся сила у нихъ, въ ногахъ; а мне надобны и головы. Впрочемъ, чту отважнаго покровителя Голландіи, который не флотомъ, а по льду сдѣлалъ высадку на ея берега. — Скорость пужна, а поспѣшность вредна».

* *

*

Завели у графа разговоръ о Генералѣ Маккѣ. Тотчасъ всѣ союзные Генералы взглянули другъ на друга и шепнули: «Ну, теперь намъ достанется». Но какъ они ошиблись. «Судить о талантахъ по однимъ несчастіямъ», говорилъ Суворовъ «было бы несправедливо. Я, напротивъ того, отыскиваю причины неудачъ Макка въ ошибкахъ Неаполитанскаго Министерства. Если Мантуа пала, если Папа принужденъ былъ подписать Толентинскій трактатъ, если въ верхней Италіи основалась Цизальпинская республика, если Бонапарте достигъ до Мура; то все это произошло отъ того, что Неапольское правленіе въ сіи рѣшительные періоды оставалось отъ страха въ бездѣйствіи. Такой тогдашній кабинетъ и войско безъ дисциплины! Чего тутъ ожидать? Воинскія лѣтописи не сохранили примѣровъ, чтобы малочисленность торжествовала надъ многочисленностію. Но каждый Французъ сражался съ 6-ю, 8-ю и даже съ 10-ю Неаполитанцами и оставался побѣдителемъ».

* *

*

Сколько Князь не любилъ ретирадъ и оборонительной войны, столько былъ онъ также не охотникъ до десантовъ. Онъ не одобрялъ высадки во Францію Англійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Герцога Йоркскаго. Ибо извѣстно, какъ для нихъ несчастливо кончилась кампанія 1744 года, такъ, что они должны были сѣсть на суда, бѣжать и спасаться. Въ замѣткѣ, диктованной Генералъ-Маіору Прево-де-Люміану и помѣщенной въ моей Исторіи, говоритъ онъ именно: «Высадки во Францію не надобно. Они, то-есть Англичане, должны продолжать нападеніе на колоніи. Они слишкомъ раздѣляютъ силы свои въ каналъ и на Средиземномъ море». — По поводу такового его невыгоднаго о десантахъ мнѣнія былъ онъ въ отчаяніи, когда получилъ извѣстіе о назначеніи высадки въ Голландію Россійскихъ войскъ съ Англійскими, подъ главнымъ начальствомъ Герцога Йоркскаго. — «Господи!» воскликнулъ онъ: «да не буду я пророкомъ». — Послѣдствія оправдали его страхъ.

* *

*

«Забавны», говорилъ Князь, «тѣ животолюбивые Скрибы, которые хотятъ вести войну безъ пролитія крови. И я щадилъ ее, гдѣ можно было. На пути къ Варшавѣ, съ 10-ю тысячнымъ корпусомъ, обезоружилъ я въ Бѣлорусскихъ провинціяхъ 8000 Поляковъ на пространствѣ 150 миль, не проливъ ни капли. Въ Варшавѣ поцѣловалъ ключи города и возблагодарилъ Господа, что они не окровавлены, какъ въ Прагѣ. Ба, — обратись къ В. Х. Дерфельдену, — ты, Герой Праги, расскажи». И сей знаменитый Генераль продолжалъ: «Да, въ военной исторіи нѣтъ примѣра дѣлу, столь отважно предпринятому, столь искусно исполненному и столь достопамятному своими послѣдствіями. Однимъ ударомъ потушенъ огонь раздора; испровергнуто правленіе, котораго конституціонное основаніе воздвигло бури; возстановленъ миръ», Князь бросился его обнимать, цѣловать и благодарить. Серьезный Дерфельденъ спрашиваетъ его: «За что изволите благодарить?» — Ответъ: «За то, что ты Лаконикъ».

* *

*

Князь Александръ Васильевичъ воспоминалъ всегда съ благоговѣйнымъ восторгомъ объ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, об Августѣйшей Супругѣ, матери пресвѣтлѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ царскихъ детей и матери сирыхъ, и о надеждѣ Россіи, тогдашнемъ Наслѣдникѣ Престола Александрѣ Павловичѣ. — «Однажды», говорилъ онъ: «удостоюсь увидѣть ангела во плоти, трехлѣтняго Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА (нынѣ счастливо Царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА), бросился я къ Его ногамъ. Его ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО испугавшись заплакалъ. На случай сей вдругъ является ГОСУДАРЬ и, подымая меня, изволилъ сказать: «Помилуйте, графъ, что вы делаете?» Я отвѣчалъ: «Онъ — сынъ боготворимаго ГОСУДАРЯ. Его Высочеству скажутъ, что у младенческихъ ногъ его лежалъ старый вѣрноподанный».

* *

*

Принцъ Конде, разговорясь однажды съ Суворовымъ о прежнихъ, его подвигахъ, признался съ сожалѣніемъ, что не читалъ ничего о зарѣ славы его въ семилѣтнюю войну. Александръ Васильевичъ обратился тотчасъ ко мнѣ и приказалъ написать на французскомъ языкѣ обзорѣніе тѣхъ его подвиговъ. Я замѣтилъ Его Сіятельству, что, не имѣя достовѣрныхъ источниковъ, не могу иначе исполнить его приказаніе, какъ руководствоваться его исторіею, изданною на нѣмецкомъ языкѣ Антингомъ, и сдѣлать, изъ оной извлеченіе. «Да», отвѣчалъ онъ: «сдѣлай безъ всякой прикрасы и покажи мнѣ, а послѣ мы доставимъ къ Принцу». Здѣсь представляю я переводъ:

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДВИГОВЪ СУВОРОВА ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ.

Мы начинаемъ повѣствованіе наше о Суворовѣ съ 1759 года, когда онъ, на 29-мъ году своего возраста, вступилъ на военное поприще, подъ начальствомъ Генерала Князя Волконскаго и Генераль-Аншефа Графа Фермора. Вскорѣ приобрѣлъ онъ довѣренность ихъ — отважностію своею въ баталіи при Куннерсдорфѣ и при взятіи Тотлебеномъ Берлина.

Въ послѣдующихъ годахъ, подъ начальствомъ Генерала Берга, прикрывалъ онъ легкими войсками отступленіе Россійской арміи къ Бреславилю. Подъ Рейхенбахомъ, окруженный значительнымъ Прусскимъ корпусомъ Генерала Кноблоха, одержалъ онъ, первую въ жизни своей побѣду. Ему было тогда 31 годъ. Безпрестанно имѣлъ стычки съ арміею, предводительствуемою самимъ Королемъ, и одерживалъ нерѣдко частныя выгоды. Таковое начало служенія весьма лестно для молодаго офицера⁶.

Въ томъ же 1761-мъ году, съ сотнею казаковъ, переплываетъ онъ Нейсу при Дризенѣ; въ ночь проходитъ шесть нѣмецкихъ миль къ Ландсбергу на Вартѣ; разбиваетъ городскія ворота; входитъ въ городъ; беретъ въ полонъ прусскихъ гусаръ, тамъ находившихся, и сожигаетъ половину моста чрезъ Варту.

Изъ Ландсберга стремится онъ, съ 3-мя гусарскими и 7-ю казацкими полками, чрезъ Регенсвальдъ къ Колбергу. Назначеніе его было треножить Прусскую армію, подъ начальствомъ Платена. Онъ напалъ на оную и взялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Нѣсколько дней спустя, атаковалъ онъ въ окрестностяхъ Старгарда другой корпусъ Прусскій, начальствуемый Шенкендорфомъ. Съ однимъ, эскадрономъ драгунъ и нѣсколькими казаками напалъ онъ съ саблею въ рукъ на одинъ баталіонъ, который храбро отбивался: многіе были побиты, а остальные взяты въ плѣнъ. Хотя у него была только горсть людей, но онъ тотчасъ рѣшился напасть на Прусскихъ драгунъ: разбилъ ихъ, взялъ два орудія и 20 плѣнныхъ. Бывъ окруженъ непріятелемъ, онъ оставилъ пушки, но не плѣнныхъ своихъ. Прусаки потеряли въ сей день ранеными и плѣнными до тысячи человекъ.

Полковникъ де-ла-Мотъ Курбиеръ, командовавшій авангардомъ Генерала Платена, составленнымъ изъ двухъ баталіоновъ и изъ десяти эскадроновъ, сбилъ Русскихъ гусаръ. Шесть эскадроновъ конныхъ гренадеръ слѣдовали за гусарами: Суворовъ опростомъ бросился ихъ догонять,

⁶ О своемъ воспитаніи и о службѣ своей въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскомъ полку хотѣлъ онъ писать самъ.

тотчасъ устроилъ линіи и, не взирая на безпрестанную пушечную пальбу, напалъ на каре, поставленный Курбьеромъ, и заставилъ его положить оружіе.

Суворовъ, не теряя ни минуты, собралъ тотчасъ своихъ гусаръ съ частью казаковъ, напалъ съ ними на Прусскую конницу и взялъ 800 плѣнныхъ. Также захватилъ онъ драгунъ фуражировъ, которые находились на четверть мили впереди отъ корпуса Платена.

На другой день, съ восходомъ солнца, началъ Суворовъ съ тремя баталіонами пальбу на ворота города Глогау, подъ сильнымъ огнемъ Пруссаковъ. Лошадь подъ нимъ убита: онъ долженъ былъ пѣшкомъ командовать, пока не разбиты были ворота, чрезъ которыя гренадеры его ворвались въ городъ, взяли гарнизонъ и преслѣдовали бѣгущихъ по другую сторону моста въ виду непріятельскаго лагеря. Суворовъ стремился впередъ, не, раненый рикошетнымъ выстрѣломъ, долженъ былъ остановиться.

Послѣ того атаковалъ Суворовъ два баталіона двумястами человекъ: онъ пробрался мимо ихъ, открылъ пальбу на баталіонъ принца Фердинанда, положилъ многихъ на мѣстѣ и взялъ болѣе ста человекъ въ полонъ. Прусаки стрѣляли изъ окопъ. Лошадь подъ Суворовымъ опять убита.

Въ 1762 году заключенъ миръ между Россією и Пруссією, и заря подвиговъ Суворова, произведеннаго въ Полковники Астраханскаго полка, прекращается.

* *
*

За взятіе Суворовымъ, безъ вѣдома и воли — главнаго начальника, города Туртукая, отданъ онъ былъ фельдмаршаломъ Румянцевымъ подъ судъ. «Римъ», говорилъ онъ: «меня бы казнили. Военная Коллегія поднесла докладъ, въ которомъ секретарь ея не выпустилъ ни одного закона на мою погибель. Но милосердіе Великой меня спасаетъ. ЕКАТЕРИНА пишетъ: *Le vainquer ne doit pas être jugé*, то есть: побѣдителя судить не должно. Я опять въ арміи — на служеніи моей Спасительнице!»

* *
*

Въ Италіи приглашали его въ маскарадъ, но онъ отозвался: «Нѣтъ! я, помилуй Богъ, трусь, а тамъ — маскированныя баттары».

* *
*

Въ Новой Ладогѣ дѣлалъ онъ съ своимъ Астраханскимъ полкомъ разные маневры, повторяя безпрестанно: «Солдатъ и въ мирное время на войне. Предпочитаю Грековъ Римлянамъ. У первыхъ были военныя училища, безпрестанно и въ мирѣ занимались они воинскимъ ученіемъ. Римляне безпечно отдавали судьбу арміи своимъ консуламъ и не умѣли пользоваться славою». Весьма желалъ онъ показать полку своему штурмъ. На пути встрѣчаетъ монастырь. Въ пылу воображенія тотчасъ готовъ у него планъ къ приступу. Но повелѣнію ег, полкъ бросается по всѣмъ ь правиламъ штурма, и побѣда оканчивается, взятіемъ монастыря. ЕКАТЕРИНА пожелала увидѣть чудака. И сіе первое свиданіе, какъ онъ самъ говорилъ, проложило ему путь ко славѣ.

* *
*

Объ одномъ русскомъ вельможѣ говорили, что онъ не умѣетъ писать по-русски. «Стыдно», отвѣчалъ Князь: «но пусть онъ пишетъ по-французски, лишь бы думалъ по-русски».

* *
*

Опять явилась, въ одномъ періодическомъ сочиненіи ругательная статья на счетъ Фельдмаршала, по случаю взятія имъ Праги. Я не вытерпѣлъ, написалъ противу оной возраженіе, въ которомъ старался

доказать несправедливость пристрастных иностранных писателей, называющих его кровожадным. Штурмы Измаила и Праги сего не доказывают. Обстоятельства предписывали ему оные: и онъ первый, который проливалъ слезы на сихъ обогранныхъ кровію развалинахъ. Прага была послѣднимъ оплотомъ Польши: тамъ лучшія отборныя ея войска были сосредоточены и противоборствовали съ отчаянною храбростію. И во власти ли военачальника удержать или остановить на такомъ приступѣ, каковъ Прагскій, войско, разъяренное буйствомъ и мщеніемъ за Варшавскій 1793 года бунтъ? Когда и гдѣ штурмы не представляли позорищъ лютости, гораздо ужаснѣйшихъ?.. Эту бумагу прочиталъ я князю; онъ поблагодарилъ за мое, какъ онъ, назвалъ, стряпчество и сказалъ: «Припиши то, что въ Лафонтеновой баснѣ сказано львице, оплакивавшей убитое свое дитя: *Ma commère! ceux que vous avez étranglés, n'avaient ils ni père, ni mère?* т. е.: Кума! развѣ тѣ, которыхъ ты передавила, не имѣли ни отца, ни матери? —

* *
*

Говорили о неблагодарности одного облагодѣтельствованнаго Княземъ. Онъ засмѣялся и сказалъ: «Я замѣчалъ, что люди дѣлаются наконецъ всегда неблагодарными врагами того, съ которымъ не могутъ равняться, а еще того менѣе, его превзойти. Чѣмъ отдариваетъ земля небу за благотворные лучи солнца и капли дождя? — пылью своею».

* *
*

Князь Суворовъ и Принцъ, Кобургскій были истинными, примѣрными друзьями въ продолженіе всей ихъ жизни. Князь отзывался всегда объ немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, называлъ его покорителемъ Хотина и Букареста, героемъ при Фокшанахъ, Мартинести. Онъ удивлялся его подвигамъ при Алдергофенѣ и Пеервинденѣ, которыми онъ освободилъ Нидерланды. Любилъ рассказывать, какъ онъ взялъ крѣпости: Валансіенъ, Конде, Камбре и Ландреси и простеръ завоеванія свои до Гиза. Но не могъ быть равнодушнымъ, когда вспоминалъ, что Англичане, оставивъ его, остановили его полетъ и удалились осаждать Дюнкирхенъ. «Вотъ» — кричалъ онъ: «какъ губятъ кабинетные, необдуманные плавы!» — Кобургскій платилъ ему полною взаимностію чувствъ, Князь отдалъ мнѣ однажды для перевода давнее письмо своего друга. Оно дѣлаетъ честь Принцу, и тому, къ кому оно писано, и потому здѣсь его помѣщаю:

Генераль!

Въ будущую пятницу долженъ я съ вами разстаться, для принятія новаго начальства въ Венгріи. Ничто не опечаливаетъ меня столько при моемъ отъѣздѣ, какъ мысль, что долженъ удалиться отъ васъ, достойный и драгоценный другъ мой!

Я позналъ всю возвышенность души вашей; узы дружества нашего образовались обстоятельствами величайшей важности, и при каждомъ случаѣ удивлялся я вамъ, какъ достойнейшему человеку.

Судите сами, несравненный учитель мой! сколько сердцу моему стоитъ разлучиться съ мужемъ, имѣющимъ толикія права на особенное мое уваженіе и привязанность. Вы одни можете уладить горестъ судьбы моей, сохранивъ ко мнѣ то же благораспоряженіе, котораго по сей день меня удостаивали, и я увѣряю васъ со всею искренностію, что частыя увѣренія въ вашей ко мнѣ дружбѣ необходимо нужны для моего благоденствія.

Не могу рѣшиться на то, чтобы проститься съ вами лично. Это было бы для меня слишкомъ болѣзненно. Ссылаюсь въ томъ на собственное ваше чувство. И такъ ограничиваюсь поклясться вамъ въ живѣйшей моей дружбѣ. Даруйте мнѣ продолженіе вашей, которая была понынѣ услажденіемъ военной моей жизни. Вѣрьте, достойнѣйшій другъ, безпрѣдѣльной моей признательности. Вы останетесь навсегда дражайшимъ другомъ, котораго ниспослало мнѣ небо, и никто не будетъ имѣть болѣе васъ правъ на то высокое почитаніе, съ коимъ я семь, и проч.

Букарестъ, 13 Октября 1790 г.

Суворовъ, говоря о семъ своемъ другѣ, съ восторгомъ вспоминалъ, что оба они удостоились получить отъ ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ шпаги, съ надписью: Побѣдителю Верховнаго Визиря.

* *

*

Князь Александръ Васильевичъ всегда твердилъ: «Если желаешь умереть на войнѣ, то надобно желать умереть въ дѣлѣ со славою, какъ Тюренъ». Нѣкто лишился отъ непріятельскаго ядра ноги въ то самое время, когда онъ ѣздилъ прогуливаться. У него отпилили ногу. Суворовъ тотчасъ его посѣтилъ, велѣлъ къ себѣ принести отнятую ногу, поцѣловалъ ее, заплакалъ и произнесъ: «О драгоценная нога! за какой безцѣнокъ ты пропала!» — Также былъ одинъ раненъ пулею въ голову, когда выглянулъ изъ окошка. Медики по всѣмъ анатомическимъ соображеніямъ почитали его неизлѣчимымъ; но онъ, къ удивленію ихъ, выздоровѣлъ, «Да», — сказалъ Александръ Васильевичъ: «Медицина ахнула, — а Европа ничего».

* *

*

Въ Польскую войну чиновники его проиграли значительную сумму казенныхъ денегъ. Когда Суворовъ о томъ узналъ, то шумѣлъ, бросался изъ угла въ уголъ, кричалъ: караулъ! караулъ! воры! Потомъ одѣлся въ мундиръ, пошелъ въ кордегардію и отдалъ стоявшему на караулѣ офицеру свою шпагу, съ сими словами. «Суворовъ арестованъ за похищеніе казеннаго интереса!» Тотчасъ написалъ онъ въ Петербургъ, чтобы все имѣніе его продать и деньги взнести въ казну, потому что онъ виноватъ и долженъ отвѣчать за мальчиковъ, за которыми худо смотрѣлъ. Но Монархиня велѣла тотчасъ все пополнить, и написала къ нему: «Казна въ сохранности». — И онъ возложилъ опять на себя шпагу.

* *

*

Князь помнилъ всегда хлѣбъ-соль. Если къ нему кто въ первый разъ явится, назоветъ свою фамилію, ему извѣстную, то тотчасъ начнетъ доспрашиваться, не родня ли ему такой-то, нѣкогда ему знакомый однофамилецъ его? И когда откроется, что онъ представившемуся или отецъ, или дядя, или братъ и проч., тотчасъ обниметъ; если этотъ родственникъ живъ, то проситъ писать отъ него поклонъ, благодарить за старую хлѣбъ-соль; если же умеръ, то, перекрестясь, пожелаетъ ему вѣчнаго покоя. — Однажды отважились сказать ему, что нѣкто, служившій при немъ, впрочемъ добрый, но весьма ограниченнаго ума человѣкъ, награждался слишкомъ не по мѣрѣ своихъ заслугъ. «Да, правда», отвѣчалъ Князь: «но онъ мнѣ преданъ; а родители его, добрые мои по деревнямъ сосѣди, удивительные хлѣбосолы! Лишь явишься къ нимъ — щи, яичница и каша на столѣ». И тутъ же, обратясь ко мнѣ, скажетъ: Запиши. Это значило, имѣть его при награжденіяхъ въ виду.

* *

*

Князь потребовалъ меня къ себѣ въ четыре часа пополудни. Утро было прекраснѣйшее; воздухъ самый благодѣтельный. Я тотчасъ пришелъ; но онъ уже въ полѣ. Тачъ застаю его одного, стоявшаго неподвижно въ глубокомъ размышленіи. Увидя меня, онъ какъ будто пробудился и началъ со мною разговоръ: «Спасибо тебѣ, что ты по моему встаешь рано. Я уже окатился водою, упитался небесною росой и теперь согрѣваюсь благотворными лучами солнца. Теперь я въ полнотѣ жизни. Первые поэтическія чувства согрѣты были въ груди человѣческой вѣрно утренними лучами послѣ росы. Теперь идеи и воспоминанія у меня освѣжились. Поле сіе представляется мнѣ Рымникскимъ. Смотри туда: вотъ дерево, на которое я взлѣзъ и осмотрѣлъ все мѣстоположеніе; вотъ сюда, вправо, пошелъ я, а сюда влѣво Кобургскій. Тамъ, вотъ тамъ, — показавъ вдали рѣку, — здравствуй Рымникъ! Мы черезъ нее вплавь, — понтоны не нужны. Но что я? въ бреду! а ты молчишь... пора за бумаги». — Мы побѣжали. Тогда не думалъ я воскликнуть со слезами: о Рымникъ! ты далъ имя отцу, а гробъ — сыну.

* *

*

Были достовѣрныя извѣстия, что Французская Директорія назначила нѣсколько сотъ тысячъ франковъ за голову Суворова. Когда онъ о томъ узналъ, то сказалъ: «Сколько благодаренъ я за такую высокую оцѣнку! Директорія дѣлаетъ симъ большую честь бѣдной моей головѣ». — Но этого не довольно. Намѣревались отравить его ядомъ. Такъ, въ городѣ Александріи, въ домѣ одного Маркиза, у котораго Графъ квартировалъ, поднесли ему блюдо. Онъ взглянулъ на оное и на того, кто поднесъ. Сей поблѣднѣлъ, затрясся и тотчасъ съ блюдомъ исчезъ. Послѣ подали ему особенное какое-то мороженое; но онъ отказался сими словами: «Это насъ не удивить: мы изъ земли мороженой, но съ теплыми сердцами». — Сего мороженаго также никому, кромѣ его, не подносили, — и тотчасъ унесли.

* *

*

Прислана была бумага, въ которой излагались правила въ руководство Суворову въ военныхъ его операціяхъ. Въ сей бумагѣ встрѣчались безпрестанно ненавистныя ему слова: предполагается, можетъ быть, кажется, и проч. — Недождавшись конца, вырвалъ онъ ее у меня и бросилъ. «Знаешь ли», — спросилъ онъ меня: «что это значить? Это школьники съ учителемъ своимъ дѣлаютъ и повторяютъ опыты надъ Гальванизмомъ. Все имъ кажется, все они предполагаютъ, все для нихъ: можетъ быть. А Гальванизма не знаютъ, и никогда не узнаютъ. Нѣтъ, не намѣренъ я такимъ ипотезамъ жертвовать жизнью храброй арміи!» — Схватя меня, выбѣжалъ въ другую горницу и заставилъ одного офицера прочитать десять заповѣдей. Тотъ исполнилъ сіе, не запинаясь. «Видишь ли», — говорилъ онъ: «какъ премудры, кратки, ясны Небесныя Божія велѣнія!»

* *

*

Одинъ иностранный Генераль хотѣлъ дать Суворову почувствовать, что вести войну съ Французами не то, что съ Турками и Поляками. «Ваше Сіятельство» — сказалъ онъ ему: «теперь на поприщѣ, гораздо знаменитѣйшемъ, нежели когда-либо: ибо народъ Французскій не равняется ни съ Турками, ни съ Поляками». — «Безъ сомнѣнія» — отвѣчалъ Князь: «народъ сей превознесся и надъ Англійскимъ. Сей хочетъ владѣть всѣми морями, а Французскій, съ помощію своихъ Монгольфьеровъ и Блашпаровъ, и воздухомъ вселенной».

* *

*

Къ странностямъ Суворова принадлежало и то, что онъ терпѣть не могъ зеркаловъ. Вездѣ изъ комнатъ ихъ выносили. На балахъ, въ угодность ему, ихъ закрывали. Если же случалось ему увидѣть незакрытое, то тотчасъ отвернется и во всю прыть проскочитъ мимо, чтобы себя не увидѣть. Однажды только въ Херсонѣ, по усиленной просьбѣ дамъ, позволилъ онъ поставить въ дальней, задней горницѣ маленькое зеркало, для дамъ-кокетокъ (какъ онъ называлъ), куда уже и не входилъ. Да и дамы, послѣ такого его отзыва, туда не вступали.

* *

*

Весьма поздно ночью позвалъ меня къ себѣ Александръ Васильевичъ и велѣлъ мнѣ опять сдѣлать извлеченіе изъ исторіи его, касательно подвиговъ его во время Польской Конфедерации, съ тѣмъ подтвержденіемъ, чтобы написать какъ можно сокращеннѣе. Я сказалъ, что напишу, какъ умѣю; впрочемъ, не отвѣчаю, если описаніе будетъ пространно. «Ибо», заключилъ я: «вольно было вашему Сіятельству не сокращать вашихъ подвиговъ и умножать листы Исторіи». — Здѣсь помѣщаю оное:

ПОДВИГИ

СУВОРОВА ВЪ ПОЛЬСКУЮ КОНФЕДЕРАЦІЮ.

Чрезъ шесть лѣтъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, произведенъ онъ въ Бригадиры и отправленъ съ величайшею поспѣшностію въ Польшу, гдѣ возникла война конфедератовъ. Ему должно было переправляться чрезъ едва замерзшія рѣки и болота, и въ теченіи мѣсяца прошелъ онъ тысячу верстъ (238 миль), а въ другомъ походѣ 600 верстъ въ 12 дней. Первый подвигъ его въ Польшѣ былъ схватить ночью улановъ Пеліаки и Корсинскаго, расположенныхъ въ окрестностяхъ Бресціи, и, безъ пролитія крови, отдѣлить онъ оба полка отъ Конфедерации.

Близъ Варшавы разбилъ онъ Котелуновскаго, пошелъ на обоихъ Пулавскихъ, разбилъ и разсѣялъ ихъ войска, состоявшія изъ 6,000.

Въ Генварѣ 1770 года, на сороковомъ году, произведенъ въ Генераль-Маіоры.

Въ Апрѣлѣ, Суворовъ, переправясь съ двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошелъ ночью къ Клементову. Онъ встрѣчается съ Мосчинскимъ, расположившимъ тысячу человѣкъ конницы близъ лѣсу въ боевой порядокъ, съ шестью пушками. Двѣ роты пѣхоты со штыками нападаютъ на сію кавалерію, которая, не взирая на безпрестанную пальбу изъ шести орудій, была разбита и преслѣдуема. Поляки потеряли свою артиллерію и 300 человѣкъ, а Русскіе — только 50.

Въ половинѣ того же лѣта, когда Мосчинскій получилъ подкрѣпленіе, Суворовъ разбилъ его вторично при Опатовѣ, побилъ 200 человѣкъ и взялъ столько же плѣнныхъ, большею частію раненыхъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Суворовъ, желая переправиться черезъ Вислу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ стремленіе было быстрое, упалъ въ воду и разбилъ себѣ грудь объ понтонъ такъ сильно, что три мѣсяца лежалъ болѣнъ. Въ семъ году получилъ онъ орденъ Св. Анны.

По выздоровленіи, въ Мартѣ 1771-го года, выступилъ онъ изъ Лублина съ четырьмя ротами пѣхоты, нѣсколькими пушками и съ пятью эскадронами, и переправился чрезъ Вислу у Сендомира. По разбитіи разныхъ партій конфедератовъ, атаковалъ онъ Лаидскрону, въ четырехъ миляхъ отъ Кракова. При сильномъ сопротивленіи, овладѣлъ городомъ. Но ружейный огонь не умолкалъ и побивалъ многихъ, и онъ отказался отъ взятія замка. У него шляпа и мундиръ были прострѣлены пулями.

Вскорѣ за симъ взялъ онъ въ расплѣхъ городъ Казимиръ, разстроилъ большую часть конфедератовъ и взялъ въ полонъ лучшій эскадронъ Маршала Сабы.

Разсѣявъ конфедератоивъ, которые несколько дней осаждали три роты его полка въ Краснпкѣ, онъ пошелъ на Краковъ, для освобожденія Принца Веймарскаго, тамъ стѣсненнаго. Малочисленная армія его состояла: изъ четырехъ ротъ гре-надерскихъ, одного батальона мушкетеръ, восьми пушекъ и нѣсколькихъ гатбипъ, пяти эскадроновъ карабинеръ и 80 казаковъ.

Онъ имѣлъ разныя ошибки съ конфедератами и взялъ многихъ въ полонъ. Войско его переправилось чрезъ рѣку Дунаецъ вплавъ по шею; атаковали конфедератовъ, превосходившихъ ихъ въ числѣ. Они были разбиты и потеряли много людей.

По прибытіи въ Тыпецъ, въ разстояніи на одну милю отъ Кракова, велѣлъ Суворовъ напасть на редутъ, въ которомъ находились двѣ пушки и сто человѣкъ, которые всѣ были побиты: потомъ казаки его отважно бросились на конфедератовъ, которые, числомъ около четырехъ тысячъ, поставлены были въ боевой порядокъ. Во фронтѣ находились 150 егерей, подъ начальствомъ Французскаго Маіора. Они большею частію истреблены. Поляки, преслѣдуемые Россійскою кавалеріею до предѣловъ Шлезіи, потеряли 500 человѣкъ убитыми и 200 плѣнными. Въ то время Французской службы Полковникъ Дюмурье, со многими своими офицерами, служилъ у конфедератовъ.

Суворовъ, возвращаясь, послѣ сей акспедиціи въ Лублинъ, былъ атакованъ драгунами и гусарами конфедератовъ. Его конница приняла ихъ саблями и сильно отразила. Между тѣмъ Пулавскій, съ двумя тысячами, занялъ Замоцкъ. Весьма нужно было его оттуда выгнать; и когда Суворовъ въ семъ намѣреніи

пиступилъ къ нему, Пулавскій его встрѣтилъ: но во время, какъ становился дать баталію, Суворовъ совсѣмъ неожиданно кидается съ своею кавалерією на его инфантерію: непріятель былъ опрокинутъ: потеря его состояла въ 200 плѣнныхъ и столько же убитыхъ. По возвращеніи въ Лублинь, получилъ онъ орденъ Св. Георгія третьей степени.

Суворовъ былъ въ необходимости разсѣять свои войска, для предупрежденія въ разныхъ мѣстахъ усиливающихся непріятельскихъ скопищъ. Это послужило Полковнику Новицкому поводомъ поспѣшить нападеніемъ на него. Суворовъ узнавъ, что онъ съ тысячею человекъ лучшей кавалеріи идетъ на Красноставу, гдѣ у него стояли: эскадронъ кирасиръ, нѣсколько казаковъ и рота пѣхоты, велѣлъ его тревожить на пути; а самъ, съ шестью казаками и нѣсколькими Офицерами, пустился въ Красноставу къ своимъ. Новицкой былъ въ сосѣдственномъ лѣсу, Суворовъ достигъ его. Конфедераты побили много нашихъ; но наконецъ, послѣ упорнаго сопротивленія, непріятель былъ разсѣянъ и преслѣдованъ.

Въ Августѣ 1791 года явился къ Литвѣ извѣстный Козаковскій, одинъ изъ конфедератовъ, бѣжавшихъ въ Венгрію. Съ поспѣшностію объѣхалъ онъ герцогство, набралъ новыхъ партизановъ и возжегъ пламя раздора, а особливо между регулярными войсками, которыя склонилъ въ возмущенію. Онъ разсѣивалъ манифесты, въ которыхъ скромно называлъ себя Литовскимъ гражданиномъ.

Великій Маршалъ Литовскій, Огинскій, командовалъ новыми конфедератами. Онъ внезапно напалъ на Русскій баталіонъ, который послѣ сраженія, чрезъ четыре часа продолжавшагося, долженъ былъ сдаться.

Какъ скоро Суворовъ о томъ узналъ, спѣшилъ онъ къ нападенію на конфедератовъ, занимавшихъ выгодную позицію при Сталовичахъ. Ихъ было пять тысячъ въ ружьѣ, съ 12 пушками. Русскіе приступали ночью съ величайшею тишиною и перехватили передовые караулы.

Пушечный выстрѣлъ конфедератовъ увѣрилъ нашихъ, что они замѣчены. Тотчасъ рота бросилась на непріятеля; она потеряла много людей, но имѣла также и великіе успѣхи. Три эскадрона шли по слѣдамъ сихъ храбрыхъ, поражая саблями справа и слѣва.

Конфедераты, приведенные въ замѣшательство, при ночной темнотѣ были опрокинуты и прогнаны до города. Триста Янычаръ Великаго Маршала Огинскаго положили тутъ свои головы.

Пятсотъ человекъ Русскихъ плѣнныхъ содержались подъ стражею въ разныхъ домахъ близъ рынка. При шумѣ оружія, а болѣе при гласѣ Суворова, выскочили они изъ окошекъ и соединились съ своимъ отцемъ и героемъ.

На разсвѣтѣ Суворовъ выступилъ изъ города съ своею пѣхотою. Она напала на инфантерію Огинскаго съ праваго крыла. Его кавалерія одерживала уже значительныя выгоды. Съ обѣихъ сторонъ сраженіе продолжалось съ жестокостію и кровопролитіемъ. Наконецъ инфантерія двинулась со штыками; Поляки были разбиты по всей линіи. Но, по многочисленности своей, отступали они въ порядкѣ.

Кавалерія Россійская не переставала съ своей стороны распространяться, какъ Генераль Бѣлякъ, стоявшій въ полмили и намѣревавшійся отмстить за Польскую пѣхоту, сдѣлалъ съ тысячею улановъ стремительное нападеніе. Многіе Русскіе были опрокинуты, но отважность казаковъ, которые въ сей день показали чудеса храбрости, заставила Беляка оставить поле битвы.

Изъ 800 до 900 человекъ, бывшихъ у Суворова подъ ружьемъ, около 80-ти были убиты, а всѣ остальные ранены. Суворовъ, тронутый посреди славы ихъ несчастіемъ, раздавалъ изъ своего кармана по рублю на каждого, участвовавшаго въ дѣлѣ; далъ имъ съ часъ отдохнуть и началъ дѣлать диспозицію къ походу на Слонимъ, отстоящій въ восьми миляхъ отъ мѣста сраженія.

У Поляковъ было убитыхъ около тысячи человекъ. Русскимъ достались 700 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ, и Маршалъ Огинскій и болѣе 30-ти офицеровъ. Всѣ лошади ихъ драгунъ достались нашимъ, такъ какъ и многія знамена, экипажи и казна съ тридцатью тысячами червонныхъ. Солдаты дѣлили между собою множество золота и серебра.

Къ вечеру всѣ были близъ Слонима. Оставивъ тамъ плѣнныхъ и большую артиллерію, Суворовъ еще въ ту же ночь вступилъ въ походъ Къ Пинску, въ намѣреніи разсѣять еще болѣе конфедератовъ. Первая встрѣча была у него съ Польскимъ офицеромъ, которому поручено было вести богатую полковую казну. Суворовъ, какъ великодушный непріятель, далъ ему пашпортъ для свободнаго препровожденія казны до мѣста его назначенія.

Желая не столько побѣждать, сколько преклонять къ покорности, онъ уговаривалъ Литовскихъ конфедератовъ возвратиться въ свои дома. Онъ принималъ съ особымъ уваженіемъ тѣхъ, которыя ввѣряли себя его великодушію, и вскорѣ повсюду возстановился порядокъ.

Съ самаго вступленія показалъ Суворовъ, что къ военнымъ талантамъ умѣлъ онъ присоединить духъ примиренія; ибо прекращалъ тогда возмущенія и раздоры.

Таковыя успѣхи обратили на него Монаршее благоволеніе, и Ея ВЕЛИЧЕСТВО препроводила къ нему знаки ордена Св. Александра Невскаго, при лестномъ рескриптѣ.

Въ Генварѣ 1792 года Польскіе конфедераты, направляемые Барономъ Віоменилемъ, взяли Краковскій замокъ, въ которомъ стоялъ пикетъ изъ тридцати Русскихъ. Суворовъ, узнавъ о ихъ намѣреніи, пустился тотчасъ въ походъ для отраженія сего удара. Онъ опоздалъ; едва на разсвѣтѣ

вступилъ онъ въ городъ, какъ ему должно было сразиться съ сильною вылазкою конфедератовъ, которыхъ число въ замкѣ простиралось до 900 человекъ. Тотчасъ Суворовъ началъ съ 800 пѣхоты и нѣсколькимъ числомъ кавалеріи блокировать замокъ; и едва не попался и самъ, такъ сказать, въ блокаду, бывъ окруженъ конфедератами, которые твердо боролись. Онъ съ ними выдержалъ нѣсколько сраженій и оставался всегда побѣдителемъ. Наконецъ блокада обращена была въ штурмъ. Суворовъ приказалъ объявить Французскимъ офицерамъ, командовавшимъ въ замкѣ, что все готово къ штурму, и что, при отказѣ въ сдачѣ, весь гарнизонъ безъ пощады будетъ истребленъ. Въ заключенной тотчасъ капитуляціи сказано было, что весь гарнизонъ отдаетъ оружіе и выступаетъ въ мундирѣ, что Французскія войска подъ начальствомъ Виомениля будутъ отправлены въ Лембергъ, а подъ начальствомъ Дюмурье, въ Біалу; — Польскіе же конфедераты, въ Смоленскѣ. Виомениль и Дюмурье не было въ замкѣ. Два Бригадира, Галибергъ и Шоази, такъ какъ и другіе Французскіе офицеры, отдавали свои шпаги Суворову, но онъ не принялъ, подъ предлогомъ, что они въ службѣ Государя, союзника его ИМПЕРАТРИЦЫ, и обнялъ ихъ.

Плѣнные отправились подъ сильнымъ ирикрытіемъ; и хотя у Суворова оставалось мало войска, но онъ успѣлъ еще напасть и схватить гарнизонъ въ Заторѣ, городѣ въ 12-ти миляхъ отъ Кракова. Онъ велѣлъ взорвать всѣ укрѣпленія и взялъ 12 пушекъ.

Въ сіе время Австрійцы и Прусаки выступили также противъ конфедератовъ; и кончили войну, продолжавшуюся четыре года. Суворовъ получилъ начальство въ Финляндіи.

— Послѣ сего никакихъ извлеченій я не дѣлалъ; а Князь намѣревался заняться симъ со мною въ деревнѣ Канчанскѣ. Но Провидѣніе распорядило иначе. Онъ скончался въ Петербургѣ.

* *

*

Пріѣхавшій изъ Неаполя курьеромъ, офицеръ рассказывалъ о тамошнихъ прелестяхъ природы, о ужасахъ Везувія, о землетрясеніяхъ. «Былъ ли ты», — спросилъ Александръ Васильевичъ: «въ Помпеѣ, которая послѣ столь многихъ столѣтій сбросила съ себя погребальное свое покрывало и выглядываетъ изъ своего гроба». — «Былъ», — отвѣчалъ тотъ, и началъ рассказывать много любопытнаго. Выслушавъ со вниманіемъ, обратился ко мнѣ съ сими словами: «Люблю слушать повѣствованія отъ самовидцевъ. Сыщи описаніе о Помпеѣ старшаго Плинія и переведи для меня». — Черезъ нѣсколько дней отыскалъ и прочиталъ я ему слѣдующій переводъ съ Латинскаго: «Плиній пишетъ: Насталъ мракъ, но не такой, какой бываетъ въ безмѣсячной ночи, а темнота въ запертой горницѣ, въ которой свѣтъ свѣчь вдругъ угасаетъ. Жены рыдали, дѣти визжали, мужья вопіяли. Здѣсь призывали съ трепетомъ дѣти родителей своихъ, тамъ отцы и матери искали дѣтей своихъ ошупью, мужья своихъ женъ: всѣ узнавали другъ друга только по крику. Одни жаловались на собственную судьбу свою, другіе оплакивали судьбу ближнихъ своихъ. Многіе желали смерти отъ страха смерти. Тѣ умоляли боговъ о спасеніи, тѣ отчаявались въ существованіи ихъ и почитали сію ночь послѣднею, вѣчною всею міра. Дѣйствительныя опасности были увеличены вымышленнымъ страхомъ. Земля тряслась непрерывно и полоумные толпились, умножая ужасъ другихъ своими предвѣщаніями». —

Тутъ Суворовъ содрогнулся и съ чувствительностію воскликнулъ: «О человекъ осмнадцатаго столѣтія! вы ползаете по развалинамъ давнопрошедшихъ вѣковъ, говорите о тлѣнности и разрушеніи вещей, а поступаете, какъ будто бы этого и не было».

* *

*

Суворовъ жилъ для Россіи. Слава чудобогатырей была близка къ его сердцу. «Люблю ихъ», — говорилъ онъ по переходѣ чрезъ Альпійскія горы: «съ сими чудобогатырями надѣлалъ я вихри, съ ними прилетѣлъ отъ Рымника сюда». Потомъ, обратясь къ войску, продолжалъ: «*Штыки, быстрота, внезапность*, вотъ наши вожди. Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ: а ты удвоишь, утроишь шагъ богатырскій, нагрянь на него быстро, внезапно. Непріятель поетъ, гуляетъ, ждетъ, тебя съ чистаго поля: а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову: рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуганъ, тотъ побѣжденъ въ половину: у страха глазъ больше, одинъ за десятерыхъ покажется. Будь прозорливъ, остороженъ: имѣй цѣль опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ; поровняйся, обгони — слава тебе! Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами — Богъ предъ нами: ура! орлы Русскіе облетѣли орловъ Римскихъ!»

* *

*

«Знаешь ли ты», — спросил он вдруг вошедшего к нему Генерала Милорадовича: «трех сестер?» Знаю, былъ отвѣтъ. «Такъ», — подхватилъ Суворовъ: «ты Русскій; ты знаешь трехъ сестер: Вѣру, Надежду и Любовь. Съ ними слава и побѣда, съ ними Богъ!»

* *

*

Суворовъ весьма любилъ въ мирное время заниматься маневрами. Знатоки-очевидцы отдавали справедливость рѣдкимъ его въ военномъ искусствѣ знаніямъ и хитрымъ замысламъ. Онъ, по отзыву Генерала Дерфельдена, доходилъ до педантизма, но до педантизма полезнаго и похвальнаго. Такъ, усмотрѣвъ на маневрѣ въ Финляндіи, что поставленная въ резервѣ колонна теряетъ время и на помощь идти не думаетъ, — прискакалъ къ командовавшему оною Подполковнику и кричалъ: «Чего ты ждешь? колонна пропадаетъ, а ты не сикурсируешь». — «Ваше Сіятельство!» — отвѣчалъ Подполковникъ: «я давно бы исполнилъ долгъ мой; но ожидаю повелѣнія отъ Генерала, предводительствующаго сею колонною». Сей Генералъ Маіоръ находился тутъ же въ нѣсколькихъ саженьяхъ. «Какого Генерала?», — сказалъ Суворовъ. «Онъ убитъ, давно убитъ! посмотри, (указывая на него) вонъ... и лошадь бѣгаетъ — поспѣшай!» и ускакалъ прочь.

* *

*

Когда подъ Нови Суворову сказали, что однимъ отрядомъ Французскихъ войскъ командуетъ Польскій Генералъ Домбровскій, сказалъ онъ: «Ахъ! какъ я радъ. Это знакомый. Въ Польскую войну сей мальчикъ-красавчикъ попался въ полонъ. Я его тотчасъ отпустилъ къ маменькѣ сказавъ: беги скорѣе домой — и мой поклонъ; а не то Русскіе тотчасъ убьютъ. Какъ бы я хотѣлъ возобновить съ нимъ знакомство!»

* *

*

Говорили о Прагѣ. Одинъ Союзный Генералъ показалъ видъ, будто взятіе ея не есть дѣло очень важное. Александръ Васильевичъ, замѣтя сіе, тотчасъ велѣлъ мнѣ перевести изъ Суворовиды Завалишина примѣчаніе: о ея укрѣпленіяхъ, прибавя къ тому, что хотя оно и кратко, но справедливо, потому что Подполковникъ Фанагорійскаго Гренадерскаго полка Завалишинъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и очевидцемъ. Здѣсь помѣщаю: «Прага, предмѣстіе Варшавское, лежащее на правомъ берегу рѣки Вислы. Она была укрѣплена всѣмъ тѣмъ, что военное зодчество имѣетъ въ себѣ наинепреоборимѣйшаго. Высокіе валы съ глубокими рвами; бермы, усыпанныя штурмфалами: крутости, повсюду дерномъ одѣтыя, усѣяныя тройными палисадами; батареи, камнемъ обложенныя: каваліеры, на возвышеніяхъ подѣланные; отступные флешы, ретирату обезпечивающіе: двойной окопъ, въ перекрестныхъ огняхъ расположенный: наконецъ шестерной рядъ волчьихъ ямъ съ заостренными спицами, вокругъ всѣхъ укрѣпленій обнесенный; болѣе ста ревушихъ орудій и 30,000 отважнаго рѣшительнаго войска: — Всѣ сіе пало и превратилось въ прахъ разящимъ мечемъ Сарматскаго побѣдителя. Упорная оборона соотвѣтствовала быстротѣ атаки. Каждое укрѣпленіе надлежало брать приступомъ. Каждый шагъ земли надобно было пріобрѣтать кровію. Польскія войска, по сбитіи переднихъ ретраншаментовъ устроились въ боевой порядокъ передъ вторымъ окопомъ. Надобно было ихъ атаковать; тутъ послѣдовала полевая баталія. Начальники ихъ, сохраняя присутствіе духа, не переставали собственнымъ своимъ примѣромъ поощрять своихъ подчиненныхъ къ усугубленію обороны и тѣмъ, противопоставляя безпрестанно новыя преграды, вдыхали отважность въ сердца, съ каковою Сарматы, имѣвшіе въ тылу своемъ трепещущую отъ страха Варшаву, сражаться въ продолженіи всего боя не преставали. Всякое другое ополченіе едва ли бы превозмогло столь сильное и отчаянное защищеніе: но Россіяне, предводимые Героемъ, пылающіе истинною любовію къ отечеству, подвизаясь по слѣдамъ непобѣдимаго своего Военачальника, славою его

озаряемые, мужествомъ его дышущіе, сокруша Сарматскія силы, показали изумленному свѣту, что подъ предводительствомъ Графа Суворова Рымникскаго нѣтъ ничего для нихъ невозможнаго. Четыре Генерала: Ясинскій, Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій, съ 13.540 воинами, погреблись подъ развалинами изпровергнутой Праги. Генералы Meinъ, Гизлеръ и Крупинскій, съ 5-ю Полковниками, 7-ю Подполковниками, 17-ю Маіорами, 413-ю офицерами и 14,000 рядовыхъ, взяты были въ плѣнъ. До 2,000 потонуло въ Вислѣ; и не болѣе 1000 человекъ изъ всего числа оборонявшихъ спаслось въ Варшаву. 104 пушки, множество знаменъ, костры хододнаго оружія — суть вѣчный памятникъ сего безсмертнаго дѣла, заключающаго въ себѣ штурмъ на крѣпость и полевое сраженіе, оконченнаго въ продолженіи 3-хъ часовъ времени, въ 1794 году Октября 24 дня воспослѣдовавшаго», — Прочитай, казался онъ недоволенъ хвалою, до него относящеюся, и сказалъ; «Ну, отправь къ Ёомъ». — И я отослалъ къ помянутому Генералу.

* *

*

Князь Александръ Васильевичъ любилъ все русское, внушалъ любовь къ родинѣ и повторялъ не рѣдко: «Горжусь, что я Россіянинъ!» Не нравилось ему, если кто тщательно старался подражать Французамъ въ выговорѣ ихъ языка и манерахъ. Такого Французоватаго франта спрашивалъ онъ: «давно ли изволили получить письма изъ Парижа отъ родныхъ?» — Еще въ бытность его въ Финляндіи, одинъ возвратившійся изъ путешествій Штабъ-Офицеръ вывезъ изъ Парижа башмаки съ красными каблуками и явился въ нихъ на балъ. Александръ Васильевичъ не отходилъ отъ него и любовался башмаками, сказавъ ему: «Пожалуй пришли мнѣ башмаки для образца вмѣстѣ съ изданнымъ въ Парижѣ вновь военнымъ сочиненіемъ Гюберта (Guibevr). Послѣднимъ не успѣлъ нашъ молодецъ тамъ застаться, и убрался съ бала. Также сказалъ онъ чтецу на французскомъ языкѣ: «Читай и говори по Французски такъ, чтобы всѣ знали, что ты Русскій» — А когда, въ театре, Италіанскій актеръ говорилъ ему прологъ, то онъ кричалъ по-Русски изъ ложи: «Напрасно, сударь, не беспокойтесь, стою ли я того?» — Не буду говорить, какую тревогу, кутерьму произвели Русскія слова сіи на всю Италіанскую публику — буффу. И воздухъ наполнился восклицаніями: E viva nostro Liberatore, т. е. да здравствуетъ нашъ избавитель! — «Пусть они знаютъ, что здѣсь были Русскіе», — сказалъ онъ.

* *

*

Въ одномъ анекдотѣ говорилъ я, что Графъ часто приказывалъ мнѣ имѣть надзоръ за карточными играми. Таковая, истинно отеческая, заботливость его нигдѣ такъ не оправдывается, какъ здѣсь въ Италіи гдѣ зло сіе сдѣлалось стихіею всей первостатейной, праздною, необразованной знати. Въ Туринѣ былъ я приглашенъ на вечеръ, что здѣсь называется conversazioni. Полагая насладиться пріятною бесѣдою, отпросился я у моего начальника. Онъ позволилъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я пересказалъ ему о всѣхъ подробностяхъ сей вечеринки. Я отправился съ вожатымъ моимъ, почтеннымъ, бывшимъ при Дворѣ ЕКАТЕРИНЫ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и воспоминавшимъ всегда съ восторгомъ о пребываніи своемъ въ Россіи. Дорогою сказалъ онъ мнѣ: «Я везу васъ въ домъ одной знатнейшей нашей Дворянской фамиліи; но, долженъ признаться и предвѣстить васъ о томъ, чего вы и не думаете, и въ Петербургѣ — благодареніе утонченной образованности вашей, — не видали, и конечно не пожелаете никогда болѣе увидѣть. Но вы путешественникъ; вамъ надобно быть очевидцемъ». — Мы вступили въ залу. Я представился хозяину и хозяйкѣ. Принцъ и Принцесса пробормотали что-то, и я — уже домашній человекъ. Музыка гремѣла; не танцовали, а прыгали, и то нехотя. Чего то ожидали важнѣйшаго. Чрезъ часъ музыка прекращается; у всѣхъ на лицахъ радость; свѣчи въ залѣ погасаютъ, всѣ бѣгутъ въ другія горницы, гдѣ нѣсколько столовъ съ картами и съ плетеными склянками ликеръ розоліо. Начали играть въ банкъ, фарао и другія азартныя игры; коммерческихъ они не знаютъ. Но какъ я удивился, когда за сими столами увидѣлъ: старушекъ, покрытыхъ морщинами, изнемогающихъ, держащихъ карты дрожащими костяными своими ручками, но съ прездоровыми языками; прелѣстныхъ въ цвѣтѣ лѣтъ дамъ, у которыхъ при проигрышѣ выступалъ на розовыхъ щекахъ румянецъ гнѣва, бѣшенства и ярости, а иногда блѣдность отчаянія. И зеркала ихъ не укрощали. Въ началѣ была безмолвная тишина, такъ что, когда какой-то кавалеръ хотѣлъ мнѣ рассказать нѣчто о Туринѣ: всѣ зашикали — и онъ, не кончивъ, тотчасъ умолкъ. Но послѣ, въ продолженіи игры, когда слѣпая фортуна раскидала дары свои по столамъ — одному грудами, а другому ничего кромѣ нищеты, — возникъ ропотъ, крикъ, остервенѣніе. Если два спорящіе Италіанца крикомъ своимъ угрожаютъ разорвать вашъ тимпанъ, то вы можете себѣ представить громъ нѣсколькихъ

сотень, прерывающийся несносным визгом дам. На сіе немалое вліяніе имѣлъ и розоліо, который особы обоого пола вкушали безпрестанно въ горницахъ, гдѣ отъ спершагося воздуха едва можно было дышать, а свѣчи тускло горѣли и угасали. тутъ раздавались слова, какія едва ли услышишь въ другомъ мѣстѣ. И это называютъ конверсаціи, бесѣды дворянъ? Бѣгу изъ непріятнаго дома. — Я здѣсь не увеличиваю: въ семь оправдаютъ меня путешественники.

На возвратномъ пути домой рассказывалъ, мнѣ спутникъ мой, что этотъ хозяинъ дома, Принчише, былъ на замѣчаніи у Короля, который предостерегалъ иностранцевъ, въ бытность въ Туринѣ, отъ опаснаго съ нимъ знакомства: что онъ въ паю со всѣми игроками и оттого имѣетъ весьма значительный доходъ. На вопросъ мой: часто ли баваютъ такіа конверсаціи? отвѣчалъ онъ: 365 разъ въ году. «Ибо» — продолжалъ онъ: многіе земляки мои ничего не читаютъ, ничему не учились, ничего не знаютъ, кромѣ прогулки, театра и игры. Чернь же здѣшняя гибнетъ отъ несчастнаго лото. Нищій несетъ въ лотерею послѣдніи грошъ, полученный въ милостыню и умираетъ съ голоду. Я кончилъ тѣмъ: «и это называютъ здѣсь: *dolce far niente*.?»

Все сіе пересказалъ я Александру Васильевичу. И послѣ всего спросилъ онъ меня: «УЕвропейцевъ ли ты былъ?»

* *
*

Александръ Васильевичъ любилъ отмѣнно Италіянскія простонародныя пѣсни и находилъ въ нихъ какое-то сходство съ Русскими, а особливо, если Италіянецъ поетъ вдали въ чистомъ полѣ. Тогда внезапно переселяешься въ Россію. Надобно только зажмуриться, иначе оливныя и лимонныя деревья разрушаютъ такое очарованіе. Обѣихъ націи народныя мелодіи происходятъ отъ древнихъ Греческихъ: что тотчасъ услышишь, когда сравнишь съ Греческими отрывками, которые сохранилъ Винкельманъ, какъ замѣчаетъ и Коцебу. — Графъ предпочиталъ пѣніе всѣмъ инструментамъ, называя инструментальную музыку подражаніемъ вокальной, и имѣлъ всегда при себѣ ноты духовнымъ концертамъ, которыя пѣлъ съ пѣвчими на клиросѣ.

Въ Италіи, на театрѣ дана была піеса, на которой представлены буффонады, и войско должно было дѣлать разныя военныя эволюціи. Оно превзошло всякое ожиданіе. Стройность, размѣренныя шаги, точность въ движеніяхъ — все восхитило зрителей. Александръ Васильевичъ, говоря о семъ представленіи, сдѣлалъ свои замѣчанія: «Нѣтъ, комедь мнѣ не нравится; старикъ-шутъ гаэрилъ скромно: нравственной цѣли не вижу: вся піеса изъ лоскутковъ, какъ и арлекинское платье. Солдаты дрались храбро: зачѣмъ не показали они такого проворства противъ Французовъ?»

* *
*

Однажды приказалъ мнѣ Александръ Васильевичъ отыскать въ бумагахъ его дипломъ на чинъ Фельдмаршала. Я отвѣчалъ, что отыскивать нѣчего, потому что его пѣтъ. «Какъ!» — вскрикнулъ онъ, при многочисленномъ собраніи: «почему же будутъ меня почитать и признавать Фельдмаршаломъ?» Вотъ мой отвѣтъ: «Ваше Сіятельство донесли ИМПЕРАТРИЦѢ: ура! Варшава наша! Отвѣтъ: ура! Фельдмаршалъ! ЕКАТЕРИНА. Вслѣдъ за симъ удостоились вы получить отъ Монархини слѣдующій Высочайшій Рескриптъ: *Вы знаете, что какъ Я не произвожу никого чрезъ очередь и никогда не дѣлаю обиды старшимъ: но вы, завоевавъ Польшу, сами сдѣлали себя Фельдмаршаломъ*». — «Расскажи», продолжалъ онъ: «все это на всѣхъ языкахъ: а я покамѣстъ умоюсь, пополощусь и поговорю по-Турецки». И ушелъ.

* *
*

О безкорыстіи Князя говоритъ излишне; но я почелъ за нужное истребовать отъ Цалмейстера Россійской арміи, Маіора Раевского, справку, въ которой за подписаніемъ своимъ свидѣтельствуетъ онъ, слѣдующее: «Гепваря 16-го дня 1800 года, Генералиссимусъ въ Прагѣ получилъ жалованье по чину Генераль-Фельдмаршала и во все время послѣдней кампаніи никогда не бралъ ни столовыхъ денегъ, ни прогоновъ. Да и сіе жалованье принять его принудили, потому что не было ни копѣйки на домашніе его расходы».

* *

*

Въ одномъ городѣ, помнится въ Піачензѣ, вбѣгаетъ къ Графу Генераль-Лейтенантъ Повало-Швѣйковскій, страстный любитель живописи, упрасиваетъ его взглянуть на оригинальную картину Рафаэля въ картинной галлерей, за двѣ комнаты отъ него. Александръ Васильевичъ отвѣчалъ: «Хорошо, пойду; но всегда смѣюсь я надъ легковѣріемъ вашимъ, господ диллетанты; въ Россіи, во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, во всякомъ, нѣсколько значительномъ, городѣ Европы показываютъ оригиналы Рафаэля. Если бы онъ и въ каждую недѣлю изготовлялъ по картинѣ, то и тогда не могъ бы выставить такого запаса: а онъ, къ сожалѣнію художествъ, умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ. Это, Шампанское вино, которое во всѣхъ пяти частяхъ свѣта пьютъ за Шампанское; а малая Шампанія едва ли можетъ онымъ продовольствовать и одну Францію. — Не приносили ли въ жертву славы великаго учителя сего и ученики его таланты свои? Мы видимъ въ картинахъ его не одну и ту же кисть». — Послѣ того не пошелъ, а побѣжалъ онъ въ галерею. Тамъ остановился предъ одною огромнейшею копіей. Долго на нее смотрѣлъ и произнесъ: «Это величина, но не великое, — не величественное: я вижу не Александра, а юношу красавца, и не героя, принимающаго падающую предъ нимъ плѣнную Царицу: подвигъ великодушія, торжественнѣйшая минута во всей его Исторіи! Въ чертахъ лица его, сей души его не вижу». — Хозяинъ дома, удивленный многими разсужденіями его о живописи, вскрикнулъ съ Италіанскимъ жаромъ: «Если Ваше Сіятельство разсматриваете и разбираете такъ, и планы вашихъ баталій, то неудивительно, что побѣда съ вами неразлучна».

* *

*

Должно признаться, что компанія наша въ Италіи и Швейцаріи отличалась отъ всѣхъ предшедшихъ своими двумя театрами. Италія усѣяна останками древняго ея величія, которые противоборствовали вѣкамъ и устояли отъ всеразрушавшаго нашествія варваровъ. Готы сокрушили памятники ея. Хищная Беллона новыхъ Вандаловъ непощадила и послѣднихъ ея сокровищъ: но не стерла она ее съ лица земли: вездѣ является картинная ея природа; и на очаровательныхъ поляхъ ея срывали наши воины яркозеленѣющіе лавры. Какія видѣли мы разительныя явленія! и каждый изъ насъ сожалѣлъ отъ восторга, зачѣмъ не живописецъ! — На Альпахъ, какая противоположность! — тамъ прелестны прелести ужасовъ — подъ ногами могилы. — У подошвы одной превысокой, крутой горы стоялъ Суворовъ, безмолвно и неподвижно смотрѣлъ: какъ армія подымалась, карабкалась гусемъ; какъ по мѣрѣ возвышенія воины уменьшались, а достигшіе вершины казались точками, въ туманѣ исчезающими; какъ съ высоты сего колосса ревѣлъ водопадъ и низвергался съ своими паровыми тучами и густымъ водянымъ дымомъ, въ которыхъ солнце златыми лучами рисовало многоцвѣтную радугу. Такое волшебство оптики исторгло изъ сердца старца отголосокъ всего войска: «Зачѣмъ я не живописецъ? — Подайте сюда сухопутнаго Вернета, который бы увѣковѣчилъ сіе единственное, быстро пролетающее мгновеніе тепершняго бытія нашего?»

Но, где его взять? Надобно, чтобы онъ былъ и живописецъ и поэтъ, чтобы родилъ въ душѣ и цепенѣющее удивленіе и чувство? Какая кисть перенесетъ на холодный холстъ сіе порывающееся на смерть воинство, забывающее теперь, что оно смертно? Какъ изобразить она сіи съ каждымъ шагомъ измѣняющаяся, докораціи здѣшняго чудеснаго Мира: и какая кисть, въ рукѣ и вдохновеннаго смертнаго, удобна обнять таковую огромность природы, со всѣми бушующими ея стихіями? — Дивольно — мы перешагнули Альпы!

* *

*

Говорили о бывшемъ вступленіи въ Римъ Французскаго Генерала Бертье и о грабительствахъ и злодѣянствѣхъ тамъ республиканцевъ-Французовъ. Алекеандръ Васильевичъ, вздохнувъ изъ глубины сердца, произнесъ: «Если бы я вступилъ въ сію столицу Мира, то строго запретилъ бы касаться памятниковъ, святотатствовать. Къ нимъ должно благоговѣть. Они торжество древности, а нашего века — отчаяніе. Но велѣлъ бы срыть до основанія ту башню, которая, какъ мнѣ сказывали, стоитъ, близъ садовъ Мецената, где Виргиліи и Гораціи пѣснями своими обезсмертили сего покровителя своего. Съ сей то башни чудовище Неронъ тѣшилъ вожженнымъ имъ пламенемъ Рима и воспѣвалъ на арфе пожаръ Трои.

Память такого изчадія ада должна изгладиться навѣки». — Суворовъ! ты не видѣлъ пожара твоей колыбели, не видѣлъ нашихъ дней — Нерона въ священномъ Кремлѣ!

* *

*

Александрѣ Васильевичу не нравилось, что всѣ надписи на новѣйшихъ памятникахъ въ Италіи Германіи на Латинскомъ языкѣ, и сдѣлалъ сіе замѣчаніе одному ученому Италіянцу. Тотъ утверждалъ, что такъ какъ слова надписей должны помѣщаться на тѣсной каменной доскѣ, то Латинскій языкъ, по краткости и силѣ своего слога, для сего приличнѣйшій и названъ лапидарнымъ отъ слова: lapis, камень. Но вотъ отвѣтъ Графа: «Вы хотите памятниками обнародовать, воскресить событіе умершее; зачѣмъ же не живымъ языкомъ? А вы, вмѣсто того, похороняете оное въ мертвомъ. Нѣсколько тысячъ гражданъ проходятъ, позѣваютъ и уходятъ, не узнавъ, кому и за что это сооружено. Только десятокъ Латынщиковъ глубокомысленно разсматриваютъ. Латинскій языкъ имѣлъ свои эпохи, когда всѣ Европейцы ему учились. Теперь каждый народъ имѣетъ свой. — И Русскій нашъ лапидарный: ПЕТРУ ПЕРВОМУ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ».

* *

*

По окончаніи Италіанской кампаніи, Генералиссимусъ поручилъ мнѣ сдѣлать Историческое обозрѣніе всѣхъ военныхъ ея событій. Я извлекъ оное въ хронологическомъ порядкѣ изъ военного журнала, который по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію велѣ при Арміи, и заключилъ слѣдующими словами: «Такъ знаменито оканчивается война сія. Она раскрыла всю пользу наступательной системы и холодного ружья Суворова. Онъ первый показалъ также, что крѣпости не останавливаютъ полета побѣдителя; что, разбивъ съ быстротою непріятеля, надобно уметь пользоваться побѣдою и, преслѣдуя его неустомимо, не давать ему времени опомниться. Война сія научила наконецъ людей противостоятъ силамъ природы и презирать всѣ стихіи разрушенія. Ни трескучіе морозы, ни громовыя низверженія ледяныхъ, земляныхъ и каменныхъ глыбъ, ни неприступность круглыхъ горъ, не удерживали паренія воинственнаго духа. Вѣчно-лучезарныя вершины Альпійскихъ колоссовъ забagrѣли кровію, — и Суворовъ, подобно Агезилаю, можетъ воскликнуть: «Предѣлы Россіи на концахъ штыковъ Русскихъ!» Онъ воскликнулъ: «Напрасно; это дѣло потомства». — Я отвѣчалъ: «Пусть современники передаютъ высокую славу своего вѣка грядущимъ столѣтіямъ». — Онъ умолкъ.

* *

*

Одинъ офицеръ, кромѣ воды, ничего не пилъ, но былъ пренесносный, пустой болтунъ. Князь прозвалъ его Водопьяновымъ и сказалъ: «Онъ пьетъ одну воду, но и безъ хмѣлю колобродитъ пуще пьянаго. За то есть у меня пріятель К., который, въ духѣ ржанныхъ и виноградныхъ соковъ, поетъ Гомеромъ, и воспѣлъ Велизарія». — Симъ именемъ называлъ онъ иногда себя.

* *

*

Послѣ Новійскаго сраженія вхожу я къ Фельдмаршалу для полученія приказанія писать реляцію. Онъ съ восторгомъ восклицаетъ:
«Конецъ — и слава бою!
Ты будь моей трубою».

* *

*

Князь, замѣтя одного иностранца, казавшагося приверженнымъ Французской революціи, сказалъ ему: «Покажи мнѣ, хотя одного Француза, котораго бы революція сдѣлала болѣе счастливымъ? При спорѣ о томъ, какой образъ правленія лучше, надобно помнить: что руль нуженъ, а важнѣе рука, которая имъ управляетъ».

* *

*

Одинъ офицеръ, впрочемъ достойный, нажилъ нескромностію своею много враговъ въ арміи. Однажды Графъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и изъявилъ ему сердечное сожалѣніе, что имѣетъ одного сильнаго злодѣя, который ему много, много вредитъ; тотъ началъ его спрашивать, не такой ли Н. Н.? Нѣтъ, отвѣчалъ Александръ Васильевичъ. Не такой ли Графъ Б.? Опять, отвѣтъ: «нѣтъ». Наконецъ, съ трусостію, чтобы никто не подслушалъ, заперъ дверь онъ ключемъ. «Теперь», — сказалъ онъ ему тихонько: «высунь языкъ, вотъ — твой врагъ».

* *

*

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ отправилъ къ Суворову съ поздравленіемъ Маіора, ему преданного и пребойкаго. Александръ Васильевичъ, принявъ его превѣжливо, старался всячески уловить его въ немогузнайствѣ, но никакъ не успѣлъ въ томъ. На вопросы, сколько на небѣ звѣздъ? сколько въ рѣкѣ рыбъ? сыпалъ тотъ милліоны. Наконецъ тѣлаетъ ему вопросъ: «Какая разница между Княземъ Николаемъ Васильевичемъ и мною? Отвѣтъ затруднительный: но Маіоръ не теряетъ присутствіе духа и отвѣтствуетъ: «Разница та, что Князь Николай Васильевичъ желалъ бы меня произвести въ Подполковники, но не можетъ; а Вашему Сіятельству стоитъ лишь захотѣть». — Это Фельдмаршалу такъ понравилось, что онъ его тутъ же, по данной ему власти, поздравилъ съ симъ чиномъ.

* *

*

Во всю жизнь свою не давалъ Александръ Васильевичъ никогда никому унижить себя, или, какъ говорилъ онъ, наступить себѣ на ногу. «Я» — продолжалъ онъ: «иногда растение *Noli me tangere*, т. е. не трогай меня: иногда электрическая машина, которая при малѣйшемъ прикосновеніи засыплетъ искрами, но не убьетъ». Въ доказательство сего прилагаю здѣсь достовѣрный анекдотъ изъ Духа Журналовъ. По взятіи Графомъ Суворовымъ Измаила, Князь Потемкинъ ожидалъ побѣдителя въ Яссы. Желая сдѣлать ему почетную встрѣчу, Князь велѣлъ разставить по дорогѣ нарочныхъ сигнальщиковъ; а въ залѣ, изъ которой видно было далѣе версты на дорогу, приказалъ смотрѣть Боуру, чтобы какъ скоро увидитъ ѣдущаго Графа, немедленно доложилъ бы Князю: ибо о выѣздѣ его изъ послѣдней къ Яссамъ станціи дано уже было знать. Но Суворовъ, любившій все дѣлать по своему, пріѣхалъ въ Яссы ночью и остановился у Молдаванскаго Капитанъ-Исправника, запретивши ему строго говорить о пріѣздѣ своемъ. На другой же день, часу въ десятомъ по утру, сѣвши въ Молдаванскій берлинъ (похожій на большую Архіерейскую повозку), заложанный парой лошадей въ шорахъ; кучеръ на козлахъ былъ Молдаванъ же, въ широкомъ плащѣ съ длиннымъ бичемъ; а назади, лакей Капитанъ-Исправника, въ жупанѣ съ широкими рукавами. И въ такомъ великолѣпномъ экипажѣ поѣхалъ къ Князю. Дорогою никто изъ наблюдавшихъ его не могъ подумать, чтобы это былъ Суворовъ, а считали, что ѣдетъ какая-нибудь важная особа. Когда же въѣхалъ онъ къ Князю на дворъ, то Боуръ, увидя изъ окошка, побѣжалъ къ Князю доложить, что Суворовъ пріѣхалъ. Князь немедленно вышелъ изъ комнатъ и пошелъ по лѣстнице, но не успѣлъ сойти три ступеньки, какъ Графъ былъ уже наверху. Потемкинъ обнялъ его, и оба поцѣловались. При Князѣ былъ одинъ Г. Боуръ, а мы стояли въ дверяхъ и смотрѣли. Князь, будучи чрезвычайно веселъ, обнимая Графа, говорилъ ему: «Чѣмъ могу я васъ наградить за наши заслуги?» — Графъ поспѣшно отвѣчалъ: «Нѣтъ, Ваша Свѣтлость! я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ. Меня наградить, кромѣ Бога и

Всемиловѣйшей ГОСУДАРЫНИ, никто не можетъ!» — Потемкинъ весь въ лицѣ перемѣнился, замолчалъ и вошелъ въ залу, а за нимъ и Графъ. Здѣсь подаетъ ему Графъ рапортъ; Потемкинъ принимаетъ оныѣ съ примѣтною холодностью: потомъ, походя по залѣ, не говоря ни слова, разошлись: Князь въ свои комнаты, а Суворовъ уѣхалъ къ своему Молдавану, — и въ тотъ день болѣе не видались.

* *

*

Жаль, очень жаль, что множество писемъ Князя Александра Васильевича къ покойному Генераль-Поручику Петру Ивановичу Турчанинову, къ Адмиралу де-Рибасу и многимъ другимъ особамъ, имѣющимъ на себѣ, печать оригинальности, остаются подъ спудомъ, и только въ искаженныхъ копіяхъ, переходятъ изъ рукъ въ руки. Сими безцѣнными сокровищами обладаетъ почтеннѣйшій племянникъ его, Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ. Отъ него ожидаетъ публика сего подарка; онъ одинъ, зная обстоятельства тогдашняго времени, можетъ раскрыть тайны сихъ полезныхъ іероглифовъ и показать намъ сего Героя, и на письмѣ ни на кого непохожаго. Я помѣстилъ, въ Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года, всю тогдашнюю его переписку; а здѣсь помѣщу два его лаконизма въ письмахъ:

ПИСЬМО 1.

Поле, одинъ мой элементъ! а — теперь выглядчикъ изъ-за кулисы на триумфъ Терситовъ....

ПИСЬМО 2.

(Отвѣтъ на кончину Князя Потемкина).

Се человекъ!... Образъ мірскихъ суетъ!.... Бѣги отъ нихъ мудрый!

* *

*

Князь, какъ всѣмъ извѣстно, любилъ забавляться странными вопросами: а удачные отвѣты его веселили. Однажды спросилъ онъ встрѣтившагося съ нимъ: «Далеко ли отсюда къ небу?» — Отвѣтъ: «Два Суворовскіе перехода». И Суворовъ расцѣловалъ его. Также спросилъ онъ, въ трескучій морозъ стоявшаго на часахъ: «Сколько на небѣ звѣздъ?» — Тотъ отвѣчалъ: «Сейчасъ перечесть», — и началъ: «разъ, два, три, и т. д.». Когда онъ насчиталъ до тысячи и болѣе, тогда Алексаидръ Васильевичъ, сильно прозябнувъ, спросилъ его имя — и ускакалъ. На другой день онъ унтеръ, — и Суворовъ сказалъ: «Нѣтъ, онъ меня перехитрилъ».

* *

*

Генераль-Поручикъ и Начальникъ Инженернаго Департамента при покойной ЕКАТЕРИНѢ. Тюковъ, поздравлялъ Суворова съ побѣдами и между прочимъ замѣтилъ, что онъ не присылаетъ по обязанности своей картъ и плановъ сраженій въ его Департаментъ. Онъ признался, что виноватъ. Тотчасъ вынесъ большую карту Европы, свернутую въ трубку: возложилъ ее на плечо, какъ ружье: отдалъ ей честь къ ногѣ и положилъ ее къ стопамъ Тюкова.

* *

*

Случились у Суворова: Дерфельденъ. Австрійскій Генераль Карачай и еще нѣкоторые, служившіе съ нимъ въ Турецкую войну. Графъ началъ съ Карачаемъ говорить по-Турецки; тотъ отвѣчалъ ему съ великимъ трудомъ, извиняясь, что позабылъ. Наконецъ, послѣ многихъ разговоровъ, спросилъ онъ: «Зачѣмъ не взяли мы тогда Константинополя?» — Карачай отвѣчалъ, смѣючись: что это было не такъ-то легко. «Нѣтъ», — возразилъ Суворовъ: «бездѣлица! Нѣсколько переходовъ при унынии Турковъ — и мы въ Константинополь: а флотъ нашъ — въ Дарданеллахъ». Тутъ остановили его Карачай и Дерфельденъ

напоминаніємъ о трудностяхъ пройти ихъ. «Пустяки», — отвѣчалъ онъ: «нашъ Елфинстонъ, въ 1770 году, съ однимъ кораблемъ вошелъ туда: не удостоилъ ихъ и выстрѣла: посмѣялся этой неприступности музыкою на кораблѣ, и возвратился, но потерявъ ни одного человѣка. Знаю, что послѣ Баронъ Тотъ укрѣпилъ Дарданеллы. Но Турецкая безпечность давно привела ихъ въ первобытное бездѣйствіе. Прочитайте описаніе о сихъ Дарданеллахъ Еттона, бывшаго долгое время Англійскимъ Резидентомъ при Портѣ Оттоманской, и вы разувѣритесь. Нашъ флотъ тамъ былъ бы. Но миролюбивая политика, остановившая его паруса и руль, велѣла вѣтрамъ дуть пазадъ».

* *

*

Однажды Меласъ, не бывъ доволенъ разсужденіями Генералиссимуса о ретирадахъ, сказалъ съ досадою: «Да, я позабылъ — вы Генераль впередъ». — «Правда», отвѣчалъ Суворовъ: «впередъ! но иногда оглядываюсь и назадъ, не съ тѣмъ однако же, чтобы бѣжать, но чтобы напасть». — Меласъ, въ слѣдующей по смерти Суворова кампаніи, когда, охраняя тѣсные проходы въ Савоію и Дофине, почиталъ себя отъ всякаго нападенія въ безопасности, а Бонапарте, устроивъ въ Миланѣ повое республиканское правленіе, заперъ, его въ сихъ самыхъ дефілеяхъ, — вспомнилъ вѣрно Суворова и сказалъ: «Ахъ, не оглянулся я назадъ!»

* *

*

Фельдмаршалъ, получавъ безпрестанныя изъ Вѣны напоминанія о скорѣйшемъ взятіи Мантуи, которую во всѣхъ бумагахъ называли неприступною твердынею, ключемъ Италіи и проч., — наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ: «Она будетъ взята другомъ моимъ, Краемъ. Но зачѣмъ лгать, называть ее первѣйшею, какою величалъ ее Бонапарте въ своей *campagne du General Buonaparte en Italie*, дабы прикрасить свое хвастовство и прикрыть свои ошибки? Крѣпость, которую онъ взялъ въ одинъ мѣсяцъ и двадцать пять дней, въ столь короткое время и при столь малыхъ пособіяхъ, не заслуживаетъ такого пышнаго названія. Одинъ солжетъ, а тысячи повторяютъ». Вдругъ, выхвативъ у Маркиза Шаттелера планъ Мантуи, сказалъ: «Вотъ она! — гдѣ же ея неприступность? Бастіонъ и рavelинъ по обѣимъ сторонамъ воротъ, праделлы защищаютъ ее. Вотъ что пугаетъ. Вся сила ея въ укрѣпленіи Сен-Джеоржіо. За то, какія выгоды для осаждающихъ! Если они овладѣютъ башнею Терезе, тогда въ рукахъ ихъ шлюзы, которые они могутъ спустить по произволу и осушить всѣ каналы». Разсматривая планъ, замѣчалъ онъ многія другія выгоды для осады и при семъ случаѣ сказалъ: «Зачѣмъ не говорятъ о Тортонѣ? Вотъ крѣпость, стоящая на высотѣ скалы, стоившая пятнадцать милліонновъ Королю Сардинскому, ни съ которой стороны неприступная: ни гаубицы, ни бомбы ее не достигаютъ. Она превосходитъ Брюнетту и Мантуу, — и будетъ также въ нашихъ рукахъ, если намъ не помѣшаютъ». — Она здалась, какъ и Мантуа⁷.

* *

*

Александръ Васильевичъ, какъ я уже въ одномъ анекдотѣ сказалъ, любилъ бесѣдовать со мною о Венеціи. И я всегда ею восхищался. Здѣсь прилагаю выписку изъ письма моего къ другу о семъ городѣ: «Пишу изъ Венеціи. — Вы полагаете читать описаніе сего единственнаго города. Такъ точно: онъ единственный, плавающий, качающійся на морскихъ волнахъ, городъ, гдѣ пѣтъ ни улицъ, ни лошадей; гдѣ умъ человѣческій перешагнулъ предѣлы возможности; подчинилъ себѣ влажную стихію, всегда противъ него бушующую; соединилъ ее съ твердынею камней, такъ чтобы борьба ихъ укоренялась вѣками и ихъ переживала, подобно дубу, отъ бурь твердѣющему. И здѣсь, на семъ равновѣсіи механизма необъятнаго, возвышается на мраморной площади богатѣйшій храмъ Св. Марка, древнѣйшій памятникъ набожности, могущества, гордыни, богатства нѣкогда Царицы морей, обрученной съ Адриатикою, державшей въ оковахъ всѣ огненныя жерла флотовъ во всемъ владычествѣ Нептуна и поработившей произволу своему всю торговлю Византіи. Венеція и теперь, въ самомъ уничиженіи своемъ, не теряетъ чудеснаго своего величія, торжества надъ природою, и остается, удивленіемъ зодчества, удивленіемъ творенія рукъ человѣческихъ. Для достойнаго изображенія ея, нужно сотворить новыя слова, новыя изразенія. И такъ,

⁷ См. Исторію Россійско-Австрійской кампаніи.

не ожидайте отъ слабаго пера моего сего описанія. Не читайте также изданныхъ о Венеціи книгъ. Вы найдете въ нихъ однѣ крайности: или представляютъ ее раемъ съ Ангелами, или адомъ съ чертями⁸. Италія не имѣетъ еще Тацита. Чтобы ощутить, въ полнотѣ внезапныя изумляющія впечатлѣнія, какихъ вамъ никакой городъ во всей вселенной дать не можетъ, надобно здѣсь въ Местре сѣсть со мною въ гондолу и поплыть къ Венеціи. Тогда предстанетъ предъ вами амфитеатръ, орошаемый кристалловидными волнами; и въ семь зеркалъ солнца сверкаютъ, клубятся, рѣзвятся отраженія ярко позлащенныхъ огненныхъ куполовъ, и блескъ алмазнаго моря не освѣщаетъ, по ослѣпляетъ зрѣніе. Вы увидите здѣсь, чего ни Лувръ Парижа, ни Церковь Св. Павла въ Лондонѣ, ни Капитолій со всѣми сокровищами Римскихъ древностей, — вамъ не покажутъ. Утомляюсь отъ распаленнаго моего воображенія: тщетно ищу словъ, въ которыя желалъ бы облечь всѣ неслыханныя и невиданныя здѣшнія прелести. Скажу вамъ только, что я въ городъ и на морѣ здѣсь, такъ сказать, на сто пятидесяти островахъ, связанныхъ превосходнѣйшими мостами, прожилъ три дни въ разлукѣ неразлучно съ Героемъ нашимъ. На площади Св. Марка продаются его реляціи и неумолчно раздаются громкіе крики: побѣды Суворова! побѣды Суворова! Слава его всюду сопутствуетъ ему. Теперь оставляю Венецію, сей оригиналъ въ физическомъ мірѣ, и спѣшу къ оригиналу въ нравственномъ. Прощайте».

* *
*
*

Отъѣзжавшій въ Римъ Англійскій путешественникъ былъ у Суворова и спросилъ его, не сдѣлаетъ ли ему какихъ-нибудь туда порученій? Отвѣтъ его былъ: «Зачѣмъ вы туда ѣдете? Вы, по пословицѣ, въ Римѣ будете, а Папы не увидите. Онъ въ рукахъ разбойниковъ. Но поѣзжайте, Римъ останется Римомъ и безъ похищенныхъ статуй Аполлона и Лаокоона. Пока Тибръ его орашаетъ память величія его не исчезнетъ. Кланяйтесь отъ Скиѳа Капитолію и тѣнямъ великихъ безсмертныхъ. Скажите имъ, что онъ плачетъ, не видя ихъ потомковъ, а только лишь вырожденцевъ».

* *
*
*

Одинъ Генералъ любилъ говорить о газетахъ и безпрестанно повторялъ: «въ газетахъ пишутъ; по послѣднимъ газетамъ, и т. д». Наконецъ, Александръ Васильевичъ сказалъ: «Жалокъ тотъ Полководецъ, который по газетамъ ведетъ войну. Есть и другія вещи, которыя знать ему надобно, и о которыхъ тамъ не печатаютъ».

* *
*
*

Одинъ только разъ въ жизнь свою вынужденъ былъ Графъ удалить одного Полковника, присвоившаго себѣ солдатскія артельныя деньги. Но и тутъ не рѣшился онъ выставить истинный его поступокъ, а велѣлъ написать просто, что онъ увольняется за немогузнайство.

* *
*
*

Однажды Князь Багратіонъ и Маркизь Шаттелеръ, вошли со мною къ Фельдмаршалу. Мы нашли его въ глубокомъ размышленіи. Предъ нимъ лежали: планъ Веронскому дѣлу подъ предводительствомъ Края, его реляціи карта. Вдругъ прерываетъ онъ свое молчаніе и, глядя на карту, начинаетъ дѣлать

⁸ Землякъ мой, съ которымъ я здѣсь подружился, и который болѣе любитъ природу, нежели искусство, замѣтя непрерывающійся восторгъ, впечатлѣніями во мнѣ произведенный, — сказалъ мнѣ наконецъ: «Поживите здѣсь какъ я, три мѣсяца, — и жаръ вашъ охладѣтъ. Вступая въ Венецію, мы прощаемся съ истинною природою: видимъ здѣсь только искусственную, подражательную; мы прощаемся съ царствомъ растений. Здѣсь ступаемъ мы не по мягкой землѣ, но по твердому мрамору; не видимъ ни одного листочка, и душистаго цвѣтка, ни благодатной ржи, ни развивающихся во всѣхъ постепенностяхъ своихъ прозябаній; не слышимъ соловья. Венеціанецъ не выѣзжавшій изъ Венеціи, есть жалкое твореніе: онъ ѣстъ хлѣбъ и не знаетъ, какъ хлѣбъ произведенъ. Переѣхавъ на твердую землю, вы будете дышать свѣжимъ воздухомъ, какого здѣсь ни за какія милліоны достать нельзя; и подъ прохладяющею тѣнію дуба или другаго благотворнаго дерева, насладитесь такимъ бытіемъ, какого ни какая очаровательная кисть Артистовъ всей Италіи даровать вамъ не можетъ. Вы сближитесь съ Творцемъ».

слѣдующія замѣчанія: «Позиція, занятая Шереромъ, показываетъ школьника. Что посредственнаго и трусливаго военачальника приводитъ въ замѣшательство, то отважному и опытному доставляетъ случай показать свой геній во всемъ пространствѣ. Если онъ слабѣе непріятеля, то никогда не должно не доставать въ немъ средствъ скрывать свою слабость; если онъ сильнѣе, то старается обойти, окружить его и преградить ему всякое отступленіе. Но для сего нужно имѣть подробныя свѣдѣнія о мѣстности, знать всѣ тропинки, возвышенности, проходы и проч. Правиль для сего нѣтъ. Это дѣло обстоятельствъ, минуты; это даетъ генію опытность. Ни того, ни другаго въ Шерерѣ нѣтъ. Взгляните на планъ и на карту: какъ можно на такомъ тѣсномъ мѣстоположеніи сосредоточить до 18.000 войска? Я лишь взглянулъ и поздравилъ друга моего Края съ побѣдою. Онъ, какъ Герой, маневрировалъ, бросилъ всю свою силу на лѣвый флангъ, проникнулъ оный, привелъ въ замѣшательство Французскія линіи, преслѣдовалъ канонадою и кавалеріею тревожилъ бѣгущаго непріятеля. Но вдругъ нечистый духъ шепнулъ; Унтеркунфтъ! — и погоня остановилась. Зачѣмъ съ инфантеріею не гнаться по теплымъ слѣдамъ до Изола-де-ла-Скала. Тамъ въ безпорядкѣ, въ страхѣ, изнуренная маршами и разбитая армія съ Главнокомандующимъ и со всѣмъ Главнымъ Штабомъ была бы въ рукахъ побѣдителей. Но Унтеркунфтъ ведѣлъ преждевременно оставить поле сраженія и запретилъ воспользоваться побѣдою, которая рѣшила бы судьбу Италіи. — Простите; я въ бреду не кончу. — Но оставимъ зады, а примемся за свое».

* *
*
*

О Шерерѣ за обѣдомъ у Фельдмаршала рассказывали, что по прибытіи его въ Италіанскую армію Главнокомандующимъ, на первомъ смотрѣ арміи въ Мантуѣ, поднималъ онъ самъ головы солдагъ, оправлялъ шляпы и замѣтилъ тотчасъ недостающую на мундирѣ пуговицу. Суворовъ на сіе сказалъ: «Ну, теперь я его знаю. Такой Экзерцирмейстеръ не увидитъ, когда его непріятель окружитъ и разобьетъ».

* *
*
*

Случилось мнѣ переписывать Немецкую бумагу, въ которой встрѣтилось слово: форсированный маршъ. Какъ переписчикъ списалъ я точно такъ. Вдругъ, въ присутствіи многихъ Союзныхъ Генераловъ, раскричался на меня Адександръ Васильевичъ, какъ я осмѣлился написать такое слово? Что форсированныхъ маршей, такъ какъ и тихихъ и медленныхъ, въ его словарь нѣтъ. «Быстрота моя», — продолжалъ онъ: «знаетъ только одинъ маршъ! — впередъ! и орлы полетели!» Приказано всѣмъ слова: форсированный — маршъ никогда не употреблять. Я молчалъ; ибо зналъ, до кого это относилось.

* *
*
*

Государыня ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА въ, Кременчугѣ, въ проѣздѣ въ Таврическую область, изволила спросить Суворова, не имѣетъ ли онъ какой просьбы? Онъ бросился къ Ея ногамъ и просилъ о заплатѣ за нанятую имъ въ Кременчугѣ квартиру. — Въ тотъ же день выдано ему изъ Казны, по его показанію, двадцать пять рублей, съ причитающимися копѣйками.

* *
*
*

Передъ Туриномъ нѣкоторые Генералы осмѣлились представить Суворову разныя затрудненія въ разсужденіи взятія Турина. Онъ разсердился и вскрикнулъ: «Пустое! Аннибаль, прошелъ Испанію, переправясь черезъ Рону, поразивъ Галловъ, перешедъ Альпы, — взялъ въ три дни Туринъ. Онъ будетъ моимъ учителемъ. Хочу быть преемникомъ его генія».

* *

*

Александръ Васильевичъ приказалъ, мнѣ запискою пригласить Генерала Аншефа Вилима Христофоровича Дерфельдена къ себѣ. Я написалъ. Взглянувъ, сказалъ онъ: «Нѣтъ это не годится. Я тебѣ продиктую, вотъ такъ: «Суворовъ проситъ пожаловать къ нему Его Высокопревосходительство Вилима Христофоровича, начальствовавшего въ Прагѣ атакою праваго крыла надъ 1-ю и 2-ю колоннами со славою, Героя при Гальцѣ. — Прибавъ два раза: и проч. и проч.». — Самъ и подписалъ. Послѣ Вилимъ Христофоровичъ спрашивалъ меня: «Что это за милости? — старикъ нашъ разшутился».

* *

*

Когда Генераль Серрюрье просилъ плѣнному своему войску пощады и снисхожденія, то Суворовъ отвѣчалъ ему: «Эта черта дѣлаетъ честь вашему сердцу: но вы лучше меня знаете, что народъ въ революціи есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами. Однако побѣды, оружіемъ пріобрѣтенныя, оканчиваются милосердіемъ. По взятіи Варшавы, прочиталъ я депутатамъ города стихи изъ Ломоносова, отца Русской нашей Поэзіи:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,

Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

Вслѣлъ пересказать сіи стихи по Французски и ушелъ. — Серрюрье воскликнулъ; *Quel homme!* какой человѣкъ!

* *

*

Князь Александръ Васильевичъ любилъ вспоминать о важнѣйшихъ эпохахъ своей жизни. Съ Княземъ Багратиономъ бесѣдовалъ онъ часто о Прагѣ и Варшавѣ, гдѣ тотъ находился подъ его начальствомъ. Увидя одного старика Подполковника, обрадовался онъ и вскрикнулъ: «Здравствуй, старый сослуживецъ, расскажи намъ что-нибудь про Прагу». — «Не умею», — отвѣчалъ онъ: «пересказать все, что я тамъ видѣлъ; да и сочтутъ за басню. Помню только и не забуду, что когда получено было извѣстіе, что непріятель изъ всѣхъ ретраншаментовъ выбить, что батареи его вездѣ нашими войсками заняты и что самая Прага была уже взята и отъ непріятеля очищена; то Ваше Сіятельство приказали разбить малый шатеръ на окопахъ и легли на постланной соломѣ отдыхать. Я тутъ былъ на караулѣ я видѣлъ, какъ все войско не шевельнулось. Одинъ другому лишь на ухо шепнулъ: «Богъ помощи отдохнуть нашему отцу спасителю. Онъ не спитъ, когда мы спимъ; не ѣстъ, когда насъ потчуетъ, и еще въ жизнь свою ни одного дѣла не проспалъ». Это не любовь, а страсть. — Грѣшенъ я, Ваше Сіятельство, позавидовалъ Суворову». — Князь бросился его цѣловать со слезами. — А я стыжусь и не прощаю себѣ, что позабылъ имя достойнаго служиваго.

* *

*

Въ Аугсбургѣ поставлена была къ дому его въ караулъ рота. Тотчасъ велѣлъ ее отпустить, съ сими словами: «И въ мирное время, и въ военное время охраняюсь я дюбовію моихъ согражданъ. Два казака — вотъ моя прислуга и стража».

* *

*

Въ Піаченцѣ, разсматривая картинную галерею одного Маркиза и увидя портретъ Юлія Цезаря, засмѣялся и сказалъ: «И сей великій мужъ платилъ дань человѣчеству: стыдился своей плеши и закрывалъ ее всегда лавровымъ вѣнкомъ». — Но когда совсѣмъ неожиданно увидѣлъ портретъ ПЕТРА 1-

го, то остановился и едва не бросился на землю. Потомъ произнесъ хозяину дома; «Въ Римѣ почитали того безбожнымъ, кто въ числѣ своихъ пенатовъ не имѣлъ изображенія Марка Аврелія. Ваше уваженіе къ нашему Великому Государю служить мнѣ залогомъ вашихъ возвышенныхъ чувствъ».

* *

*

Фельдмаршалъ велѣлъ мнѣ написать загѣтку слѣдующимъ образомъ:

ДИРЕКТОРІЯ.

Вертепъ Разбойничій.

**Ея кровопіцы:
Разбойники.**

Бонапарте.
Массена.
Сюшеть.
Ламоанъ.
Монришаръ.
Рей.
Руска.

Проконсулы:

Честные, но несчастные республиканцы.

Моро.
Макдональ.
Жуберъ.
Шампіоне.
Серрюрье.

«Не довольно знать», — сказалъ онъ: «воинскія достоинства непріятельскихъ военачальниковъ. Надобно знать и ихъ нравственность». Послѣ того, весьма много говоря о грабительствахъ реенубликанцевъ — Французовъ, о нашемъ бозкорыстіи, продолжалъ онъ: «Какъ стараются они прикрашивать, даже облагородствовать злодѣянія свои техническими словами. Напримѣръ: когда Генераль, или Коммисаръ, грабятъ, то они называютъ сіе *gagner*, выиграть. О солдатѣ никогда не скажугъ, *qu'il a volé*, что онъ укралъ: но *qu'il a trouvé*, что онъ нашелъ. — Этого мало: они хищничество преобразовали систематически въ науку контрибуціи и опять технически назвали сіе *republicaniser*, республиканизировать: не лучше ли *squeletiser*, скелетизировать. — Опустошивъ, высосавъ, раззоривъ всѣ владѣнія, одинъ богатый, великолѣпный Римъ оставался еще для ихъ корысти приманкою. Бертъе вступаетъ туда, — и древняя столица міра дѣлается добычею алчныхъ новыхъ Вандаловъ. Римъ безъ храмовъ, безъ сокровищъ, безъ хлѣба, безъ пастыря — ограбленная сирота. — О, несчастная Италія! ты была всегда яблокомъ раздора и театромъ войны. Терпи! — Мы оставляемъ тебѣ имя Русскаго, неоекверненное разбоемъ. Мы побѣждали враговъ твоихъ, но не тебя». — Съ такими чувствами унынія оставилъ онъ сегодня Италію.

Разстроганный до глубины сердца сими мрачными мыслями добраго моего начальника, видя предъ собою войско въ горести, обращающее въ послѣдній разъ взоры назадъ съ восклицаніями: «Прощай, добрая земля! поминай, какъ мы съ старикомъ нашимъ за тебя поработали. Не забудемъ и мы твою хлѣбъ-соль, твою лапшу (макароны). — Стою теперь на границѣ Швейцаріи: другой языкъ, другое небо, воздухъ, другая земля, дрігіе люди. Сюда Церера, Помона и Флора не заглядывали. И отсюда въ послѣдній разъ смотрю на всѣ величественныя красоты, декораціи Итліянской природы, которыхъ изобразить ни слово, ни перо, ни кисть не въ состояніи. Уже воспоминанія о древнихъ обитателяхъ ея даютъ ей прелесть преимущественную предъ всеми другими народами. Хотя Греція раздѣляетъ выгоду сію съ Лаціею: но какое различіе! — тамъ ничто не напоминаетъ уже о событіяхъ древняго ея міра, тамъ воображеніе ищетъ и не находитъ стези къ онѣмъ, всѣ памятники прежняго величія сего просвѣщеннѣйшаго народа сокрушились отъ руки варваровъ, и только рѣдко являются наблюдательному оку странника какіе-либо останки, сокрывшіеся отъ разрушенія сихъ бурь. Здѣсь же — какое зрѣлище! — еще покоится Римъ на своихъ семи холмахъ, еще блистаетъ Капитолій, еще стѣны его орошаются чистоводнымъ Тибромъ. Здѣсь стоитъ его Форумъ, тамъ колоссальныя памятники искусства свидѣлствуютъ величіе исполина — народа. Тамъ нѣтъ страны, нѣтъ города, нѣтъ рѣки, которая не ознаменована бы! была какимъ-либо историческимъ событіемъ. А теперь и имя Россіи будетъ гремѣть въ лѣтописяхъ Италіи и побѣдами, и безпримѣрнымъ великодушіемъ на вѣчныя времена! — Но я забываюсь; я пишу анекдоты. — Прощай Италія!

* *

*

Г-жа Синицкая прислала къ Графу Александру Васильевичу слѣдующее письмо:

Семьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ; шестнадцать взрослыхъ дѣтей схоронила; семнадцатаго, послѣднюю мою надежду, молодость и запальчивый нравъ погубили: Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ; а гробъ для меня еще не отворился... ГОСУДАРЬ милосердъ, Графъ Рымникскій милостивъ и сострадательнъ: возврати мнѣ сына и спаси отчаянную

мать Лейбъ-Гренадерскаго полка Капитана Синицкаго».

Отвѣтъ ГРАФА:

«Милостивая Государыня! Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будемъ мы. Съ почтеніемъ пребуду, и проч.»—

Когда онъ успѣлъ испросить Синицкому прощеніе, то съ колѣнопреклоненіемъ и со слезами палъ предъ Образомъ и тотчасъ написалъ:

«Утѣшенная мать, Твой сынъ прощенъ... Алилуія! Алилуія! Алилуія!»

Кто видѣлъ, какъ я, безпрестанное стремленіе Суворова къ благодѣтельствуванію страждущаго челоуѣчества, кто былъ теперь свидѣтелемъ сего сердечнаго его восторга, тотъ не можетъ говорить объ немъ безъ жару.

Вотъ послѣдній анекдотъ, — лучшаго я не имею.

* *

*

Представивъ въ Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи Генералиссимуса Суворова героемъ, въ анекдотахъ челоуѣкомъ, но челоуѣкомъ необыкновеннымъ, я теперь намѣреваюсь говорить здѣсь о непредѣльной къ нему любви и довѣренности войска, и какими способами преуспѣлъ онъ въ томъ.

Можно сказать, что войско не только-что любило, но почти боготворило сего великаго, единственнаго Полководца. Все, что онъ ни скажетъ, было свято; никто не смѣлъ противорѣчить или разсуждать. Въ Италіи, въ неудачномъ одномъ дѣлѣ, гдѣ многочисленность и выгодная неприступная позиція непріятеля всѣ покушенія съ нашей стороны тщетными. Начальникъ придумалъ хитросъ закричать: «Суворовъ здѣсь!» — тотчасъ всѣ бросились впередъ и легли. Но Суворовъ, узнавъ о томъ, сдѣлалъ строжайшій выговоръ и оплакалъ сихъ жертвъ слѣпой къ нему преданности. Подъ Требією былъ я очевидцемъ, что на разныхъ пунктахъ, гдѣ только начнутъ разстроиваться войска, его одно присутствіе тотчасъ возстановляло порядокъ. Я стоялъ съ Вилимомъ Христофоровичемъ Дерфельденомъ на возвышенномъ мѣстѣ и удивлялся симъ явленіямъ. «Они для васъ новы». — сказали мнѣ почтеннѣйшій Генераль Дерфельденъ: «а я насмотрѣлся въ теченіи тридцати пяти лѣтъ, какъ служу съ этимъ непонятнымъ чудачкомъ. Это какой-то священный талисманъ, который довольно развозить и показывать только, чтобы одерживалъ побѣды. Онъ меня нѣсколько разъ въ жизнь мою стыдилъ. Часто диспозиція его казалась мнѣ сумбуромъ; по слѣдствію мнѣ доказывали противное. — Справедливо сказала» — продолжалъ онъ: «ЕКАТЕРИНА: Я посылаю въ Польшу двѣ арміи: одну — армію, а другую — Суворова». Едва кончилъ онъ разговоръ, какъ непріятель уже обращенъ въ бѣгство. Дерфельденъ поскакалъ и крикнулъ мнѣ: «Вы видите, что я не лгу».

Но не на одномъ полѣ сраженія пріобрѣлъ онъ сію высшую степень любви и довѣренности. Старики солдаты любили его въ лагерѣ и на квартирахъ, разсказывали о прежнихъ его подвигахъ молодымъ; забавно передавали имъ его странности, его съ ними разговоры; разсказывали объ немъ анекдоты, иногда небывалые, необыкновенные, шутилки. Словомъ, онъ былъ у нихъ книгою, которую ежедневно читали. Взглянуть на него — и всѣ веселы. Они почитали его какимъ-то существомъ высшаго рода. Чтобы пріобрѣсть любовь союзныхъ солдатъ, показался онъ съ однимъ казакомъ на Австрійской батарее, на которую сыпался съ непріятельской стороны градъ ядеръ. Шутить съ солдатами, которые были отъ него въ восторгѣ. Сіе его безстрашіе разнеслось по всей ихъ арміи и онъ сдѣлался, такъ сказать, ихъ идоломъ. Офицеры видѣли въ немъ отца, любящаго награждать каждый шагъ усердія. Генералы его любили, но и боялись: ибо съ нихъ взыскивалъ, онъ строго и стыдилъ ихъ разными насмешками по своему.

Такъ, узнавъ, что одинъ Генераль отозвался: не нужна мнѣ диспозиція, при мнѣ шпага, — сказалъ Суворовъ: «Не показывайте ему диспозиціи. Онъ храбръ со шпагою, а полкъ его съ топоромъ полкъ его

когда-то выстроилъ ему дачу. Генераль покраснѣлъ. — Дерфельденъ, Розенбергъ, Меласъ и прочіе всѣ Генералы, съ нѣкоторою боязнію съ нимъ обращались: ибо всегда опасались, чтобы онъ ихъ не кольнулъ своею особенною насмѣшкою. Но вся армія была совершенно увѣрена, что онъ за неисправность пакажетъ отечески, или словами его. «Солдату палочки, а офицеру арестъ». Но никогда никого не погубить.

Величайшее на всю армію влияние имѣло его благочестіе. Солдату извѣстно было оное. Ибо всегда послѣ побѣды приносилъ онъ, со всѣмъ войсвомъ, предъ алтаремъ всѣхъ благъ Подателя благоговѣйныя, сердечныя благодаренія. Таковой примѣръ любимаго Военачальника утверждалъ въ сердцахъ его подчиненныхъ сію Христіанскую истину, что всякая ихъ побѣда есть даръ отъ Бога. Часто кричалъ онъ войску. Начало премудрости есть страхъ Господень. — Такъ уроками мудрости дѣйствовалъ онъ на умы!

Зналъ онъ, что солдатъ не любитъ въ Начальникѣ своемъ пышности; и потому, соображаясь съ симъ, жилъ и онъ солдатомъ. Врагъ роскоши, обѣдалъ яо солдатски рано, хлѣбалъ солдатскія щи и кашницу. Сіе единообразіе жизни съ жизнью солдатъ, сближало его съ ихъ сердцами; и они видѣли въ немъ Героя. Начальника, отца и перваго своего брата — солдата. Сіе поддерживалъ онъ и своею одеждою. Кромѣ торжественныхъ праздничныхъ дней, когда онъ украшалъ себя знаками отличія, былъ онъ всегда одѣтъ въ простой солдатской курткѣ, и тогда не требовалъ никакихъ почестей. Но величайшее искусство его было въ разгарѣ съ своими чудобогатырями. Тутъ былъ онъ не подражаемъ. Въ ихъ вкусѣ, въ ихъ слогѣ, въ ихъ языкѣ бесѣдовалъ онъ съ ними. Опыты долговременной его съ нижнихъ чиновъ службы познакомили его съ кругомъ ихъ познаній и понятій, и каждое его слово и изрѣченіе были къ тому приспособлены, какъ-то доказываютъ: его приказы, разговоръ съ солдатами, словесное поученіе солдатамъ и многіе другіе, которые они вытверживали наизусть и передавали товарищамъ.

Солдаты говаривали: «Нашъ Суворовъ съ нами въ побѣдахъ и вездѣ въ паю, только не въ добычѣ: она вся наша». — Такая мысль о безкорыстїи Начальника усиливала ихъ къ нему любовь. Къ сей добродѣтели присоединяла онъ и справедливость. Подъ Рымникомъ, по одержанїи побѣды, велѣлъ онъ раздѣлить все доставшееся обѣимъ союзнымъ арміямъ поровну. И по примѣру двухъ друзей, Суворова и Кобургскаго, Русскіе и Австрійцы сдѣлались братьями — одною душою. О корыстолюбїи Массены говорилъ онъ: «Ужели не вспомнить онъ, что въ тѣсномъ гробѣ его не помѣстятся всѣ заграбленные имъ и кровію обогранные милліоны? — Добыча ваша, а не моя: спасибо, чудобогатыри!» — кричалъ онъ; — и сіи слова разносились по рядамъ войска.

Благодарность его была не на словахъ. Тотчасъ спѣшилъ онъ въ реляціи повергнуть къ стонамъ Августѣйшаго Царскаго Престола достойныхъ сподвижниковъ своихъ. Увѣренность, что ни одинъ подвигъ ревности не остается безъ вниманія безпристрастнаго и благодѣтельнаго начальника, подвизала ихъ къ побѣдамъ. Однажды въ Турецкую кампанію всѣ полученныя отъ ЕКАТЕРИНЫ награды, знаки отличія наклалъ онъ въ мѣшокъ; выходитъ согнувшись, неся оный на плечахъ, и кричитъ, всѣмъ ожидающимъ наградъ: «Ахъ! помилуй Богъ! какъ тяжела ноша. Такъ-то и намъ тяжело было». Вдругъ раскрываетъ мѣшокъ, вынимаетъ знаки отличія, украшаетъ ими и восклицаетъ: «Нѣтъ! легко бремя, когда Матушка такъ насъ, дѣтей Своихъ, милуетъ и лелѣетъ». Ура раздавалось по всѣмъ рядамъ.

На все войско смотрѣлъ Генералиссимусъ окомъ строгаго безпристрастія. Всѣ предъ нимъ равны. Не хотѣлъ знать никакихъ связей. Одно истинное достоинство обращали на себя все его вниманіе и покровительство: а потому никто не опасался, чтобы другой заслонилъ ему дорогу къ счасію. Онъ получилъ сильное рекомендательное письмо о повышенїи чиномъ одного молодого человека. Всѣ не ожидали отказа; но онъ не согласился, сказавъ: «Осчастлививъ одного неблагодарнаго, я оскорблю нѣсколько сотенъ достойнѣйшихъ и старшихъ. Дорожу, уваженіемъ къ себѣ арміи», — и пребылъ непреклоннымъ. Не нужно послѣ сего отвѣчать на вопросъ: не готовъ ли всякій умереть за такого Начальника? И мнѣ сказалъ онъ: «Въ Исторїи обо мнѣ будь безпристрастенъ. Если ты меня любишь, то забудь сію любовь и не оскверняй лестію пера твоего, а меня въ могилѣ». — Я виновенъ предъ тобою; ибо не умѣлъ воздать тебѣ достойно, и не написалъ твоей Исторїи; а оставляю потомству одни лишь матеріалы. Исторія твоя ждетъ — Плутарха.

Конецъ.

Ключевые слова.

Сіятельство, императрица, матушка-царица, государь, ельдмаршал, граф, генерал, министр, военачальник, художник, чудобогатыри, Альпійскіе ущелия, армія, пленные, христіанскіе герои, мундир.

Примечание.

При редактировании соблюдены все особенности правописания. Знаки препинания в прямой речи сохранены как в книге.